

О. Н. Дамения

АБХАЗИЯ
НА РУБЕЖЕ
ВЕКОВ

Олег Несторович Дамения Абхазия на рубеже веков (опыт понятийного анализа)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10697682

*Абхазия на рубеже веков (опыт понятийного анализа). / Дамения О.Н.: Юридический центр-Пресс; Санкт-Петербург; 2011
ISBN 978-5-94201-622-7*

Аннотация

В предлагаемой вниманию читателей книге известного абхазского философа исследуются проблемы развития современного абхазского общества. Автор рассматривает происходящие в абхазской жизни изменения на фоне современных трансформационных процессов. Анализ проводится на основе комплексного подхода с использованием методов и понятийного аппарата социальной философии, культурологии, этнологии, феноменологии, герменевтики, психоаналитики и синергетики. Впервые предпринята попытка создания в контексте мировой и общекавказской культуры концепции развития абхазской культуры и государственности.

Книга рассчитана на широкий круг читателей – историков, философов, культурологов, политологов, а также всех, кто интересуется проблемами развития абхазской культуры.

Содержание

От редактора	7
Предисловие автора	9
Введение	13
Время безвременья	14
Определение неопределенности	15
Порядок и хаос	16
Кризис бытия или переходный процесс?	17
Между двумя системами	19
О социальных последствиях техногенной цивилизации	20
Характер и динамика эволюционных процессов	21
Конструкция или деструкция?	23
Самоопределение или самоидентификация!	25
Примечания	28
Глава I	29
§ 1. Внешний мир и особенности его трансформации	29
Абхазия и внешний мир	29
Метаморфозы постсовременного мира	30
Новая дихотомия или возвращение к старой модели?	30
Катакомбы геополитических коллизий	31
Мир как противоречивый процесс	32
§ 2. Кавказ в меняющемся мире	34
В контексте глобального кризиса	34
Региональный аспект кризиса	35
§ 3. О кавказской культуре (Опыт моделирования научной версии)	38
Культурно-цивилизационный контекст	38
Исходные реалии анализа	38
Социальная диагностика культуры: постановка проблемы	39
Переходный процесс: откуда, куда и почему?	40
Кризис культуры и поиск выхода из него	43
Сохранение культуры: повторение или творение?	44
Социокультурное разнообразие и проблемы моделирования кавказской культурной общности	45
О единстве этнокультурного разнообразия	48
Реформация или деформация?	49
От культурной гомогенности к гетерогенности	50
§ 4. Абхазия в геополитическом дискурсе	52
«Линия разлома»	52
Абхазия и Россия: взаимные интересы	53
Абхазия в условиях расширяющегося Запада	54
Турция на абхазском побережье	55
Абхазия и Грузия: врозь на одном пространстве	55
Примечания	57
Глава II	59
§ 1. Из предыстории войны	59
Вначале было слово	59

Продолжение начала	60
Прелюдия к новой войне	61
§ 2. Военная стадия конфликта и ее политические последствия	63
Прерванное слово	63
И вновь война	63
Реалии и иллюзии победы	64
Политические последствия войны	65
§ 3. Поствоенная трансформация конфликта	67
От культа силы к диалогу	67
И вновь тупик?!	68
В поисках выхода из тупика	69
Познание конфликта как путь к его урегулированию	69
§ 4. Как мыслить Абхазию?	71
Постановка проблемы	71
О ключевых понятиях «абхазы» и «Абхазия»	71
Оппозиция «Мы» – «Они»	73
В лабиринтах познания	73
Еще раз о двух концепциях	74
В поисках версии	75
Версия первая	75
Версия вторая	77
Идея двуаборигенности и логика этнообразования	78
О роли этнического фактора в формировании социальной общности	80
Что собой представляет порядок внутри этносоциальной общности?	80
О чем глаголет культура?	81
Кризис сознания	83
§ 5. Об истоках конфликта и национальных интересах Абхазии	85
Социальная база конфликта	85
Абхазы и грузины как участники конфликта	85
О базовых интересах участников конфликта	86
Территориальные интересы	88
Социокультурная идентичность	89
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Олег Несторович Дажения

Абхазия на рубеже веков (опыт понятийного анализа)

Автор выражает признательность Президенту Республики Абхазия Сергею Васильевичу Багати за предоставленную возможность работать над этой книгой

Олег Несторович Дажения

Руководитель Центра стратегических исследований при Президенте Республики Абхазия, кандидат философских наук, доцент

О.Н. Дамения – известный абхазский философ и общественный деятель. Область научных интересов – социальная философия, философия культуры, культурная антропология. Автор более 80 научных работ, изданных в Москве, Киеве, Алма-Ате, Тбилиси, Ереване, Ирвайне (Колумбийский университет, США), Ростове-на-Дону, Майкопе, Сухуме. Труды О.Н. Дамения отличаются глубиной анализа и остротой поставленных в них проблем.

О.Н. Дамения – видный деятель общественно-политической жизни Абхазии. Является одним из авторов известного «Абхазского письма 130-ти» (1977 г.). В 1992–1996 гг. О.Н. Дамения был депутатом Парламента Республики Абхазия. С 2006 г. – руководитель ЦСИ при Президенте РА.

Редакционная коллегия несерийных изданий

Ю.В. Голик (отв. ред.), М.Т. Агаммедов, Н.А. Винниченко, И.Х. Дамения, И.В. Елисеев, И.Э. Звечаровский, А.В. Земскова, А.В. Коновалов, С.Ф. Милюков, А.В. Сальников, А.В. Федоров, А.А. Эксархопуло

YURIDICHESKY CENTER ASSOCIATION

CENTER FOR STRATEGIC STUDIES UNDER PRESIDENT OF REPUBLIC OF
ABKHAZIA

O. N. Damenia

ABKHAZIA ON THE TURN OF THE CENTURY
THE EXPERIENCE OF CONCEPTUAL ANALYSIS

Saint Petersburg
Yuridichesky Center Press
2011

Editorial Board

Yu.V. Golik (managing editor), M.T. Agammedov, N.A. Vinnichenko, I.H. Damenia, I.V. Eliseev, I.E. Zvecharovsky, A.V. Zemskova, A.V. Konovalov, S.F. Milyukov, A.V. Salnikov, A.V. Fedorov, A.A. Eksarkhopoulo

In the present book, the famous philosopher studied the Abkhazian problem of the modern Abkhazian society. The author of concise reviews taking place in Abkhazian lifestyle changes based on current transformation's processes. The analysis is based on an integrated approach using the methods and conceptual apparatus of social philosophy, cultural studies, ethnography, phenomenology, hermeneutics, psychoanalysts and synergy. First attempt to develop in the context of world culture and the common Caucasian concept of Abkhazian statehood and culture in general was made.

The book is designed for a wide range of readers, historians, philosophers, culturologists, politologists, primarily for those interested in the problems of Abkhazian culture.

© O.N. Damenia, 2011 © 'Yuridichesky Center Press', 2011

От редактора

Каждый народ считает свой образ жизни самым правильным и стремится сохранить его, передавая потомству с накопленным опытом и свое видение вещей. Но каждый народ не живет на острове, отгороженном от остального мира. Мир активно вмешивается в его жизнь, меняя, порой корежа ее. Малочисленному народу трудно, а иногда и невозможно, противостоять этой волне.

Если в советской империи мы, имея свою автономную нишу, были более или менее защищены, то с развалом СССР, последовавшей войной и обретением независимости мы оказались с миром один на один, будто внезапно открылись все двери и отовсюду подули ветры. Сумев отстоять свою свободу, наш народ оказался под другой угрозой – потери своей национальной идентичности.

Что делать в этой ситуации, чтобы сохранить себя, свою непохожесть на других, свою культуру, т. е. остаться самим собой, не потерять необщее выражение своего лица?

Над этими вопросами размышляет в своей книге философ Олег Дамения. Проанализировав исторический и духовный опыт абхазского народа, особенности его культуры в контексте культур других народов Кавказа и вообще мировой культуры, на большом фактическом материале, с привлечением научных, литературных источников, он предлагает свое решение проблем, стоящих перед нами.

О. Дамения не скрывает сложности этих проблем, он меньше всего озабочен поиском утешительных формулировок, паллиативов. Он ищет истину, а это порой чревато горькими открытиями, и таких горьких открытий читатель найдет в этой книге немало. Это может вызвать неприятие определенной части абхазов, не склонных к саморефлексии, все еще продолжающих жить по готовым дедовским образцам. Но без знания, а главное – озвучивания правды о себе никакой народ не сможет прорваться в будущее, он будет вечным заложником мифического прошлого.

Разумеется, не со всеми выводами О. Дамения нужно и должно соглашаться. Так, вряд ли одно лишь возрождение абхазского села способно решить проблемы сохранения и развития абхазского этноса, абхазской идентичности. Мы должны стать полноценной частью человеческой цивилизации, и здесь не обойтись без города, без городской культуры, хотя город с его размытой моралью представляет определенную угрозу для малочисленного народа. Городская жизнь полна соблазнов, она сложна, и человеку необходимо иметь сильные адаптивные способности – не только чтобы выжить, но и сохранить свой духовный мир цельным, сохранить незамутненным свое понимание добра и зла. (Речь идет о новых горожанах, бывших сельских жителях, которых в послевоенное время среди нашего народа стало много и которые оказались неприспособленными к городской жизни и стремительно теряют свое абхазское лицо.) Но и для самореализации город представляет гораздо больше возможностей. Очевидно, что за последние сто лет наша культура, как правило, творилась в основном в городе. Другое дело, что наши города, в том числе и столица, не стали вполне абхазскими, в них мало абхазского колорита и, самое опасное, мало абхазской речи.

Каждая культура самоценна, она не нуждается в оправдании и отражает духовную сущность народа, создавшего ее, его вочеловечение на долгом историческом пути. Так же и абхазская культура, она является частью общечеловеческой культуры, ее сохранение и развитие – столь же важная, если не самая главная, задача в ряду других задач, стоящих перед нашим молодым государством.

Олег Дамения написал честную книгу, не покрывив душой, не спрятавшись за вымыслами и утопиями. Его глубоко волнует будущее Абхазии и абхазского народа. Через не всегда

приглядную правду о нас сегодняшних он ищет пути в будущее, и этот поиск по определению не может не рождать надежды.

Даур Начкебия

Предисловие автора

*Светлой памяти тех, кто принес свою жизнь на алтарь
Отечества, посвящается*

Прежде чем изложить то, что обычно предпосылается научному изданию, важным представляется разъяснить: что же побудило меня написать такую книгу? Сделать такое разъяснение тем более следует, поскольку я не являюсь абхазоведом и предлагаемая вниманию читателей книга не вполне вписывается в круг моих научных интересов. По профессии я – преподаватель философии, к которой питаю затаенную любовь уже более 40 лет. Проникся я этим чувством еще в годы учебы в аспирантуре Института философии АН СССР. Именно тогда в стенах этого института мне удалось увидеть и послушать известных философов: А.Ф. Лосева, М.К. Дынника, В.Ф. Асмуса, П.В. Копнина, Э.В. Ильенкова, психолога А.И. Леонтьева, физика И.Л. Капицу, генетика И.И. Дубинина, филолога М.М. Бахтина и многих других.

После окончания аспирантуры и защиты диссертации я опасался, что заниматься так полюбившейся мне профессией в условиях Абхазии будет трудно. Так оно и случилось. Вернувшись домой, я оказался в гуще политических событий, которые волнообразно разворачивались вокруг абхазо-грузинского противостояния. Смысл политики, проводившейся официальным Тбилиси в Абхазии, был довольно прост: *огрузинивание абхазов*, что, естественно, вызывало сопротивление со стороны абхазской общественности. В этих условиях мне, как и многим моим коллегам, часто приходилось работать над подготовкой различных политических документов, в том числе и письма, известного под названием «Письмо 130-ти».

В дальнейшем противостояние между Абхазией и Грузией нарастало, что в конечном итоге привело их к вооруженному столкновению в июне 1989 г. и войне 1992–1993 гг.

Все это не только отвлекало, но и лишало меня возможности заниматься философией. Только изредка мне удавалось тешить себя чтением сочинений древнеиндийских, древнегреческих авторов и европейских классиков. Особенно поражали и продолжают поражать меня Платон, Кант и Гегель. Но в последнее время я их читал не просто из «любви к искусству», а в связи с реальными жизненными событиями, участником которых мне часто приходилось бывать. В таком ракурсе я лучше стал понимать сложнейшие философские тексты. В то же время с высоты философских абстракций становилась все более заметной невидимая часть айсберга. Из глубины веков, а то и тысячелетий, философская мысль порой высвечивает такие реалии нашей современной жизни, понять которые обычное сознание не в силах.

Здесь нельзя не вспомнить Платона, сочинения которого, в частности «Законы», написанные 2500 лет назад, звучат и сегодня так, будто их автор жил и творил в послевоенной Абхазии. Они – самый обстоятельный и исчерпывающий ответ на вопрос: что нам сегодня надлежит делать для благоустройства своего общества? Всех тех, кого поистине тревожит судьба современного абхазского общества, я отсылаю к философскому наследию древнегреческого жреца истины, который и сегодня может помочь нам, как никто другой, в понимании нашей жизни.

Именно платоновская метода часто помогала мне вести определенное («включенное») наблюдение за действиями людей. Она позволяла мне раскрывать в какой-то степени смыслы, которые были сокрыты в этих действиях и мотивировали их. Можно проиллюстрировать эту мысль и своими личными наблюдениями. Я был очевидцем и участником трагических событий начала грузино-абхазской войны. Я видел, как мирные люди, в их числе и мои студенты, шли на фронт, не имея ни оружия, ни элементарных представлений о войне. Шли они, чтобы разоружить врага и вооружиться самим! При чем шли они не по приказу,

невыполнение которого грозило им суровым наказанием, а по собственному желанию! Значит, это был их свободный выбор. Но ведь шли они на верную смерть! *Что же ими двигало? Какая же сила заставляла их идти на верную смерть? Во имя какой более высокой ценности они готовы были рискнуть своей жизнью? Есть ли в иерархии ценностей человека вообще еще нечто такое, что имеет для него большую значимость, чем его жизнь.?*

Как видно, в экстремальных условиях войны люди начинают действовать неординарно. Это делает более прозрачным то, что обычно скрыто в их действиях, а потому не всегда адекватно осознается ими. В этом плане показательным оказался и кризис, разразившийся на рубеже веков, – и не только в бывшем Советском Союзе. В условиях кризиса, продолжающегося еще сегодня, людям также приходится мыслить и действовать необычно. Понять их действия привычным способом крайне сложно. Приходится искать новые подходы, по-новому читать тексты, подтексты и контексты социальной жизни людей.

Более того, на рубеже веков мы оказались перед новым вызовом: *как мы, абхазы, собираемся жить дальше!* Одного только политического самоопределения, как видно, оказалось недостаточно. Возникла острая необходимость и в культурно-цивилизационном самоопределении. От нас требовалось ответить на вопрос: *кто мы, абхазы, и чего мы хотим?* Сегодня от нас уже требуется оценить свой человеческий потенциал, ибо только на его основе может быть обусловлена целесообразность самой идеи абхазской государственности и ее независимости. Без собственной интеллектуальной базы государство не может иметь смыслообразующего начала, и оно (государство), тем более такое маленькое, как абхазское, может превратиться в предмет различных геополитических игр.

Ситуация, сложившаяся в последние десятилетия в Абхазии и вокруг нее, оказалась, как видно, неординарной, весьма острой и неоднозначной. Вопрос «Быть или не быть абхазскому народу?», несмотря на последние завоевания, по-прежнему продолжает висеть над нами, как дамоклов меч. Абхазская общественность осознает эту угрозу, но не знает, как ее отвести. Эта книга в какой-то степени является ответом на вызов исторического времени.

Современное состояние абхазского общества, в условиях которого писалась книга, не могло не наложить определенного отпечатка на нее. Вследствие этого она не похожа на обычное академическое издание. Такое издание, как правило, снабжается специальным научным аппаратом (терминологией, обширной библиографией, комментариями и др.). По стилю изложения книгу следует отнести к научно-популярному жанру.

Однако это не означает, что я пренебрегал академическим подходом. Напротив, в меру своих возможностей я придерживался современных научных требований. Потому изложенная в книге концепция – это не субъективная позиция автора, а продукт научного анализа.

Выбирая такой жанр, я исходил из степени значимости анализируемой в книге тематики, которая была, повторяю, как бы «навязана» самой жизнью. В силу этого обстоятельства возникла острая необходимость в расширении читательской аудитории. Ведь к судьбе культуры имеют отношение не только ученые, которые ее изучают. Круг специалистов, имеющих профессиональный интерес к культуре, гораздо шире, чем узко академический. Именно тем, кто имеет профессиональное отношение к абхазской культуре, в первую очередь, и предназначается данное издание.

При этом свою основную задачу я видел не столько в скрупулезном изучении фактов абхазской культуры и выстраивании их в определенную систему, сколько в изложении самой идеи (концепции, версии) книги, как бы в «чистом виде». В наших представлениях об абхазской культуре больше всего не хватает как раз ее *понимания*. Именно через формулирование рабочей версии мыслится мне достижение *понимания* абхазской культуры в ее *системной целостности*. Собственно, в этом и состоит замысел книги.

Здесь важно уточнить понятия «понимание» и «целостность». Само *понимание* культуры, как известно, есть высший уровень, которым как бы завершается процесс ее познания.

Целостность культуры не сводится к простой сумме ее (культуры) составляющих элементов. Культура (как, впрочем, и любой другой системообразующий объект) есть нечто единое, нерасчленимое и большее, чем совокупность структурных элементов, из которых она состоит. Поэтому из знаний отдельных элементов и фрагментов культуры не может быть создано понимание ее целостности. Но понимание достигается лишь анализом предельно общих понятий и категорий, познавательный потенциал которых мало используется в работах, посвященных абхазской культуре. Именно это обстоятельство и определило понятийный подход, используемый в книге.

Важность такого подхода заключается в том, что он позволяет создать целостное (общее) понимание культуры, являющейся сложным структурным образованием. Культура и составляющие ее структурные элементы находятся в отношении части и целого, в котором части функционируют по законам целого. Это значит, что без знания целого трудно понять части, из которых оно состоит. Лишь в свете общего понимания культуры можно разобраться в ее отдельных элементах. Более того, именно это понимание, часто в форме методологии или логических процедур, предшествует и предваряет изучение самих структурных элементов. Получаемые при этом результаты во многом зависят от того, на базе какой исходной идеи проводилось их изучение. Именно эту идею нам важно было изложить и предложить предполагаемой аудитории для обсуждения.

Однако при всей важности такой идеи (теории) не следует преувеличивать ее роль. Значимость теории зависит от степени ее эффективности в познавательной практике. Даже самая корректная и логически безупречная теория остается искусственным изобретением ума, если она не применима к практике. Смысл теории, ее предназначение – объяснение фактов. Объяснять факты теория может лишь в том случае, если она выведена из них. Поэтому идея (версия), изложенная в книге, конструировалась не произвольно, создавалась не искусственно, а выводилась из жизни абхазской культуры. В какой мере это удалось автору – судить взыскательному читателю.

Вместе с тем воссоздание целостного образа абхазской культуры оказалось трудно разрешимой задачей. Такая задача легче решается при реальном наличии аналога той целостности, о которой здесь идет речь. Между тем реальность абхазской культуры сегодня такова, что не предполагает такой целостности. В последние столетия абхазы стали дисперсным народом.

Утраченную целостность народа усугубили война и ее последствия. Лишь недавно стали налаживаться контакты с той частью абхазов, которые отдельными анклавами (группами) были расселены в странах Ближнего Востока еще в XIX в.

Катаклизмы, выпавшие на долю абхазского народа, не могли не сказаться на состоянии его культуры. Многие ее элементы в ходе истории деформированы или вовсе утеряны. Их приходилось восстанавливать. Но эта работа, разумеется, не может считаться завершенной. Она требует разработки специальной методологии, на базе которой можно будет реконструировать культуру. В связи с этим свою задачу я видел лишь в постановке самой проблемы, но не в решении ее.

Значимость используемого в книге подхода состоит еще и в том, что он позволяет выявить и рационализировать смысл и ценностный потенциал абхазской культуры. Часто они воспринимаются широкой общественностью в гипертрофированной или мифологизированной форме. Их рационализация стала особенно актуальной в условиях кризиса, когда в обществе образовался непомерный разброс мнений в понимании феномена А#суара. При этом из поля зрения общественности часто выпадает понимание *смысла* абхазской культуры, ее *экзистенциальной значимости* в жизни народа. Научное изучение реального положения абхазской культуры и выполнение ею своих основных социальных функций в экстремальных условиях кризиса не стало еще традицией.

Чтобы понять смысл абхазской культуры, следует рассмотреть ее роль в формировании современного абхаза через ценности, которыми она его наделяет. Важны также создаваемые культурой условия, при которых ее носитель может не только приобрести определенный человеческий потенциал, но и реализовать его. Но смысл любой отдельной культуры простирается не только в границах этнического пространства. Непреходящая ценность (смысл) этнической культуры состоит в ее своеобразии, которое выявляется при сравнительном анализе с аналогичными образованиями. При этом особенно важно, что своеобразие любого этнокультурного образования имеет общечеловеческую значимость. Ведь культурное разнообразие человечества – это, как известно, его богатство, сила и выживаемость. Исчезновение хотя бы одного, достаточно самобытного, культурного образования – большая утрата для человечества вообще, тем более в условиях продолжающегося мирового культурно-цивилизационного кризиса. Каждая отдельная культура – это не только люди, но и их опыт совместного выживания. Поэтому абхазская культура рассматривается в книге как в региональном, так и в глобальном контексте.

Разумеется, охватить и рассмотреть все аспекты абхазской культуры в одной книге вряд ли возможно. Потому я стремился найти путь, позволяющий реально оценить современное состояние абхазской культуры и определить перспективы ее развития. Насколько мне удалось справиться с решением поставленной задачи, опять-таки судить взыскательному читателю.

При этом нельзя не отметить, что книга представляет первый опыт подобного рода, в силу чего она не лишена отдельных недостатков. Их было бы гораздо больше, если бы не скрупулезная работа над текстом редакторов – профессора Натальи Томашевской и писателя Даура Начкебия, замечания и советы которых помогли мне глубже разобраться в существе проблемы. За эту работу я им признателен. Однако это не означает, что они наравне со мной делят ответственность за те недостатки, которые в книге все же встречаются. Несмотря на это, я все же рискнул ее издать. Быть может, эти недостатки послужат импульсом в развитии мысли вокруг поднятой в книге проблематики? Хотелось бы надеяться!

Я также признателен научным сотрудникам Центра стратегических исследований Жаде Джемре Эрджийес и Кристине Пачулиа, оказавшим мне техническую помощь в подготовке книги к изданию. Во многом благодаря этой помощи книга приобрела тот вид, в котором она предлагается читателю.

Введение

Историческое время, его образ и императивы

Ключевые понятия: время, вызов, ответ, система, кризис, самопознание

Время безвременья

Мы вступили в новое тысячелетие. Его начало стало временем тяжелых испытаний, глубоких потрясений, радикальных перемен. Былая форма социального жизнеустройства разрушена, а на ее развалинах идет мучительное формирование новой.

Состояние, в котором мы сегодня пребываем, – время *безвременья*. Нормы и механизмы социальной преемственности нарушены. Происходящие события, составляющие жизнь общества, утратили причинно-следственную связь и не выстраиваются больше в той последовательности, в какой человек мог бы осознанно ориентироваться в настоящем и прогнозировать свою будущность.

Органичная целостность временного континуума (прошлое– настоящее–будущее) утрачивается, а потому время как бы перестает *быть*. Лишенное привычных координат – базовых признаков и свойств (длительность, необратимость, однонаправленность, линейность, цикличность, спиралеобразность и др.) – оно становится трудноуловимым, трудноосмысливаемым, а потому не столько ориентирует, сколько дезориентирует людей.

Многочисленные «вызовы» современного миропорядка еще больше усложняют настоящее и вуалируют образ социального будущего, на формирование которого нацелены сегодня усилия всего человечества. В этих обстоятельствах только прошлое кажется понятным, осмысленным. И потому в нем, прежде всего, мы ищем архетипы, способные объяснить смысловые параметры настоящего и подсказать пути движения в будущее.

Поиск образа будущего стал ныне глобальной задачей. И было бы упрощением говорить, что этот образ однозначно предопределен всем предшествующим ходом социального развития. Его ищут, моделируют теоретики и практики, ученые и политики. В этих условиях всем социальным общностям (в том числе этническим) предоставляется уникальная возможность стать активными участниками творческого поиска искомого образа будущего.

Определение неопределенности

Историческое время, переживаемое нами сегодня, характеризуется также как «время социальной *неопределенности*». Неопределенность выражает собой такое состояние социальной системы, когда прежний порядок составляющих ее структур (социальных институтов, социальных групп, консорциев, индивидов и т. д.), а также механизмы их взаимосвязи и взаимодействия оказываются разрушенными.

Будучи изолированными друг от друга, т. е. вне системы, находясь в состоянии некоего «броуновского движения», эти структуры начинают поиск новой системы (порядка) как единственно возможной формы своего существования. В ходе этого процесса структуры могут либо сами образовывать новую систему (новый порядок в иерархии частей целого), либо вливаться в другую существующую систему.

Фактор деформации привычных структур, неопределенность их нового статуса порождают неустойчивость социальной системы, а вместе с ним – чувство утраты человеком социальной реальности. Этот процесс весьма сложный, не всегда однозначный, но всегда болезненный для общества.

Люди начинают испытывать растерянность и большие затруднения. Поддерживать жизнь старыми привычными способами становится невозможным, а новой технологии жизнеобеспечения еще нет, как нет и единых (общих) правил и норм совместной жизнедеятельности – они еще неясны и в обществе не сложились. Каждому приходится находить свой способ выживания. Не все выдерживают испытание такой самостоятельностью: выживают лишь наиболее инициативные, предприимчивые, мобильные, не только *способные*, но и *готовые* адаптироваться к экстремальным условиям.

Порядок и хаос

Выжить во время социальной неопределенности возможно, лишь определившись, т. е. создав такие условия, при которых люди могут достаточно эффективно и стабильно поддерживать свое существование. Это означает не что иное, как необходимость создания новой социальной системы. Система как таковая есть *упорядоченность* составляющих ее структур или, говоря иначе, определенный порядок. Сама упорядоченность, в свою очередь, есть такое состояние структур, при котором они могут существовать лишь в связи друг с другом. И только при наличии такой связи структур можно говорить об их упорядоченности и системности.

Взаимосвязь структур происходит на разных (механическом, органическом, надорганическом) уровнях, но при этом суть ее (взаимосвязи) сохраняется. Однако порядок (система) не есть данность, вечная и неизменная. Напротив, любая система, в том числе и социальная, изнашивается и, исчерпав свои внутренние ресурсы, разрушается. Впрочем, разрушение системы может произойти и под воздействием внешних сил и факторов. Ведь никакая система не существует изолированно, а лишь в связи с другими системами, с которыми она взаимодействует. Не всегда это взаимодействие конструктивно; часто оно носит деструктивный характер, и тогда происходит очередное исчезновение одних и возникновение других систем.

Это означает, что в процессе эволюции порядок (системность) может перейти в иное состояние – беспорядка (бессистемности), или *хаоса*. Хаос противоположен порядку. Если в условиях порядка причинно-следственная обусловленность происходящих событий, процессов просматривается достаточно хорошо, то при хаосе такую закономерную последовательность (причина – следствие) проследить трудно.

События и действия людей в условиях хаоса произвольны, «аритмичны», что не позволяет им что-то планировать, тем более – строить прогнозы. Все ресурсы людей, в том числе интеллектуальные, тратятся, главным образом, на потребность *выжить любым способом*. Именно она, эта потребность, становится основополагающей мотивацией человеческих действий в каждый текущий момент жизни. Заниматься же совершенствованием формы наличного социального бытия и, тем более, интеллектуальным поиском своего социального будущего ни времени, ни возможности у людей просто не остается.

Кризис бытия или переходный процесс?

На рубеже веков не только мы, абхазы, но и все человечество оказались перед угрозой серьезных катастроф – термоядерной, экологической, техногенной, цивилизационной, демографической и др. Они составляют содержание более общего понятия – кризис.

Истоки нарастающего кризиса (а сегодня ни у кого уже не осталось сомнений в его нарастании) трудно объяснить обычными ссылками на те или иные, якобы устаревшие, идеологические доктрины и социальные порядки. Тем более, что они вторичны относительно людей, их создавших. Было бы перспективнее искать первопричину в самом *способе бытия* вида “Homo sapiens”.

На планете, как известно, человек – единственное существо, которое поддерживает свое существование через и посредством *преобразования* природной среды обитания. Преобразование среды человеком происходит не только по законам природы, но и по *социальным законам*, что делает его *активным* и творческим существом, а сообщество людей – *динамично развивающейся* социальной системой. Поэтому в процессе социо- и культурогенеза человек вынужден приспосабливаться уже не столько к условиям естественной (природной), сколько созданной и наращиваемой им искусственной (социальной) среды. Оставаясь частью природы, человек становится в оппозицию природе, начинает противостоять ей, что с неизбежностью приводит и приводит их к различного рода взаимным столкновениям.

В связи с этим следует отметить пройденные человечеством этапы (стадии) исторической эволюции. Они отличаются друг от друга по технологии жизнеобеспечения, обусловленной характером взаимоотношения человека и природы.

На первом (доиндустриальном) этапе человек строил свои действия в соответствии с нормами биогеоценоза. Это позволяло поддерживать существовавший в природе баланс.

На втором (индустриальном) этапе происходил непомерный рост потребностей человека, что коренным образом изменяло его отношение к природе. Человек стал относиться к себе как к самоцели, а к природе – как к средству достижения этой цели. Произшедшая в связи с этим смена технологической парадигмы повлекла за собой нарушение баланса природы и общества в пользу максимального потребления природных ресурсов. Следствием этого стало истощение ресурсного потенциала природы.

Дальнейшее безудержное наступление на природу и вызванное этим забвение всех норм биогеоценоза явились основой формирования третьего (постиндустриального) этапа, когда человек переходит к иной (инновационной) технологической парадигме. Сутью ее стало снятие каких-либо ограничений в удовлетворении базовых потребностей человека. Научные и технические «прорывы» (освоение космоса, проникновение в микромир, компьютеризация, нанотехнологии и т. д.) поставлены на службу еще большего производства разнообразных услуг и предметов потребления. Удовлетворяя постоянно разрастающиеся потребительские запросы, людям приходится отступать от норм не только биогеоценоза, но и морали, порождая тем самым угрозу существования вида Homo sapiens. Нетрудно заметить, что источником этой угрозы является используемая человеком технология жизнеобеспечения, которая лишает и его самого, и природу перспективы дальнейшего сосуществования. Потому со всей очевидностью и остротой встает вопрос: *как человечеству сохранить себя?*

К сожалению, пока человек не может противопоставить надвигающейся реальной угрозе ничего конкретного, кроме абстрактных моральных сентенций. Но уже это означает осознание им ситуации и стремление найти адекватные ответы на фундаментальные вызовы времени.

Кризис, таким образом, не есть некая *стагнация*, а есть *процесс* напряженного поиска выхода из него. Происходящие в ходе этого процесса изменения, хотя нередко и произвольны, хаотичны, все же имеют определенный *смысл* и *направленность*, поскольку ведут, как уже отмечалось, либо к распаду функционирующей системы и ее исчезновению, либо к формированию новой.

Применительно к социальной форме жизни речь может идти о вероятной гибели той или иной социокультурной общности (этноса, нации, цивилизации) или образовании новой. Причем между распадом старой и образованием новой общности четкой временной границы нет – это единовременный, взаимопереходящий друг в друга процесс.

Следовательно, кризис как некое переходное состояние содержит в себе не только деструктивные, но и конструктивные перспективы развития. В этом видится его позитивный смысл, поскольку в этих условиях человеку приходится искать пути выхода из него.

Справиться с решением такой, отнюдь не простой, задачи общество может, лишь наращивая свой творческий и интеллектуальный потенциал. Кризис, таким образом, побуждает человека не только повторять накопленный родовой опыт, но и развивать его.

Между двумя системами

Историческое время, в котором мы сегодня пребываем, можно рассматривать также как «состояние между двумя системами», причем несуществующими: старая система разрушена и уже не действует, а новая – еще не утвердилась. Этим «системным вакуумом» объясняются многие социальные недуги, которые сотрясают современный мир.

Но так продолжаться долго не может: либо человеческое сообщество как системообразующее формирование окончательно распадется, утратив способность самовосстановления в прежней форме, либо же, найдя выход, перейдет в более устойчивое состояние, с новой формой своего существования.

Происходящие ныне процессы и тенденции в их развитии можно, видимо, как раз и рассматривать как напряженный и мучительный поиск этой новой, более эффективной формы (системы) человеческого существования.

О социальных последствиях техногенной цивилизации

При всей противоречивости и неопределенности переживаемого нами сегодня исторического времени некоторые основополагающие черты и особенности эволюции постсовременного общества все же просматриваются.

Несмотря на серьезные прорывы, осуществленные человечеством, особенно в сфере экономики, науки, техники, а также предпринятые им усилия, направленные на совершенствование социально-политического мироустройства, человечество продолжает еще оставаться необустроенным. Более того, само существование человечества находится перед лицом серьезной угрозы самоуничтожения.

Трудно предсказать, каковы будут конечные последствия всех этих опасных тенденций. Более определенно можно судить лишь о причинах, их вызвавших. Мы имеем в виду социальную модель общества, которая получила широкое распространение в современном мире, особенно на Западе, под названием *техногенной цивилизации*.

Как модель социального устройства техногенная цивилизация образовалась на базе определенного миропонимания. В нем центральное место занимает человек, стремящийся стать «мерой всех вещей», высшей ценностью в иерархии ценностей вообще.

Главная задача, которую решает человек в условиях техногенной цивилизации, – это реорганизация наличного природного и социального порядка вещей. Реорганизация проводится человеком в соответствии со своими желаниями сверхпотребления и наслаждения. Человеческий разум подчинен этой цели и превращен в мощное средство ее достижения.

Такая ценностная ориентация в свое время сыграла определенную позитивную роль в решении накопившихся, в частности, в европейском обществе социальных проблем. Но в дальнейшем, когда сложившиеся внутри техногенной цивилизации идеологемы стали абсолютизироваться, данная ориентация начала тормозить социальное развитие. Более того, зачастую она приводила человека к результатам, противоположным поставленным им изначально целям.

Создание несметного количества материальных и духовных благ отнюдь не улучшило человеческое сообщество, не уменьшило, как того ожидалось, проблем, стоящих перед ним. Концентрация богатства у одних и нищенское существование других всегда создавали социально-политическую напряженность, сделав постоянными спутниками общества мятежи, гражданские войны, революции. И сегодня «благополучие» и «стабильность» некоторых обществ – лишь кажущиеся. Пока единство человечества подрывается вопиющим неравенством стран и народов, пока существует силовой приоритет отдельных этнических, государственных, групповых и других корпоративных интересов над интересами общечеловеческими, стабильного миропорядка не будет.

Специфический способ существования человека (его активно *преобразующая деятельность, целесообразная самоорганизация*) все чаще предстает не счастливым даром разумного существа, а источником многих его социальных бед. Оказалось, что разум не всегда обеспечивает *разумность* действий человека. Кризис, переживаемый сегодня западным сообществом, – это кризис, прежде всего, европейского рационализма, шагнувшего теперь и за пределы своего континента.

В связи с этим нелишним мог бы стать опыт восточной цивилизации, позволяющий иначе взглянуть на происходящие в мире процессы и на возможные варианты нашей национальной модели развития.

Характер и динамика эволюционных процессов

Постсовременный мир – это, пожалуй, наисложнейший объект изучения и понимания. Чтобы разобраться в его сути, нужна особая теория, которая, выражаясь в терминах Н. Бора, должна быть «*достаточно безумной*». Приходится даже конструировать специальный языковой каркас (понятийный аппарат), который весьма существенно отличается от языка классической науки. Поэтому мы и вводим здесь такие понятия, как «*определенность-неопределенность*», «*стабильность-нестабильность*», «*устойчивость-неустойчивость*», «*равновесность-неравновесность*», «*порядок-хаос*» и др., позволяющие «*схватить*» и «*выразить*» (Гегель) специфику осмысливаемого объекта.

Выше уже давалось описание постсовременного мира через дихотомию определенности-неопределенности. Имелось в виду состояние «определенной неопределенности», в котором мир постоянно меняется, трансформируется, не давая человеку зафиксировать его и вдумчиво осмыслить. Все труднее и труднее предсказать, каким мир будет в будущем. Прошлое и настоящее однозначно не детерминируют будущее – о нем мы можем судить лишь на языке вероятности.

К осмыслению текущих процессов в мире можно подойти и с точки зрения понятия стабильности-нестабильности. При этом важно учитывать, что абсолютно стабильного состояния системы не бывает, как, впрочем, и наоборот; речь может идти лишь о том, какое из состояний (стабильность или нестабильность) доминирует в жизни системы. Такая внутренняя диалектика превращает систему не в нечто застывшее, а в динамичный процесс взаимного перехода стабильности в нестабильность и наоборот.

При этом стабильность понимается как такое состояние структурной организации системы, при котором она (система) может достаточно надежно поддерживать и воспроизводить себя. В свою очередь дееспособность системы обеспечивается *равновесностью* и *отлаженностью* взаимодействия ее структур. Как видим, структуры образуют систему и обеспечивают ей жизнь, но и система создает условия для полноценного функционирования этих структур.

В условиях отсутствия стабильности системы происходит нарушение равновесности ее структур. При такой ситуации система и ее структуры вступают в противоречие: система не может поддерживать прежний режим функционирования структур, а последние не обеспечивают функционирование системы, что приводит к системному кризису, *бифуркации* и к нарушению внутрисистемного порядка. Кризис может привести к реконструкции старой системы или к полному ее распаду. В этом случае освободившиеся структуры либо прекращают свое существование, либо продолжают функционировать (в иной конфигурации) в условиях новой системы.

Это дает основание думать, что при всей кажущейся хаотичности происходящих в постсовременном мире событий в них все же просматривается определенная закономерность: сменяемость материальных (социальных) систем, стремление к иерархизации, предельность жизненного времени и др.

В эволюции постсовременного мира наблюдается еще одна закономерность (тенденция) – это *нарастающее ускорение процессов социального развития*. Она тесно связана с другой тенденцией – *усложнением* структурной организации социальных систем. Как правило, распад устаревшей системы и образование новой происходят путем перехода от *простой* формы существования к более *сложной*. Стремление к более сложным формам существования позволяет системе быть более дееспособной. Именно на развитие своей дееспособности направлено действие любой системы.

Однако следствием нарастающего ускорения процессов развития и *усложнения* структурной организации систем является понижение степени их стабильности. Поэтому постсовременный мир следует характеризовать как более *динамичное, сложное и дееспособное, но менее стабильное* образование.

Еще одна особенность постсовременного мира – усиление взаимодействия двух взаимоисключающих и в то же время взаимополагающих тенденций. Одна из них направлена на интегрирование всех основных культурно-цивилизационных образований в единую планетарную социокультурную суперсистему. Идеологическим выражением этой тенденции является *глобализм*.

Однако процессы глобализации вызывают противодействие другой тенденции, направленной на сохранение культурно-цивилизационного разнообразия – регионализации (локализации). Появление понятия *глокализация* (Р. Робертсон), состоящего из соединения двух слов «глобализация» и «локализация», попытка подчеркнуть их взаимное осуществление не сняли их реального противостояния.

Человечество остается *единым* видовым образованием. Но это единство существует в разнообразных социокультурных формах. Культурно-цивилизационный полиморфизм, подобно генетическому, защищает человечество от случайных превратностей судьбы и позволяет выживать. В то же время это разнообразие может служить и часто служит, как показывает практика, источником различных противоречий, сотрясающих жизнь человечества.

Диалектика взаимодействия двух этих тенденций во многом предопределяет социальное развитие, усиление интеграционно-деинтеграционных процессов в обществе, активизацию взаимодействия различных культурно-цивилизационных генераций, глобализацию истории и вовлечение в нее периферийных регионов и народов, ранее находившихся как бы «вне истории», вне активной политической жизни.

Пространство «осевого времени» (К. Ясперс), когда социальное пространство-время уплотняется, когда социальные системы становятся более сложными и менее стабильными, а политическая ситуация быстро меняющейся, человек вынужден приобретать новые навыки и способности. Речь идет о чувстве исторической ориентации, о даре социального предвидения, большей осмысленности организации мироустройства, большей рефлексии на происходящее и др.

Динамика социального развития ведет, как уже отмечалось, к понижению уровня стабильности и повышению напряженности в обществе, к росту его конфликтогенного потенциала. Это дает основание многим ведущим аналитикам современности предполагать, что великие раздоры в среде человечества будут порождены не только идеологическими и экономическими факторами, но и культурно-цивилизационными различиями [1].

Сегодня в мире, наряду с западной (христианской) цивилизацией, существуют и другие, например китайская, индийская, исламская, православная цивилизации, которые отнюдь не собираются растворяться в каком-либо другом культурно-цивилизационном образовании. Вероятнее всего думать, что борьба за доминирование между основными цивилизационными системами, в первую очередь, между западными и восточными, продолжится и впредь, причем с нарастающим обострением.

Конструкция или деструкция?

Проведенный нами выше дискурс будет неполным, если мы не скажем о том, как современные эволюционные процессы влияют на структурные основы человеческого бытия. Тем более, что человек – не сторонний наблюдатель происходящих вокруг него событий, а *активный их участник*. Именно человек меняет социальный облик мира, в котором живет, и при этом меняется сам. Именно человек творит свой социальный мир, который в то же время творит и его самого.

Человек строит свой мир достаточно осознанно, преследуя определенную цель. Однако цель и результаты, достигаемые при этом, далеко не всегда совпадают. Имеется в виду следующее. Человек есть, пожалуй, единственное существо, способное *создавать, творить*. Но он не может строить, не ломая (не расщепляя) целостность природного вещества или целостность им же созданного социального мира.

Человек – не только творец, но и разрушитель. Разрушение-созидание – это двуединый процесс, имя которому – социальное бытие человека. Амбивалентность в деятельности человека часто делает его заложником своих деяний. Обрушившиеся на него сегодня социальные недуги – продукт и результат как раз таких деяний.

В этом контексте логично предположить, что переживаемый постсовременным миром кризис – это, прежде всего, кризис самого человека, его *социальности и неспособность* организовать свою жизнь в соответствии с естественными нормами окружающей среды.

Другим следствием происходящих сегодня в мире процессов стало также усложнение социальной дифференциации общества, появление еще более мелких групп вплоть до своего рода «атомарных частиц» – индивидов. Распадаются не только большие социальные общности (системы), но и различные социальные группы (классы, касты, слои и др.) внутри отдельной общности. Сегодня, к примеру, трудно говорить о пролетариате так, как о нем писал К. Маркс в «Манифесте Коммунистической партии» (1848 г.). Рабочий класс уже не выступает как носитель единой идеологии и как выразитель общих интересов – он разделен на многие переходные и маргинальные группы, интересы которых слабо связаны между собой.

Однако и небольшие объединения не могут считаться устойчивыми, поскольку со временем индивидуальные интересы входящих в них лиц все чаще берут верх над интересами групповыми. Индивид предпочитает сегодня быть свободным (независимым) не только от природы, но и от социальных уз (классовых, партийных, семейных и др.), которые чаще всего ограничивают свободу его действий. Он хочет быть самостоятельным, подчеркивая все больше свою индивидуальность, свою уникальность. И не хочет быть носителем лишь коллективной психологии, коллективного менталитета, коллективной воли.

Реальный социальный мир, который индивид застает как бы в «готовом» виде, не отвечает всем его требованиям и пожеланиям. Пытаясь уйти от него, он создает свою социальную нишу – свой микромир, в котором рассчитывает не столько на унаследованный, сколько на формируемый им самим социальный опыт. Это дает основание говорить об *индивидуализации* постсовременного общества, в котором индивид становится все более автономным существом и все чаще выступает от имени своего «Я».

Как пишет видный российский ученый Г.Г. Дилигенский, индивидуализация ведет к размыванию «традиционной модели группового человека, черпавшего свои мотивы и знания, нравственные нормы и мировоззренческие установки из относительно устойчивых групповых культур». Следствием этих процессов стали «такие тревожные явления, как десоциализация, усиление индивидуализма, уход в замкнутый мир адаптационных, потребитель-

ских и гедонистических ориентаций. Социальные нормы и интересы вытесняются из внутреннего мира индивида...» [2].

Однако бегство индивида из преднаходимого им вокруг себя социального мира приводит его к другому миру, в котором его индивидуальность проявляется еще меньше, а стремление к независимости (свободе) приводит к еще большей зависимости. Этот парадокс объясняется тем, что в новой социальной среде человек вынужден постоянно искать себя, самоутверждаться, формировать новые ценности индивидуального существования, приобретать новый опыт. Однако мир меняется быстрее, чем приобретаемый индивидом опыт. Опыт же предыдущих поколений в условиях разлома традиционных систем не исчерпывает всего объема необходимых в новых условиях знаний и навыков, а потому не может служить надежным гарантом успеха в его жизнедеятельности. Остается одно – меняться так же быстро, как меняется окружающий мир.

В этом контексте речь идет по существу о *формировании* нового человека. Но *каким* он будет, пока трудно сказать. Можно говорить лишь о том, каким он *должен* быть. И хотя это будет лишь нашим субъективным пониманием, оно все же способно внести свою лепту в процесс антропосоциогенеза – процесс, который не завершился и все еще продолжается. Протекая не без нашего участия, этот процесс все же нами не управляется, но мы можем *влиять* на него.

Самоопределение или самоидентификация!

Культурно-историческое время, современниками которого мы являемся, перешло не только в новое тысячелетие; судя по всему, время трансформируется в какую-то другую форму бытия с неясными пока социальными очертаниями и системой ценностных ориентаций. В таких условиях, когда старая форма жизни уже разрушена, а новая еще не сложилась, человек оказывается вне системы координат. Достойно жить и выживать в такой ситуации человеку не так-то просто – сделать это можно лишь в социуме достаточно *определенном и упорядоченном*. Поэтому ему приходится самоопределяться, т. е. *конструировать* свое социальное настоящее и будущее и проецировать его черты на себя.

Решение такой задачи требует от человека определения своих социальных (мировоззренческих, ценностных и др.) предпочтений: *по-новому* оценивать внешний мир и самого себя, *по-новому* отвечать на фундаментальные вопросы бытия: *Кто Я? Каков смысл и ценность моего бытия? Какое место Я занимаю в системе мироздания? Какова моя миссия в жизни Универсума? Какую роль Я могу и должен играть в формировании своего жизнеустройства!*

Казавшиеся туманными, подчас праздными, эти извечные философские вопросы сегодня вновь обрели вполне определенный, актуальный земной смысл и звучание. Более того, критическое переосмысление человеком своей культурно-цивилизационной идентичности становится сегодня одним из гарантов его выживания в современном социуме. Сохранение исторических перспектив этого выживания возможно лишь на базе нового мировоззрения, новой системы ценностных ориентаций и новой технологии жизнеобеспечения, а также на новых, адекватных текущим реалиям, адаптационных механизмах. Глубинное самопознание, включающее в себя понимание предельных основ бытия, должно стать доминантой социальной политики постсовременного общества.

Очевидно, что необходимость решения такой задачи вызвана спецификой текущего времени, когда находиться в стороне от магистральной линии исторического развития так называемым периферийным странам будет все труднее. Абхазии также предстоит войти в русло развития мировой цивилизации, по-новому осознать себя, найти свое место в новом формирующемся мироустройстве, свой путь в будущее. В контексте разворачивающихся в стране и вокруг нее геополитических и социокультурных процессов народ Абхазии может рассчитывать на историческую перспективу – социокультурное выживание – в том случае, если он глубоко осознал: *Кто он есть на самом деле? Как он собирается жить в будущем?*

Духовно самоопределимся нам, абхазам, возможно только в контексте происходящих вокруг нас, особенно на Кавказе, процессов. На исходе XX в. наш регион, как видно, вновь становится ареной выяснения геополитических притязаний ведущих стран мира. Следствием разыгрывающихся здесь этими странами «сценариев» стало начало процесса политико-правового разделения единого в экокультурном плане Кавказа на различные по своему политико-правовому статусу государства.

Можно было бы рассматривать этот процесс как повышение роли Кавказа в геополитике, как результат роста политического сознания народов кавказского сообщества, но, вероятнее всего, речь идет о разделении региона на сферы влияния внешних «игроков». И здесь могут быть предложены самые разнообразные формы будущего политического устройства Кавказа. Какая из них будет реализована и насколько будет выражать жизненные интересы коренных народов – задача, на решение которой должен быть нацелен весь наличный интеллектуальный потенциал сообщества.

Из многообразия возможных форм (моделей) политического устройства региона наиболее вероятными можно считать две: Кавказ становится суверенным субъектом куль-

турно-исторической жизни и в качестве такового участвует в формировании своего социокультурного будущего [1]; Кавказ остается инертным материалом истории, провинцией какой-либо сверхдержавы с ее (а значит, не своим) будущим [2].

Более вероятным представляется сохранение геополитической и культурно-цивилизационной зависимости Кавказа. Правда, эта зависимость может быть выражена на другом уровне и в другой форме. Но при этом не следует недооценивать того, что процесс осознания себя народами кавказского сообщества уже идет.

Каковы будут последствия этих судьбоносных процессов – пока трудно предсказать. Они могут быть самыми неожиданными, в том числе драматичными, поскольку преследуемые коллективным социальным субъектом цели и достигаемые при этом результаты для отдельных участников, как свидетельствует историческая практика, не всегда совпадают, а порой, исключают друг друга.

Вместе с тем нарастающая динамика процессов социально-политического развития в регионе показывает, что самоосознание народами Кавказа своего сообщества лишь на политическом уровне (политическое самоопределение) оказалось недостаточным. Процесс самоопределения обретает исторические перспективы только в том случае, если он проходит на базе определенных социокультурных реалий. Потому столь важно формирование концептуального объяснения и постижения той культурно-исторической реальности, в которой находится сегодня Кавказ. Без общих, теоретически выверенных представлений о мире в целом и Кавказе в частности трудно понять суть региональной культурно-исторической конкретики, решать стоящие перед народами сообщества задачи, предвидеть направление развития и возможные последствия принимаемых решений, осмысленно ориентироваться во все более усложняющемся мире и конструктивно участвовать в формировании его (а значит, и своего) будущего.

Перед лицом этих сложных проблем мы пока мало в чем меняемся. Взять хотя бы наше собственное, исторически выработанное клише мышления, те интеллектуальные навыки и стиль рефлексирования, которые давно стали для нас традиционными, привычными и по отношению к которым нам так трудно перейти в оппозицию.

Готовы ли народы кавказского сообщества к таким поворотам судьбы, в частности к фундаментальному переосмыслению своего социокультурного «Я», как того требует время? Обладает ли вообще Кавказ своей социокультурной идентичностью или же его культурно-историческая самостийность исчерпывается биоэтноразнообразием, неким, если можно так выразиться, «экзотическим эффектом», с которым регион обычно и воспринимается внешним миром?

Такая задача, задача *самоидентификации*, со всей остротой встала сегодня и перед нами, абхазами, но готовы ли мы к ее решению? Готовы ли мы перед внешним миром со всей ответственностью сказать, *кто мы есть на самом деле?*

Рациональное осмысление абхазским этносом своей духовной субстанции как определенной культурно-исторической реальности (в форме логически выстроенных понятий, суждений, умозаключений) не стало еще привычным делом, новой традицией в развитии нашего национального самосознания. Для нас созерцательное отношение к внешнему миру и к самим себе предпочтительнее и удобнее, чем активно преобразующая познавательная деятельность.

Нам удобнее и привычнее изображать и объяснять объективную реальность, в том числе и себя, в категориях этики и эстетики, чем сухими и лаконичными понятиями теории познания, которая, выражаясь словами М. Бахтина, не стала еще «жанром» абхазской культуры.

По существу, наше национальное самосознание живет еще в своей собственной традиционной стихии, осуществляет свою деятельность в клише архаических форм и норм, нахо-

дится как бы в себе; ему трудно абстрагироваться, дистанцироваться от самого себя, посмотреть на себя со стороны, стать объектом собственных познавательных интересов, анализа и критической оценки. Мы используем опыт ассоциативного мышления, нам чуждо мышление дискурсивное, саморефлексиование в европейском стиле (хотя элементы последнего в нашем самосознании, несомненно, имеются).

Иначе говоря, дух наш не привык погружаться в дебри бытия, осмысливать возможные пути и формы его самосовершенствования или заниматься культурно-историческим оформлением своего мироустройства. Удобным было для него оберегать и соблюдать вековые предписания «своего» мира, рассматривать его как нечто раз и навсегда данное. Переделывать, преобразовывать, совершенствовать его, тем более разрушать до основания и воссоздавать заново, как это происходит со многими народами других государств, в частности, России, абхазам еще не приходилось. Впрочем, в условиях традиционного общества, когда социальное будущее было в основном предопределено единообразием предшествующего развития, это и не было особенно нужно.

Теперь же ситуация радикально изменилась. Пожалуй, мы впервые столь остро начинаем осознавать потребность в духовном самоопределении, фундаментальном самопознании, обосновании исторической целесообразности нашего национального существования, в определении своей ценностной ориентации и новой мировоззренческой парадигмы.

Выполнение такой работы тем более важно, поскольку мы сегодня предстали перед международным сообществом в иной ипостаси, а инерция восприятия им нашего мира остается прежней. Мы должны переломить ситуацию, ибо нам безразлично, *что* и *как* думает внешний мир о нас. Впрочем, не меньшее значение имеет для нас и то, что мы сами думаем о себе и мире, окружающем нас.

Примечания

1. *Huntington P.S.* The ungovernability of democracy? // *Democracy in the 1990s*. Vienna, 1994. N 6. January. P. 34.
2. *Дилигенский Г.Г.* В защиту человеческой индивидуальности // *Вопросы философии*. 1990. № 3. С. 43.

Глава I

Абхазия в контексте постсовременных культурно-цивилизационных коллизий

§ 1. Внешний мир и особенности его трансформации

Ключевые понятия: Абхазия, мир, геополитика, противоречие, процесс, столкновение

Абхазия и внешний мир

Такие небольшие страны, как Абхазия, более зависимы от внешнего мира и менее способны влиять на него. Поэтому наш успех, равно как и неуспех, в достижении своей стратегической цели – сохранения национальной идентичности – во многом зависит от того, насколько мы адекватно осознаем свое место и роль в жизни целого мира, частью которого являемся; насколько объективно оцениваем происходящие вокруг нас процессы и основные тенденции в их развитии; насколько адекватны обстоятельствам времени наши действия. Важно не ошибиться в понимании основного вектора развития современного мира, в котором нам приходится обустраиваться.

Чтобы приобщиться к мировому сообществу в качестве равноправного субъекта, необходимо, в первую очередь, не только осознать себя (*кто мы есть на самом деле*), но и понять, что собой представляет внешний мир, с которым мы собираемся интегрироваться.

Формировать свое новое жизнеустройство, наполнять его смысловым и ценностным содержанием можно на основе собственного культурно-исторического опыта, но с учетом тех базовых принципов и правовых норм, по которым организован и развивается остальной мир. Другого пути национального выживания нам просто не дано.

Коль скоро безопасность Абхазии во многом зависит от внешнего мира, то нам следует заинтересовать его в нашем национальном существовании. Думается, добиться этого возможно в том случае, если существование Абхазии как суверенного государства будет иметь достаточно позитивный смысл и для них.

Это значит, что мы должны преподнести себя внешнему миру так, чтобы ему было выгоднее строить отношения с Абхазией как с равноправным партнером, нежели как с пассивным объектом своего воздействия. Важно продемонстрировать, что стать таким партнером нам вполне по силам. Для этого необходимо, прежде всего, так организовать свою жизнь, чтобы быть в состоянии самим на правовой основе строить и поддерживать социальный порядок, эффективно управлять процессами своего внутреннего развития. Не решив задач внутрисоциального обустройства, вряд ли можно предстать перед внешним миром серьезным партнером.

Партнерские отношения с Россией, Грузией, Турцией и со странами Запада возможны на основе четкого понимания того, что представляет собой каждый из них и что представляем собой мы сами. Путь достойного взаимодействия с более сильными партнерами в условиях, когда правовые основы сосуществования стран и народов серьезно расшатаны [1], для нас непривычный, поэтому и нелегкий. Тем не менее другого пути самосохранения у нас нет.

Метаморфозы постсовременного мира

В последнее время в мире произошли разительные перемены. Общий мировой порядок, сложившийся после Второй мировой войны и казавшийся долгие годы незыблемым и окончательным, на рубеже столетий претерпел неожиданные изменения. Одни государства (СССР, Югославия, Чехословакия и др.) распались, прекратив свое существование, а на их прежних территориях образовались новые государства (Россия, Украина, Казахстан, Черногория, Сербия, Чехия, Словакия и др.). Другие же государства, ранее расколотые, напротив, объединились (например, Германия). Изменились межгосударственные границы, территория и численный состав населения многих стран. И все это вопреки требованиям правовых норм и конвенций [2], принятых, в частности, ООН и европейским сообществом.

Вследствие этих изменений не стало Восточного военно-политического блока («Варшавский договор») – одного из двух, наряду с Западным блоком (НАТО). Противостояние между ними, несомненно, несло в себе угрозу человечеству, но в то же время поддерживало баланс сил в мире и определенный порядок в нем.

С прекращением существования Восточного блока мир перестал быть биполярным и теперь воспринимается как однополярный, во главе с США. Можно было бы рассматривать образование однополярного мира как выражение наступившего единства человечества и преодоления им своей былой расколотости, как окончание эпохи «холодной войны» и переход к стабильному и безопасному социальному развитию.

Однако единым мир так и не стал: война не перестала сопутствовать человечеству, она лишь перестала быть «холодной», о чем свидетельствуют события – и не только на Кавказе. Жизнь на планете не стала более стабильной и безопасной. Напротив, борьба за новый передел мира, новые сферы влияния между ведущими странами еще более обострилась, что сделало человеческую жизнь менее стабильной и менее безопасной.

Новая дихотомия или возвращение к старой модели?

Сразу же после распада Восточного блока началось формирование «нового мирового порядка» по модели США, преследующих главным образом собственные интересы. Проводимый ими сегодня внешнеполитический курс недвусмысленно дает понять, что после распада СССР США рассматривают себя единственной в мире сверхдержавой и носителем глобальных геополитических интересов, считая при этом интересы других держав лишь *региональными*.

Политика, проводимая сегодня США, оказалась явно не по душе другим ведущим странам мира, в первую очередь Китаю, Японии, Индии, России и др., выступающим за многополярный мир. За исключением, пожалуй, Великобритании и еще нескольких стран, мало кто сегодня разделяет и поддерживает геополитические амбиции США. Даже в Европе им трудно рассчитывать на былую безоговорочную поддержку, что показала война в Ираке. Но реально противостоять США и сдерживать их экспансию на планете могут лишь страны Дальневосточного региона (далее – ДВР), которые, вступив на путь динамичного развития, весьма интенсивно наращивают свой экономический и военно-политический потенциал.

Такой динамизм в развитии не может не беспокоить США, но пока они бессильны помешать росту экономик ДВР. Более того, сегодня США стали явно уступать им в темпах роста и по другим важнейшим показателям.

Для нас важно подчеркнуть специфику развития стран Дальневосточного региона (Япония, Китай, Южная Корея, Сингапур, Малайзия, Гонконг, Тайвань, Таиланд, Индонезия и др.). Модель развития этих стран существенно отличается от западной. Если западная

модель основывается на *экономических ценностях* [3], то модель дальневосточных стран – *культурных ценностях*.

Разные модели дают разные результаты. Если в развитии стран Запада, особенно США, в последнее время просматривается определенное замедление, а то и спад, то применительно к Дальневосточному региону, напротив, – подъем. Странам Запада, в том числе США, становится все труднее конкурировать со странами ДВР.

Не менее важно здесь и другое: добиться такого экономического эффекта странам ДВР удалось путем ускоренной *модернизации с опорой на свою культурную генерацию*. Поэтому модернизация в каждой из этих стран не привела к *вестернизации*, как это происходит в других регионах. Напротив, в контексте такой формы модернизации собственные культурные ценности стали играть в жизни этих обществ еще более важную роль [4] и «работать» на экономический прогресс. В свою очередь именно культурная общность стала здесь той доминантой, на базе которой происходит дальнейшая интеграция Дальневосточного региона. Следует отметить, что интегрирование стран и народов на базе культурно-цивилизационной идентичности наблюдается сегодня и в других регионах мира.

Развитие стран ДВР дает основание говорить о *формировании нового блока*, который не скрывает своего противопоставления Западу. Это значит, что традиционное противостояние между Востоком и Западом, по существу, сохраняется, меняется лишь состав «фигурантов». Причем характер этого противостояния не столько идеологический, сколько культурно-цивилизационный, что гораздо более фундаментально, чем противостояние в недавнем прошлом между западным либерализмом и восточным коммунизмом.

Катакомбы геополитических коллизий

Постсовременный мир раздирают не только узкоэгоистические интересы и противоречия разных стран и народов. Это лишь видимая часть айсберга. В основе геополитических реалий лежат куда более глубинные пласты, которые, находясь в движении, часто предопределяют противоречивость действий массы людей в процессе их совместной жизни. Такие процессы трудно поддаются однозначному осмыслению, еще труднее – управлению, особенно привычному волевому. Но повлиять на них можно. Мы имеем в виду культурно-цивилизационные процессы – невидимую часть айсберга.

Признано, что геополитические противоречия между странами и народами регулируются нормами международного права, специальными правовыми актами. Но такой метод регуляции совершенно не применим к противоречиям, действующим в сфере взаимодействия различных культур и цивилизаций, которые образовались в ходе естественно-исторической эволюции человечества. Такие противоречия гораздо более фундаментальны и по существу неустранимы. В таких условиях человеку остается лишь учитывать их и считаться с ними в своих действиях.

Понять логику культурно-цивилизационных взаимодействий возможно, если рассматривать мир (человечество) как определенную целостную систему. Существование (развитие) такой системы обеспечивается (поддерживается) через *взаимодействие* составляющих ее структур, каждая из которых тоже есть система, но только меньшего масштаба.

Человечество, будучи единым, состоит, как известно, из различных культур, цивилизаций, стран, народов, конфессий и множества других форм объединения людей в отдельные, автономные социальные общности, взаимодействие которых выражает и определяет общий мировой порядок. Заметим, любая система, в том числе и социальная, как уже отмечалось, есть определенная *упорядоченность*, точнее, *упорядоченное взаимодействие* составляющих ее структур. Система призвана поддерживать этот порядок, ибо изменение порядка, в конеч-

ном итоге, ведет к распаду системы, т. е. к хаосу, который можно рассматривать как поиск пути к образованию нового порядка [5].

Мир (человечество) предстает сегодня как противоречивое единство различных культур, цивилизаций, стран, народов и т. д., преследующих различные, порой несовместимые, интересы и цели. В этом единстве причудливо переплетается многообразие интересов и целей, что дает основание говорить об отсутствии однолинейности (одновекторности, однонаправленности) в развитии мира. Взаимодействие различных сил и тенденций превращает развитие в сложный, многомерный процесс, в котором трудно предугадать социальное будущее.

Мир как противоречивый процесс

Выше уже отмечалось, что при всей сложности происходящих в постсовременном мире культурно-цивилизационных процессов можно заметить взаимодействие двух взаимоисключающих и в то же время взаимополагающих друг друга тенденций. Одна из них направлена, как уже отмечалось, на *интегрирование* различных культурно-цивилизационных образований в единую планетарную социокультурную суперсистему, а другая – на сохранение социокультурного разнообразия мира.

Первая тенденция описывается в терминах глобализации. При этом глобализация понимается как «возрастающая целостность мира», или как «возрастающая интенсивность связей – экономических, политических, культурных, коммуникационных, объединяющих общества современного мира» [6]. В этом контексте нетрудно заметить уплотнение постсовременного мира. Целостность мира достигается через разрушение исторически сложившихся различий между цивилизациями, культурами, странами и народами.

Однако эта тенденция (глобализация) вызвала противоположное движение, получившее название *локализация* (регионализация). «Реакцией на глобализацию является интенсивное стремление различных человеческих общностей к сохранению собственной идентичности» [7].

В самом деле, сегодня нетрудно заметить, как нарастает движение различных стран и народов за сохранение своей самобытности и социокультурной идентичности, образование различных и многочисленных объединений, организаций, ассоциаций и альянсов по региональным и культурно-цивилизационным признакам. Это дает основание говорить о действии другой тенденции, противоположной первой. Если первая тенденция направлена на стирание различий между разными культурно-цивилизационными образованиями, странами и народами, то вторая направлена на сохранение этих различий. Причем интенсивность взаимодействия этих тенденций в постсовременном мире все более нарастает, что, несомненно, вызывает рост напряженности.

При этом важно отметить, что глобализация и локализация (регионализация) не просто находятся во внешней оппозиции друг другу – они друг в друга переходят, друг в друга превращаются, друг друга «поддерживают». Ведь любое новое объединение происходит за счет разделения некой прежней целостности, путем включения распавшихся ее структур в другую целостность. Поэтому разъединение есть не что иное, как образование нового объединения, ибо «свободно блуждающих» структур в природе и обществе не бывает. Это значит, что обе тенденции, находясь в диалектическом единстве, не только не исключают друг друга, но с необходимостью полагают друг друга.

Вышесказанное позволяет рассматривать историю человечества как процесс перманентной перегруппировки сил, постоянного стремления к реорганизации (улучшению, обновлению, совершенствованию и т. д.) существующей формы жизни.

Истоки такого процесса находятся в глубине природы самого человечества, представляющего собой, как известно, *видовое единство*. Но это единство, как и любое другое в природе, представлено и существует в *разнообразных* формах. Культурно-цивилизационное разнообразие единого человечества – это не отклонение от норм или логики естественно-исторической эволюции вида *Homo sapiens*, а *необходимость, условие, возможность* развития этого вида.

Культурно-цивилизационное разнообразие – это биологический, социальный, интеллектуальный потенциал человечества, это источник его выживания и сохранения перспектив существования как социального вида живой природы. В то же время именно это разнообразие может служить и часто служит источником различных противоречий и столкновений, в том числе и вооруженных, сопровождающих человечество на протяжении всей его истории. Поэтому, вероятнее всего, борьба за доминирование между основными мегацивилизационными системами не только продолжится, но и обострится.

Пока трудно однозначно судить о том, как будет протекать борьба между основными силами, определяющими, в конечном итоге, судьбу мира, и каков будет характер и динамика этой борьбы. Более ясно другое: в условиях действия различных противоречивых сил и тенденций и, самое главное, действия такого дестабилизирующего фактора, каковым является продолжающаяся борьба за новый передел мира, нам трудно ожидать наступления в скором времени желаемой социально-политической стабильности. Мир будет становиться все более сложным, но менее стабильным и менее безопасным. При таком сценарии развития событий нам следует думать: как выживать в условиях такого мира, как *сохранить себя*? При этом важно уяснить, что сохранить себя мы можем, лишь *развиваясь!* Другого пути существования сегодня нам не дано.

§ 2. Кавказ в меняющемся мире

Ключевые понятия: Кавказ, кризис, конфликт, урегулирование, стабильность

В контексте глобального кризиса

Нарастающие сегодня в мире глобальные процессы социального развития не обошли стороной и Кавказ. Более того, Кавказ оказался одним из эпицентров, где столкновение различных геополитических сил, культур и цивилизаций вылилось в пожар разрушительных и кровопролитных войн, превратив регион в своеобразный огнедышащий вулкан. И сегодня ситуация в регионе остается крайне взрывоопасной. Хотя череда широкомасштабных боевых действий будто бы прошла, но нет еще таких политико-правовых механизмов, которые могли бы предотвратить возобновление новой войны и гарантировать стабильный мир. Это дает основание рассматривать сегодня Кавказ, наряду с Ближним Востоком и Балканами, как один из наиболее конфликтогенных регионов в евразийском пространстве, как пояс повышенной опасности.

Августовские события 2008 г. вновь подтвердили, что время стабильности на Кавказе еще не наступило. Эти же события высветили изъяны современного мира, в первую очередь, всю пагубность той конфигурации миропорядка, которая сложилась после распада Восточного блока («Варшавского договора»).

Однополярный мир во главе с США оказался лишенным механизмов «сдержек и противовесов», без которых трудно поддерживать равновесие во взаимодействии стран, составляющих постсовременное сообщество. Вследствие этого США, будучи единственной сверхдержавой, стали чаще действовать вне правового поля, прибегать не к «силе права, а к праву силы». Они навязывают свои национальные интересы миру в качестве всеобщих. При этом имеются в виду, прежде всего, интересы транснациональной финансово-олигархической верхушки, действия которой нелегитимны и неподконтрольны. Между тем именно эта верхушка, а не легитимные политические институты международного сообщества, влияет на жизнь постсовременного мира, определяет и навязывает ему удобную ей стратегию развития.

Противоречия между основными геополитическими игроками нарастают. Мир преодолел противостояние времен «холодной войны», но от этого более единым, безопасным и стабильным не стал. Напротив, рост разрушительного потенциала становится все более угрожающим. Модель однополярного мироустройства, просуществовав лишь пару десятков лет, уже исчерпала себя и стала ущербной. Сложившаяся в рамках такой архитектуры система международной безопасности, ее «двойных стандартов», как показали события на Кавказе, не может гарантировать безопасность многих народов. Судя по всему, прежняя форма существования мировой системы изжила себя, начинается переход к новой системной организации мира.

Что же лежит в основе системного кризиса? Нетрудно понять, что коллизии, его вызвавшие, в конечном итоге, сводятся к борьбе за ресурсы и их распределение. Именно из-за ресурсов США добиваются всеми средствами установления своего монопольного контроля над Кавказским регионом. Не во имя столь часто декларируемых ими либерально-демократических ценностей или благополучия народов регионального сообщества они стремятся включить Кавказ в свой глобальный проект, а с целью использования в своих интересах его ресурсного и геостратегического потенциала.

Из-за интереса к ресурсам осуществляется расширение Североатлантического альянса на Восток. Через расширение подконтрольного ему военного блока США добиваются моно-

польного контролирования новых богатых ресурсами территорий и ослабления влияния на них других конкурентоспособных геополитических игроков, в первую очередь России. С этой целью они в спешном порядке приняли ряд восточноевропейских стран, бывших членов «Варшавского договора», в члены НАТО и провели «Балканскую кампанию» (разделение бывшей Югославии, признание Косово и создание на его территории мощной военной инфраструктуры альянса). Продолжением этого проекта служат попытки создания в странах Восточной Европы системы ПРО и подготовка других стран, в том числе и бывших советских республик, к членству в НАТО.

Региональный аспект кризиса

В этом (глобальном) контексте нетрудно понять смысл августовских событий 2008 г. на Кавказе. Стратегическая задача, решаемая сегодня альянсом на Кавказе, та же самая, что и на Балканах, – это вытеснение России из региона. Решение данной задачи мыслилось руководством блока через принятие Грузии в НАТО. При этом в альянсе Грузию хотели видеть не иначе как вместе с Абхазией и Южной Осетией. Оставить Абхазию и Южную Осетию вне зоны контроля альянса означало для США сохранить возможность доступа России в регион, что совершенно не вписывалось в их план. Вот почему территориальная целостность Грузии так нужна была США.

Теперь, уже после августовской неудачи, руководству США будет намного сложнее выполнять свой кавказский проект. Но это не дает основания думать, что они собираются сворачивать «свои дела» на Кавказе. Напротив, несмотря на разразившийся мировой кризис, США принимают усилия, направленные на ускоренное восстановление военного потенциала Грузии (что означает поддержку напряженности в регионе). В связи с этим становится понятным и газовый кризис, искусственно вызванный для того, чтобы осуществлять транспортировку среднеазиатского газа через Грузию, в обход российской территории.

Оснований думать, что США и впредь будут стремиться сохранять свое «миротворческое» присутствие в южнокавказском регионе, более чем достаточно. Этому способствует сама политическая ситуация в регионе, где дефицит безопасности и стабильности ощущается весьма остро. Вряд ли можно считать дружественными взаимоотношения стран Южного Кавказа. Свою ключевую роль в сохранении напряженности в регионе играет Грузия, которая не собирается отказываться от своих притязаний на Абхазию и Южную Осетию. Руководство Североатлантического альянса, прежде всего США, владеющие большим набором отработанных технологий («управляемый хаос», «управляемый кризис», «экспорт напряженности» и др.), при «необходимости» создадут и поддержат нужные им региональные ситуации.

По всему видно, что в условиях продолжающегося политического, а теперь уже и финансового, и экономического, кризиса ситуация на Южном Кавказе будет стремительно меняться. Какова она будет в будущем, во многом зависит от характера взаимодействия участников треугольника «США – РФ – ЕС». Но даже среди сторонников США нет единства взглядов на кавказскую ситуацию. Турция, например, будучи членом НАТО, поддержала российскую операцию по принуждению Грузии к миру и выступила с политическими инициативами, направленными на укрепление безопасности на Южном Кавказе.

Далеко не во всем совпадают интересы США и стран ЕС, особенно «старой» Европы. Имеются серьезные противоречия между США и РФ, с одной стороны, и РФ и ЕС – с другой. Например, США заинтересованы, как отмечалось выше, в сохранении напряженности на Кавказе, Россия – в восстановлении политической стабильности в регионе. Несмотря на эти расхождения, треугольник «США – РФ – ЕС» – это реально действующая геополитическая сила, от которой, повторяю, во многом зависит будущее Кавказа.

Сами же непосредственные участники этнополитических конфликтов в регионе уже второй десяток лет находятся в состоянии поствоенно-предвоенном. Вряд ли можно считать дружественными (из-за проблемы Нагорного Карабаха) взаимоотношения Азербайджана и Армении. Территория Грузии все больше превращается в антироссийский плацдарм.

Новая политическая конфигурация государств Кавказа увеличила разрыв между ними. Недавно еще единый Кавказ сегодня расколот, политически разделен на Северный (российский) и Южный. Даже отдельные этнические общности (осетины, лезгины и др.) оказались при этом разделенными.

По своему правовому положению национально-государственные субъекты Кавказа разнородны: одни из них (Азербайджан, Армения и Грузия) признаны международным сообществом, другие (Абхазия и Южная Осетия) признаны Российской Федерацией, Никарагуа, Венесуэлой, Республикой Науру. Нагорный Карабах не признан никем, но существует *de facto*; северокавказские республики входят в состав Российской Федерации.

Такую чересполосицу правовых статусов государств Кавказа вряд ли можно считать перманентной, скорее всего, она является правовым закреплением определенного этапа раздела региона на сферы влияния.

При этом нетрудно заметить символический характер «суверенности» некоторых южнокавказских государств, особенно Грузии, которая выживает, главным образом, за счет иностранных, прежде всего американских, дотаций. Такая суверенность вряд ли может быть гарантом стабильного мира и безопасности в регионе. Скорее, она выступит инструментом конкурирующих между собой внешних геополитических сил.

Объектом такой борьбы Кавказ оказался в связи с распадом СССР и началом политического формирования региона в соответствии с «новым мировым порядком». Распад одних государств и образование других, как показывает исторический опыт, – сложный и неоднозначный процесс, который, как правило, сопровождается обострением противоречий между участниками этого процесса, а порой и столкновением их друг с другом. Причем такие столкновения чаще происходят в так называемых «контактных зонах», где проходят линии противостояния или «линия разлома» (С. Хантингтон). Одна из таких линий сегодня проходит именно через Кавказ.

Правда, не впервые Кавказ оказывается в такой ситуации; он и раньше привлекал к себе внимание внешнего мира, ибо здесь, как известно, перекрещивались многие коммуникационные артерии евразийского пространства. Кавказ был своеобразной пограничной зоной, где соприкасались, порой сталкивались, интересы различных стран и народов, культур и цивилизаций, что не всегда способствовало сохранению и развитию сложившейся здесь уникальной по разнообразию эконокультурной системы. Тем не менее народам кавказского сообщества удавалось выживать, сохраняя при этом свою самобытность. Удастся ли им на этот раз сохранить себя – предсказать трудно.

Более вероятным представляется сохранение и в будущем геополитической и культурно-цивилизационной зависимости Кавказа. Но при этом нельзя не заметить, что процесс осознания народами регионального сообщества своей социокультурной идентичности все более возрастает. Это дает основание думать, что борьба между реально действующими сегодня на Кавказе политическими силами будет только обостряться.

Такое повышенное внимание к Кавказу ведущих стран мира, прежде всего США, России, Германии, Франции, Турции, Ирана и др., вызвано главным образом геостратегическим положением региона, его природными ресурсами и социокультурным потенциалом.

Интересы этих стран трудносовместимы, тем более что они принадлежат разным типам цивилизаций, которые придерживаются различных моделей социального устройства, систем ценностной ориентации и технологий жизнеобеспечения. Каждая из них, естественно, преследует свои интересы и, исходя из них, влияет на ход развития событий в

регионе. В конъюнктурных интересах используются имеющиеся внутрирегиональные противоречия, в том числе и этнополитические конфликты [8]. Именно посредством конфликтов эти страны внедряются в политическую жизнь региона. И пока геополитическое соперничество за Кавказ сохраняется, вряд ли следует ожидать наступления стабильности в регионе.

Среди активных соперников в этой борьбе следует выделить США и Россию. В зависимости от того, как будут складываться взаимоотношения между ними на Кавказе, и определится, видимо, политический статус региона – останется ли Кавказ разделенным или будет реинтегрирован под протекторатом новой метрополии. Соотношение сил между ними в регионе зависит также от того, как будут развиваться дальше сами эти страны, какую роль они будут играть в формировании новой геополитической картины мира. Поэтому трудно сегодня судить о том, каков будет окончательный результат российско-американского взаимодействия на Кавказе. Пока же можно говорить о попытках России восстановить свое геополитическое присутствие на Южном Кавказе. Подтверждением этого могут служить события в августе 2008 г. Запад, а также США небезуспешно пытаются противостоять этому и вытеснить Россию – и не только из Южнокавказского региона.

Проведенный анализ не может считаться завершенным без моделирования определенной политической картины, в контексте которой можно мыслить существование Кавказа. Иначе говоря, сама неопределенность сложившейся на Кавказе и вокруг него геополитической ситуации вызывает острую потребность в осмыслении его положения в евразийском пространстве. Исходя из этого, можно предположить возможные сценарии развития событий:

I сценарий – образование единого и суверенного Кавказа, что маловероятно;

II сценарий – интеграция Кавказа с Россией. В ближайшее время такой вариант маловероятен;

III сценарий – сохранение разделенности Кавказа на Северный (российский) и Южный (нероссийский). Это более вероятно;

IV сценарий – интеграция Кавказа с Западом, что требует изоляции региона от влияния как со стороны России, так и Ирана;

V сценарий – интеграция Кавказа с Ближним Востоком.

Возможны и другие сценарии развития событий на Кавказе.

Но нетрудно при этом заметить, что все они требуют специального изучения и анализа, подробного описания каждого из них в отдельности. Решение такой задачи выходит за рамки данной работы.

Пока же можно отметить следующее: при всей неопределенности текущей ситуации и труднопредсказуемости политического будущего региона вероятнее всего ожидать сохранения геополитической и культурно-цивилизационной зависимости Кавказа. Поэтому поиск пути безопасного существования и стабильного социального развития народам кавказского сообщества следует осуществлять в параметрах этой реальности.

§ 3. О кавказской культуре (Опыт моделирования научной версии)

Ключевые понятия: Кавказ, культура, ментальность, менталитет, культурно-исторический тип

Культурно-цивилизационный контекст

Сегодня Кавказ представляет собой средоточие не только геополитических противоречий и коллизий; здесь столкнулись также различные культурно-цивилизационные образования. Их взаимодействия весьма существенно влияют на характер и динамику происходящих сегодня в регионе процессов.

Культурный плюрализм, какой сегодня наблюдается, встречается здесь не впервые. Как отмечалось выше, на евразийской территории Кавказ – место пересечения многих культур и цивилизаций. И хотя он не входил в эпицентр, где в свое время зарождались фундаментальные идеи и разворачивались события всемирно-исторического значения (Ближний Восток), но и не был в стороне от этих процессов.

Именно на Кавказе проходила граница между различными мегакультурными центрами: древнегреческим, древнеримским, византийским, арабским, тюркским, славянским и др. Здесь непосредственно соприкасались и продолжают соприкасаться сегодня интересы различных конфессий, прежде всего христианской (православной) и мусульманской.

Результатом таких контактов стало то, что кавказская культура впитала в себя ценности многих других культур, в том числе противоположных (например, западной и восточной). Тем не менее кавказская культура не может считаться ни западной, ни восточной. Ее следует рассматривать как достаточно самобытный тип культурной генерации, который идентифицирует себя с самим собой. Поэтому здесь следует более подробно рассмотреть кавказскую культуру как таковую. Это тем более важно сделать, поскольку среди различных культур, активно взаимодействующих сегодня в регионе, кавказская культура является одной из них. К тому же о кавказской культуре мы осведомлены гораздо меньше, чем о культурах внешнего мира, скажем, той же западной. Не воссоздав живой образ кавказской культуры, нам трудно будет разобраться в сути происходящих сегодня в регионе социокультурных процессов.

Исходные реалии анализа

Хорошо известно, что Кавказ всегда выделялся из окружающего его внешнего мира удобным географическим расположением и природно-климатическим своеобразием. Научкой отмечается, что существо этого своеобразия состоит в высокой степени концентрации природного (биологического) *разнообразия* [9].

Однако это разнообразие отнюдь не означает хаотичного сочетания различных биологических объектов на единице пространства. Биоразнообразие Кавказа обусловлено не следствием каких-то масштабных природных катаклизмов, оно формировалось эволюционно, путем естественного отбора, что предопределило упорядоченность (даже довольно жесткую) чрезвычайного разнообразия живых организмов [10]. Именно этим разнообразием обеспечивается *самодостаточность, целостность и завершенность* биологических процессов в регионе, их жесткая детерминированность природно-климатическими условиями.

Иначе говоря, биоразнообразие Кавказа является формой проявления закономерности эволюции организмов в условиях горных и предгорных территорий региона.

Разумеется, социальная форма жизни не тождественна биологической. В известном смысле она является качественно новой – надбиологической – формой жизни. Тем не менее существование человеческой популяции мыслимо лишь при сохранении живой преемственной связи с биотой. Как бы ни совершенствовалась технология жизнеобеспечения человека, пока будет существовать такой вид живой природы, каким является *Homo sapiens*, эта связь не может быть прервана. Формы ее (связи) разнообразны и зависят как от природных условий, так и от уровня развития социальной общности. Наиболее рельефно эта связь проявляется в архаичных формах социальной организации, а также в жизнедеятельности социальных общностей, сложившихся в условиях горных территорий.

Это важно учитывать при осмыслении феномена кавказской культуры, ибо Кавказ характеризуется горным ландшафтом, в суровых условиях которого преобразовательные возможности человека более ограничены, чем на равнине. Это своеобразие существования нашло отражение в мифологизированной форме сознания, в менталитете и ментальности местного населения. Все горные народы, с точки зрения их самосознания, являются, как правило, космогенными, а исходной основой, прообразом жизнедеятельности становится природа. Именно «по образу и подобию» природы происходит формирование социальной общности в горах.

Организованная таким способом социальная общность (социум) более консервативна (традиционна, замкнута), менее подвержена социальному изменению (развитию, модернизации, инновации), но зато более стабильна. И поскольку жизнь человека приближена к жизни природы и организована в рамках биогеоценоза, постольку потребности его предопределены и строго нормированы. Поэтому человек не стремится к совершенствованию формы своего социального бытия, к выработке новой технологии жизнеобеспечения. Все это необходимо учитывать, пытаясь раскрыть своеобразие кавказской культуры как отдельного феномена.

Социальная диагностика культуры: постановка проблемы

Определение состояния культуры в режиме исторического времени – это наисложнейшая и в то же время наиважнейшая задача. Ведь текущее состояние любого объекта познания есть исходная система отсчета, без которой никакой анализ, тем более научный, проведен быть не может. Определение текущего состояния культуры, в частности кавказской, для нас тем более важно, поскольку мы живем в этой культуре. Однако непосредственно, на опыте, она не наблюдаема; наблюдаемы лишь явления культуры. Потому для регистрации наличной формы бытия культуры науке приходится прибегать к различного рода абстракциям. Такие абстракции могут считаться научными в том случае, если они подтверждаются опытными данными (наблюдаемыми явлениями) и объясняют их. Это значит, что без опытных (наблюдаемых, статистических и др.) данных вряд ли возможно рассчитывать на глубину анализа текущего состояния кавказской культуры. Однако таких данных, к сожалению, в нашем распоряжении сегодня нет. Научное изучение Кавказа проводится пока главным образом на методологической базе лишь исторической и филологической науки.

При всей важности собирательного, описательного методов исследования для концептуального понимания социокультурного феномена Кавказа необходимы также другие методы и подходы (объяснение, толкование, понимание). Решение такой задачи требует проведения специальных исследовательских проектов. Потому нам приходится ограничиться моделированием лишь определенной версии (гипотезы) путем умозрительного наблюдения, логического рассуждения, а также выбором понятийного аппарата (языка) этой версии.

Описывая и объясняя социокультурные процессы, современная наука оперирует понятиями *кризис, переход, трансформация, реформация, бифуркация, аннигиляция, диффузия,*

традиция, инновация, модернизация и др. Применение такого рода понятий к социокультурным процессам на Кавказе оправдано тем, что традиционно используемый в кавказоведении понятийный аппарат не позволяет раскрыть суть происходящих сегодня процессов. Между тем эти процессы характеризуются *сосуществованием* (взаимодействием) на небольшом социальном пространстве разнородных по своему смыслу и ценностям культурных образований. Речь идет не только и не столько об этнокультурном разнообразии в традиционном (этнографическом) смысле слова. Имеется в виду такая культурная *смешанность* населения Кавказа, когда один и тот же этнос становится носителем разных культур. Более того, поликультурным становится не только отдельный этнос, но и его *базовая личность* (этнофор).

В условиях глобализации и сокращения дистанции между различными культурными образованиями говорить о *гомогенности* культуры можно весьма и весьма условно. Различные культуры *взаимопроникают*, причем процесс этот интенсивно нарастает. В данном контексте пример Кавказа является наиболее показательным. Сегодня здесь нет ни одной гомогенной культуры. Культура, в мире которой мы сегодня реально живем, *гетерогенна*, типологически разнородна. Нормы и ценности, которых мы придерживаемся в своей повседневной жизни, принадлежат различным культурам. Один и тот же человек является носителем разнородных культурных ценностей. Причем сочетание этих ценностей, принадлежащих разным культурным генерациям, часто носит произвольный характер.

Разнообразие предметного мира культуры, в условиях стремительной либерализации общества и его индивидуализации, открывает гораздо больше возможностей для выбора не только товаров и услуг, стиля одежды, но и ценностных ориентаций, мировоззренческих установок, идей, согласно которым каждый по-своему организует свою жизнь.

При гомогенности культуры такой возможности нет – здесь индивид строит свою жизнь по тем стандартам и образцам, которые предписывались ему существующей культурой. Это ограничивало возможность для выбора.

Приоритет личных (или групповых) интересов предают забвению нормы и предписания традиций. Тем самым культура все более превращается в своеобразный рынок духовных ценностей, где каждый «выбирает» их по своим субъективным предпочтениям. На этом рынке царит дух конкуренции за внутренний мир индивида, за самосознание этноса. В этой конкурентной борьбе нет победителя, а есть процесс, который протекает в самых разнообразных формах: *взаимодействия, взаимовлияния, взаимоприспособления, взаимопроникновения, взаиморазрушения, взаимопревращения* и т. д. По существу, идет процесс формирования новой культурной генерации, наблюдаемый сегодня не только в кавказском регионе.

Изменения происходят не только с ценностным отношением человека к культуре, но и с ценностью самой культуры. В контексте современной техногенной (западной) цивилизации культура стала утрачивать свою имманентную самоценность и превращаться в технологию социальной деятельности человека. Технологическая (инструменталистская) сторона культуры стала все чаще превалировать в ее жизни. Культура здесь выступает в качестве средства, целью которого являются, как уже отмечалось, экономические ценности. И оценивается культура только с точки зрения ее экономической эффективности, что, несомненно, ведет к девальвации культуры. Кавказ не оказался в стороне от этой всеобщей тенденции трансформации культуры. Сегодня мы не только свидетели, но и участники таких ценностных трансформаций.

Переходный процесс: откуда, куда и почему?

Одна из существенных особенностей современных социальных процессов – переход культуры из одной матрицы в другую. Прделанный выше анализ позволяет рассматривать

современное состояние кавказской культуры как переходное. Разобраться в сути этого перехода можно на примере самой кавказской культуры, обладающей своей матрицей – необходимо присущими ей существенными признаками. Одним из таких признаков является традиционализм, что позволяло специалистам относить кавказскую культуру к традиционному типу.

Особенность любой традиционной культуры вообще и кавказской в частности состоит в том, что в условиях такой культуры человек производит и воспроизводит свою жизнь, обеспечивает ее безопасность (социальный гомеостаз), опираясь главным образом на накопленный опыт. Каждое новое поколение в традиционном обществе, по существу, *повторяет* опыт предыдущих поколений. Разумеется, в этих условиях исторически накопленный опыт не остается неизменным; он корректируется, шлифуется, совершенствуется, обновляется. Но все это не столь важно. Более важным является повторение наличного социального опыта каждым новым поколением. Именно на это тратится человеческий потенциал традиционного общества.

В условиях традиционной культуры развитие общества происходит медленно, постепенно, эволюционно, количественно. Внутрисоциальное состояние общества стабильно и определено. Коллективному социальному субъекту не приходится заниматься реорганизацией, переделыванием исторически сложившегося жизнеустройства; ему чужды идеи социального конструирования, развития, совершенствования, реформации, модернизации, революции.

В жизни такого общества нет резких скачков, переходов, качественных и системных преобразований. Даже тогда, когда такие качественные переходы в условиях традиционной культуры имеют место, они занимают длительное время, измеряемое историческими эпохами или стадиями (добывание огня, неолитическая революция, промышленный переворот и др.).

Социальное прошлое рассматривается здесь как исходное идеальное, представляющее собой предел совершенства структурной организации жизни людей. Социальное конструирование сводится к формированию будущего по образу и подобию прошлого. Поэтому перед социальным актором не стоят извечные вопросы: «Что делать?», «Как делать?» и др. Становление социальной формы жизни как бы завершено, достигло своего предела (совершенства) и нет надобности ее менять. Но при всей монотонности и неспешности социальных изменений в условиях традиционной культуры они все же происходят и в итоге приводят к качественному переходу в жизни общества.

Таким образом, традиционное общество не есть нечто окостеневшее. Происходящие в нем эволюционные процессы, в конечном итоге, приводят его в иное состояние, когда оно начинает динамично развиваться, совершенствовать структурную организацию существующей формы бытия и переходить из одной социальной формы в другую.

Чтобы удовлетворить в таких условиях свои базовые интересы и потребности, социальному актору недостаточен тот опыт, который унаследован им от предшествующих поколений. С точки зрения совершенства этот исторический опыт не считается больше идеальным. Актор опирается на него, но использует не в том виде, в каком он ему достался, а в осознанно измененном, улучшенном, усовершенствованном. Более того, отношение человека к прошлому в нетрадиционном (развивающемся) обществе критическое, порой негативное; социальное прошлое – это предмет критики, предмет преобразования, улучшения. Поэтому социальное будущее не является просто повторением прошлого; прошлое в будущем сохраняется, но присутствует в нем как бы «в снятом виде» (Гегель). Социальное будущее *творится, конструируется* действующим поколением. При этом исходным началом социального конструирования является не социальный образ прошлого, а определенный

мысленный конструкт (модель), выступающий в то же время и в качестве цели субъекта деятельности.

Но цель, которую преследует субъект, и достигаемые при этом результаты, как известно, далеко не всегда совпадают. Поэтому процесс социального конструирования не может быть завершен, а субъект конструирования оказывается в ситуации, когда ему приходится искать все новые пути и способы достижения своего идеала. Но для этого человек должен быть мобильным, ловким, хватким, деятельным, способным приобретать и применять новые приемы и навыки жизнедеятельности.

Разумеется, такой тип социального жизнеустройства и такой тип человека имеют немало преимуществ и перспектив: они позволяют обществу и человеку динамично развиваться, обновляться, совершенствоваться и, самое главное, становиться более дееспособными и адаптированными к постоянно меняющимся условиям внешней среды. В итоге общество прогрессирует, а человек приобретает новые навыки жизнедеятельности и наращивает свой интеллектуальный потенциал.

Но преувеличивать значение таких преимуществ все же не следует, ибо жить и выживать в развивающемся (нетрадиционном) обществе непросто. К тому же любое развитие – это не только созидание, но и разрушение, при котором не избежать социальных противоречий, напряженности в обществе, конфликтов, коллизий, потрясений и т. д. Более того, развитие как способ бытия вообще противоречиво: в нем заложено единство противоположностей, в котором завершение определенного цикла изменений есть не что иное, как *тупик*. В условиях тупика существующая система разрушается. Единственная перспектива, которая при этом открывается обществу, – это необходимость поиска и формирования новой социальной системы.

Для этого у общества должны быть наготове социальные проекты, направленные на обновление жизнеустройства, на его реформацию и модернизацию. Отсутствие таких проектов часто приводит к революции – к насильственной смене одной социально-политической системы другой.

Можно было бы продолжить описание этих типов социального жизнеустройства (традиционного и нетрадиционного), по которым, в общем и целом, организована жизнь постсоветского мира. Но для нас было важным зафиксировать принципиальное различие между двумя этими типами. Если попытаться «схватить и выразить» существо этого различия в какой-то словесной формуле, то, видимо, она будет представлять следующее суждение: традиционное общество *стабильно, но медленно развивается*, а нетрадиционное общество *быстро развивается, но менее стабильно*. Какое из этих обществ предпочтительнее с точки зрения человеческой экзистенции? Вряд ли здесь возможно найти однозначный и безупречный ответ.

На этот вопрос ответить можно лишь с позиции конкретной социокультурной общности. Например, абхазы, как и другие народы кавказского сообщества, предпочли бы жить в условиях традиционного общества, причем кавказской модели, поскольку их менталитет и ментальность сформировались именно в таких условиях. Точнее говоря, эти условия вырабатывались предками и шифровались в социокоде (информационной программе) абхазов. Не случайно еще и сегодня в культуре абхазов, как и в других культурах кавказского сообщества, довольно часто встречается почтительно-трогательное отношение к прошлому (исторически пройденному), особенно со стороны представителей старшего поколения.

Но, увы, помочь им в их тоске по прошлому вряд ли возможно. Мы сегодня живем уже в иных условиях, когда поддерживать свое национальное существование одним только повторением прошлого опыта вряд ли возможно. Этот опыт, несомненно, важен и необходим, но, повторяю, сегодня он уже недостаточен для того, чтобы служить решению стоящих перед нашим обществом задач. Социальный опыт прошлого должен быть критически пере-

осмыслен и приспособлен к новым условиям. В текущих условиях нам следует конструировать новую модель своего будущего социального устройства, с учетом не только национального опыта, но и опыта других стран и народов.

Кризис культуры и поиск выхода из него

Ситуация, в которой сегодня оказались народы кавказского сообщества, довольно сложная, необычная и таит немало угроз их общей безопасности. Эта ситуация лишает людей возможности действовать согласно привычной и исторически наработанной технологии жизнеобеспечения и не предлагает взамен ничего нового и готового.

Былой уклад жизни разрушается, и исторически пройденный предками путь уже не играет той роли, какую он играл раньше в условиях социальной повторяемости. По сути, люди оказались на развалинах истории, под которыми погребены скрепы прежней системообразующей социальной целостности, превратившейся в груды обломков былого, без ясных контуров образа «светлого будущего».

Наступило состояние *безвременья (межвременья)*, в котором народы сообщества не могут удовлетворить свои социальные потребности возможностями одной только кавказской культуры, поскольку в ходе исторической трансформации, точнее, *деформации* она перестала быть *самодостаточной*. Ее возможности сузились, в то время как потребности людей – расширились. В силу этого им приходится прибегать к «услугам» других культур, часто произвольно и неосознанно из-за отсутствия осмысленной и перспективной культурной установки.

Усилия коллективного социального субъекта (народов кавказского сообщества) по сохранению своей культуры – это, скорее всего, попытки *повторять* ее, но не *развивать*. Определенные сдвиги в направлении развития кавказской культуры наблюдались в XIX–XX вв., но в последние десятилетия, вследствие социальной деструкции, принявшей угрожающий размах и масштабы, уникальная древнейшая культура вновь оказалась перед лицом угрозы.

Выживать в условиях острого культурного кризиса удастся не всем народам, ибо, повторяю, каждый из них оказывается в состоянии *наименьшей стабильности, наименьшей социальной упорядоченности*. Выбраться из него вряд ли возможно без специального, научно обоснованного проекта, в котором мы сегодня испытываем острую потребность.

Следствием кризиса культуры может стать распад самой социальной системы. При распаде социальной системы, как и любой другой, происходит высвобождение энергии составляющих ее структур (людей, различных социальных групп, институтов и т. д.), которые оказываются в *неопределенном, произвольном и беспорядочном* состоянии. В этом «бронновском движении» люди вынуждены продолжать совместную жизнь, но уже без общих правил, без общих норм морали и права, т. е. в состоянии социального *хаоса* (беспорядка).

Распад системы может произойти под воздействием внешних сил и факторов, а также по причине износа самой системы. Нет в природе и обществе вечных систем – есть лишь их вечная смена (распад и образование). Именно вследствие распада социальной системы, как известно, погибали многие, некогда процветавшие, цивилизации, культуры, народы. Правда, бесследно они не исчезали. Освободившиеся при распаде системы структуры начинали поиск пути к формированию новой системы либо же вступали в другую, уже существовавшую систему и начинали жить по ее законам и нормам.

Распад системы не является единственным и неизбежным следствием кризиса культуры. При определенном стечении обстоятельств и в результате энергичных действий большей массы людей такие крайние последствия кризиса могут быть предотвращены. Более того, кризис может даже стать источником (стимулом) нового взлета культурной жизни.

Так было, скажем, в Европе в позднее Средневековье. Без кризиса средневековой европейской культуры не было бы ни эпохи Ренессанса, ни классической культуры Нового времени. Так называемое «японское чудо» является следствием кризиса японской культуры середины XX в. И таких примеров в истории множество. Они показывают, что кризис – это не только *разрушение* старой формы жизни, но и *поиск* пути к новой. Поэтому важно, чтобы наиболее влиятельные слои общества умели видеть и использовать положительный потенциал кризиса в социальном творчестве.

И еще важно отметить. Проходя через горнило кризиса Средневековья, европейская культура не перестала быть европейской, а японская культура, как известно, пройдя процесс сильной технологической модернизации, не утратила своей самобытности. В столь существенном аспекте, как, в частности, мировоззренческий, средневековая культура, как известно, *теоцентрична*, а классическая культура Нового времени *антропоцентрична*. Между ними немало и других различий, но и та, и другая идентифицируются как *европейская* культура.

Таким образом, в процессе своей исторической трансформации культуре приходится приспосабливаться к постоянно меняющимся и не всегда благоприятным для ее развития внешним условиям, даже менять свою «тему». Современная культура – и кавказская, и русская, и европейская, и восточная, и т. д. – разнородна, гетерогенна и состоит из иерархии различных ценностей, норм и стандартов жизни. При этом культура – это не просто некая сумма ценностей, а их *система*.

Кавказская культура сегодня оказалась как бы вне контекста своего времени и привычных социальных условий. Достаточно сказать, что она лишилась традиционной хозяйственной базы. Возникнув и функционируя в свое время на базе натурального хозяйства, ей были чужды идеи товара, торговли, прибыли, вечно богатства и др. Она исповедовала в качестве высших не экономические, а духовные ценности: *честь, достоинство, благородство, мудрость* и др. Поэтому кавказская культура в своем онтологическом статусе трудно вписывается в контекст современной хозяйственной (экономической) модели, построенной на примате материальных ценностей.

По существу, наше сообщество сегодня находится одновременно в двух различных и разбалансированных системах (культурной и экономической); наше бытие амбивалентно, разнородно и дискретно, что лишает его необходимой стабильности и перспективы развития как социокультурной целостности. Именно этой *системной целостности* больше всего не хватает сегодня кавказской культуре. Поэтому нам дискомфортно жить в современных условиях.

Одновременное сосуществование на небольшом жизненном пространстве стандартов и ценностей различных культур, в том числе политической культуры, создает напряженность в духовной жизни и взаимодействии народов кавказского сообщества. Это взаимодействие есть процесс – *процесс формирования новой культурной генерации*. Мы все находимся в этом процессе и являемся его участниками. Исходя именно из такого понимания ситуации, следует, на наш взгляд, и определять задачи, которые стоят сегодня перед сообществом в сфере культуры и системы его ценностной ориентации.

Сохранение культуры: повторение или творение?

Среди задач, стоящих сегодня перед народами кавказского сообщества, сохранение культуры, пожалуй, является одной из важнейших. Эта задача простых решений не имеет. И простым повторением былой формы культуры этой задачи не решить. Наиболее перспективным, на наш взгляд, видится сохранение кавказской культуры *через механизм творчества*. Потому следует пояснить эту ключевую мысль.

Во-первых, культура сама по себе есть творчество. Именно через творчество раскрывается сущность культуры. Там, где нет творчества, нет культуры, и наоборот. Культуры нет в природе; она есть изобретение и творение человека и надбиологическая форма организации жизни.

Культура есть также изобретение (творение) человеком универсального механизма надбиологического существования. В той мере, в какой человек творит культуру, в такой же мере культура творит человека. Культура, таким образом, есть продукт не повторения, а творения. В этом ее отличительная специфика.

Некоторое оживление в культурной жизни Кавказа, начавшееся в XIX столетии, связано, в первую очередь, с появлением таких представителей элиты, которые тяготели главным образом к духовному творчеству. Включение в культурную жизнь региона творческого начала придало ей дополнительный импульс и помогло сохраниться в социальных перипетиях последующего XX в. Поэтому к кавказской культуре не следует относиться как к чему-то неизменному и постоянному, ее надо *творить, развивать* с учетом *текущих реалий и условий*.

Во-вторых, своя культура нам нужна не для того, чтобы отличаться от других. Своя культура нам нужна для того, чтобы мы могли удовлетворять через нее свои базовые потребности. Для этого необходимо, чтобы сама культура развивалась. Только развиваясь, она может стать фактором социального, в том числе и экономического, развития. Только развиваясь, она может в полной мере выполнять свои социальные функции, в том числе *повышать творческий* потенциал общества, без чего выстоять в конкурентной борьбе за существование нам вряд ли удастся.

В-третьих, никакое обилие информации и технологическая мощь, никакое социально-экономическое процветание не могут заменить собой творческого потенциала культуры – условия дееспособности и перспективы на развитие. И напротив, неразвивающаяся культура в условиях динамичного социального развития внешнего мира становится обузой для общества. Поэтому не следует оценивать, как это часто происходит, переживаемый нами кризис культуры как тупиковую ситуацию в ее развитии.

Кризис нашей культуры – противоречивый процесс, в котором переплелись возможности как ее утраты, так и ее сохранения. Сохранить ее можно, вдохнув в нее новые силы через реконструкцию, которой требуют новые исторические условия. Сама же реконструкция должна опираться на специальные концептуальные разработки, *комплексные проекты модернизации нашей культуры*. И здесь как раз опыт стран Дальневосточного бассейна, о котором шла речь выше, мог быть стать весьма полезным подспорьем. Но это уже другая тема, требующая специальной разработки.

Социокультурное разнообразие и проблемы моделирования кавказской культурной общности

Выше уже отмечалось, что природное своеобразие Кавказа можно выразить через его биологическое разнообразие, хотя содержание этого своеобразия не исчерпывается его разнообразием. При анализе социокультурных реалий разница объемов этих понятий намного возрастает. Тем не менее к проблеме социокультурного своеобразия [11] Кавказа можно подойти через его социокультурное *разнообразие*. Такой подход тем более важен, поскольку в научной литературе о Кавказе эти понятия, как правило, отождествляются. Многие авторы, пишущие о Кавказе, сводят своеобразие региона к его социокультурному, точнее, этнокультурному разнообразию, рассматривая этот регион как территорию некой культурной конгломерации или «мозаики различных этнокультурных образований» [12].

При этом исследователи ограничиваются лишь констатацией и описанием этноразнообразия, а само понятие «кавказская культура» чаще используют в собирательном смысле слова. Потому в представлении внешнего мира Кавказ – это многоликий Янус, который лишен внутренней дееспособности из-за противоречивости составляющих его частей. Именно этноразнообразие Кавказа служит теоретическим основанием различного мифотворчества, в частности мифа о «несовместимости» народов кавказского сообщества, который политическая конъюнктура насаждает в общественном сознании. Поэтому здесь будет не лишним более подробно рассмотреть природу социокультурного, в особенности этнокультурного, разнообразия Кавказа.

Хорошо известно, что образование этноса как достаточно устойчивой социальной общности происходило в процессе совместного освоения людьми определенной экологической ниши, которая впоследствии превращалась в территорию совместного проживания и владения. На Кавказе же, в силу его естественных географических условий, освоение природной территории шло, надо полагать, разрозненными и немногочисленными группами, поскольку осваивались здесь небольшие по своим размерам пространства, пригодные для ведения хозяйства.

Сама территория гор и предгорья делится на такие участки, на которых невозможна концентрация больших масс людей. Именно в рамках таких участков (экологических ниш) весьма ограниченного пространства людям приходилось объединяться для совместной жизнедеятельности и конструировать свой социальный мир, обладавший такими базовыми признаками, как социальная дееспособность и самодостаточность. При этом он отличался от других аналогичных социальных общностей региона единством своего культурного пространства: языком, правилами жизни, нормами порядка и всем тем, что было необходимо для производства и воспроизводства жизни. Именно такая малая (этническая) общность людей стала на Кавказе наиболее эффективной формой социальной организации, которая на протяжении многих столетий успешно осуществляла свою жизнедеятельность.

Этническая доминанта всегда давала о себе знать. Кавказ был и остается чрезвычайно разнообразным в этническом плане макромиром. Но, при всем различии между кавказскими этносами (народами), в них все же просматривается определенное *единообразие*, что дает основание говорить о едином *культурно-историческом типе*. Иными словами, с точки зрения структурной организации социальной системы (этносоциальной общности), мировоззренческой и ценностной ориентации человека, технологии жизнеобеспечения, формы хозяйствования и других базовых характеристик и признаков, кавказские этносы *однотипны* и отличаются от аналогичных образований, но сложившихся в иных (равнинных) условиях.

Обращает на себя внимание *немногочисленность* кавказских этносов. В горных условиях этнос и не мог быть многочисленным (многомиллионным) в силу ограниченности его жизненного пространства. Сама природа как бы препятствовала непомерному численному разрастанию этноса. Поэтому каждому этносу приходилось ограничиваться, как правило, простым воспроизводством своей численности. Такая демографическая «установка» диктовалась нормами биогеоценоза и была закреплена в обычаях и традициях общества.

И вообще, горный этнос (народ), будучи космогенным, тратит свой наличный потенциал главным образом на простое воспроизводство своей жизни, на повторение наличной формы социального бытия. У этноса нет нужды в самосовершенствовании; социальное развитие (становление) как бы завершено, общество создано – в нем только надо жить. И создано это общество сообразно природе, а потому социальные изменения в нем носят, как и в природе, преимущественно *циклический* характер, что делает этнос более жестким и менее гибким.

Порядки, условия, нормы, правила и другие механизмы, обеспечивающие жизнедеятельность этноса, жестко регламентированы и периодически воспроизводятся. Именно

через воспроизводство этих порядков, их повторяемость и четкую упорядоченность горный этнос выживал и существовал как очень собранная и мобилизованная социальная организация.

Внутри такой социальной организации люди теснее взаимосвязаны и сплочены. Такая взаимосвязь и сплоченность часто поддерживается и родственными узами. И вообще, в горном этносе сильно развито коллективистское начало. Наиболее важные социальные структуры, образующие и поддерживающие существование горного этноса, – это семья и община. В свою очередь семья и семейные отношения строго регламентированы и во многом сакрализованы. Семья здесь – не только хозяйственная и социальная ячейка, но и институт, формирующий коллективно-общинного человека. Именно в семье человек проходит полный курс своей социализации, после чего становится полноправным членом общинного коллектива («горной общины»).

Сама горная община достаточно своеобразна и заметно отличается от аналогичных формирований на равнине; она не подавляет, не поглощает, не растворяет в себе личностных качеств составляющих ее индивидов. Члены горной общины – не только производители материальных благ и охранители семейного очага, но также и «стражи» (Платон) общины и общества в целом. Здесь каждый ее член должен уметь воевать, поэтому он всегда вооружен. Военным искусством он занимался еще дома в процессе социализации, где его воспитывало не только и не столько слово, сколько пример и действие старших.

В известной степени горная община (общество) является военизированной организацией, что часто воспринималось представителями внешних кругов, особенно ангажированных, как изначальная агрессивность и воинственность горцев.

В коллективизме горной общины достаточно заметен индивидуализм каждого ее члена. Более того, в этом обществе каждому приходилось активно участвовать в обсуждении и решении важных и общезначимых задач [13]. Это значит, что интеллектуальный потенциал личности был востребован и что были люди, обладавшие достаточно продвинутым интеллектом.

Общинная психология здесь не исключает авторитарности, приобретенной не только в героических делах; в общине высоко ценится как коллективный ум, так и персонифицированная мудрость, часто проявлявшаяся публично, особенно в деятельности такого политического института, как народное собрание. Поэтому было высокоразвито ораторское искусство, которое демонстрировало не только эстетику живого слова, но и глубокое понимание смысла и тайн человеческого бытия.

Своим искусством выделялись народные сказители – живые хранители и носители всей культурно-исторической информации. Такие люди играли, повторяю, ключевую роль в жизни этноса. Именно они составляли народное собрание, правившее обществом. Их наличие лишней раз подтверждает *демократичность* жизни этноса на Кавказе. Как раз через такие порядки формировался и поддерживался тот достаточно развитый интеллектуальный потенциал, на базе которого функционировало горное общество. Судя по всему, горная демократия была военно-аристократической, поскольку в иерархии общества именно военная аристократия находилась наверху социальной лестницы.

Весь этот накопленный интеллектуальный потенциал хранится в живой памяти горного этноса и через институты социального наследования транслируется во времени в том виде, в каком он был унаследован от предыдущих поколений. Жизнь каждого нового поколения является «калькой» опыта предыдущих поколений. Социальное прошлое расценивается как некая исходная идеальная (совершенная) модель, сообразно которой должно быть построено (повторено) настоящее и будущее.

Будущее здесь не покрыто мраком неизвестности; будущее – это прошлое, которое, благодаря циклической повторяемости во всем объеме наследуемой информации, достаточно

хорошо известно. Поэтому люди не тратят свой потенциал на улучшение, обновление, совершенствование или реорганизацию социального жизнеустройства; оно воспринимается ими как достаточно совершенное [14]. Стратегическая задача, которая решалась этносами на Кавказе, состояла в *освоении* не столько жизненного пространства, сколько *исторического времени*. Видимо, поэтому этнос в горах живет сравнительно дольше.

Такая жизненная стратегия кавказского этноса наделяла его еще одним специфическим признаком – ему чужда идея *расширения* своего жизненного *пространства* – *этнической территории*. Каждый этнос занимал свою территорию. Причем границы этнической территории и занимаемой этносом экологической ниши часто совпадали, что делало эти границы достаточно стабильными.

Разумеется, этнические границы менялись, но резкое их изменение не допускалось. Земля в условиях ее острого дефицита в горах представляла особую ценность и воспринималась горцами не только и не столько как кормилица, сколько как усыпальница своих предков, память о которых всегда сакральна. Поэтому на Кавказе было недопустимо претендовать на чужую территорию или покинуть свою. Каждая этническая общность достаточно хорошо осознавала собственную, изначальную сращенность со своей природной средой, вне которой она себя не мыслила [15].

Во многом этим обуславливалось численное доминирование каждого отдельного этноса на своей территории. Так можно, на наш взгляд, объяснить образование и функционирование отдельной (немногочисленной) этнической культуры на Кавказе. И в целом население Кавказа не было дисперсным, смешанным и не знало чересполосицы; оно как бы «распределено», «разделено» по отдельным этническим «квартирам» на территории региона.

О единстве этнокультурного разнообразия

Разделенность этнических общностей не означает изолированности их друг от друга. Само формирование народов кавказского сообщества и их развитие могло происходить как процесс совместного освоения горных и предгорных территорий региона. При всех трудностях природных условий они всегда поддерживали определенные контакты и отношения. Через главный хребет были проложены дороги, которые связывали народы Северного и Южного Кавказа. Без такой взаимосвязи они просто не выжили бы.

О тесных контактах и взаимосвязях народов сообщества свидетельствуют многочисленные факты, в том числе *однотипность* модели социальной организации, единообразие культурно-исторического типа, особенности миропонимания, а также обычаи, нравы, нормы, верования, символы и т. д. Это позволяло людям без особых трудностей соседствовать, общаться, родниться через смешанные браки, поддерживать родственные отношения. Более того, многие кавказские этносы, в частности абхазо-адыгские, вайнахские, дагестанские, картвельские и др., объединяло и генетическое родство.

Однако межэтническое взаимодействие и взаимопроникновение (диффузия) не нарушали этнической целостности, с присущим ей социальным порядком. Напротив, именно благодаря таким контактам с внешним миром этнос мог поддерживать свое существование и транслировать себя во времени. Выстраивая отношения с внешним миром, этнос, тем самым, признавал его и адаптировался к нему.

Взаимоприспосабливаясь, поддерживая взаимную связь, народы кавказского сообщества формировали единое смысловое пространство, внутри которого каждый из них ощущал безопасность, так как был среди «своих». Будучи частью целого, но самостоятельной частью, каждая отдельная этническая общность сохраняла свою идентичность и, тем самым, этнокультурное разнообразие Кавказа.

Подчеркну еще раз – социальная общность (этнос) формировалась не произвольно, а в соответствии с условиями внешней среды – и природной, и социальной, а потому порядки, которые она устанавливала для себя, не должны были противоречить порядкам, принятым во внешнем мире. Кроме того, установившийся на Кавказе межэтнический порядок, с одной стороны, и внутриэтнический порядок – с другой, должны были находиться в достаточно устойчивом равновесии. Достичь такого равновесия можно было только при наличии непротиворечивости, а значит, схожести (или однотипности) моделей жизнеустройства различных этнокультурных образований. Как показывает экскурс в историю, все кавказские этносы организованы по одной и той же модели.

Это дает основание думать, что в прошлом на Кавказе был накоплен довольно уникальный культурно-исторический опыт [16]: на сравнительно небольшом географическом пространстве сконцентрировалось большое количество различных, хотя и небольших по численности, этнических общностей, в процессе взаимодействия которых образовалось единое суперэтническое пространство (мегаобщность) [17]. При этом этносы не смешались, не растворились друг в друге, как это происходило с этносами на равнине. Сохраняя себя, каждый из них способствовал сохранению этнического разнообразия Кавказа.

В свою очередь макросоциальное целое не подавляло составлявших его частей и не растворяло их в себе; оно существовало как бы во благо последних, обеспечивая пространство стабильных взаимоотношений. Разумеется, это не исключало различных распрей и коллизий, в том числе и вооруженных. Но они не доводились до разрушения социокультурной системы региона [18].

Реформация или деформация?

Разрушение социокультурной целостности региона началось, видимо, с процесса интеграции Кавказа и России. В этом процессе столкнулись, по существу, два разных типа культурной генерации – кавказский и русский. Каждый из них обладал своей моделью социального устройства и системой ценностей. В ходе интеграции Россия стала волевым способом внедрять на Кавказе свою систему социальной организации и управления, чуждую народам сообщества. Следствием проводимой реорганизации стала не трансформация культурной матрицы Кавказа, а *замена* ее другою. Между этими культурами не было преемственной связи.

Русско-кавказская война, длившаяся не одно десятилетие, явилась этнической катастрофой для многих народов сообщества. Некоторые из них (убыхи) вовсе исчезли. Война истребляла наиболее дееспособную часть населения, что нанесло весьма ощутимый ущерб кавказскому генофонду. Значительная часть населения, оставшегося в живых, была депортирована. Население Кавказа лишилось своей компактности и целостности, оно стало рассеянным (дисперсным). После окончания войны в регионе началось новое заселение опустевших земель другими этносами и этническими группами. Война и ее последствия (выселение, заселение и др.) привели к тому, что многие народы на Кавказе оказались в инокультурной среде и в численном меньшинстве.

Социально-политическая деструкция продолжалась и в советское время. Депортации целых народов по этническому признаку (чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, турок-месхетинцев и др.), неоднократное перекраивание, в конъюнктурных интересах партийной системы, административных границ привели к разделению некоторых народов (адыгов, осетин и др.) и искусственному объединению их с другими народами в рамках так называемых национальных автономий (по существу – административно-территориальных единиц) – Карачаево-Черкесской, Кабардино-Балкарской, Чечено-Ингушской и др. Тем

самым был нарушен исторически сложившийся этнический порядок – порядок расположения этнических общностей на территории региона.

Население внутри каждой этнической территории стало смешанным, что лишило этнос условий и возможности для выполнения им своих смыслообразующих функций. Из самоуправляемого социального субъекта этнос превратился в управляемый социальный объект. Привычные ценности и нормы культуры стали быстро утрачивать свой смысл и не могли больше служить опорами в жизнеобеспечении. Взамен предлагались другие ценности и нормы, которые не были выношены человеком, но он был вынужден ими пользоваться. В условиях современной (постсовременной) культуры этнофор на Кавказе стал носителем различных, порой малосвязанных и трудносовместимых по смыслу и целевой установке, культурных ценностей и норм.

Несмотря на это, кавказская культура не исчезла. Многие ее структурные элементы (ценности, стандарты, стереотипы, самосознание и др.) сохранились и продолжали функционировать. На их базе народы сообщества еще и сегодня выделяют себя из окружающего мира, самоидентифицируясь и на этническом, и надэтническом, или супер этническом (по Л. Гумилеву), уровнях. Так, они разделяют народы на *кавказские* – «Мы» и *некавказские* – «Они». *Отождествляя* себя с сообществом «Мы», они в то же время *отличают* себя друг от друга. Такое двухуровневое самосознание (этническое и суперэтническое) позволяет говорить не только о существовании отдельной этнической общности в лице каждого из них, но и единой кавказской общности народов и их общей идентичности [19].

От культурной гомогенности к гетерогенности

Несмотря на все испытания и деформации, которым подвергалась кавказская культура в течение последних столетий, она не перестала быть *субъектом* социокультурной жизни региона. Но сегодня кавказская культура – не единственная в регионе; наряду с ней здесь представлены и другие типы культур – русская (преимущественно на Северном Кавказе), западная, восточная и др. Достаточно заметную роль в культурной жизни Кавказа играют также различные конфессии: мусульманская (суннитская и шиитская), христианская (православная) и др.

Кавказ перестал быть территорией *гомогенной культурной* реальности. Современная культурная реальность региона *разнородна, разнотипна, гетерогенна*. Элементы различных по смыслу и происхождению культур переплелись друг с другом, но единой культурной целостности и идентичности не сформировали. Можно говорить лишь о процессе создания новой культурной генерации. Все это делает культурную жизнь в регионе напряженной и нестабильной.

При всей неоднозначности современных процессов на Кавказе некоторые тенденции в их течении все же просматриваются. Это, прежде всего, *взаимпроникновение* (культурная диффузия), *взаимное структурное разрушение* (культурная аннигиляция), *мирное сосуществование* (культурный параллелизм или плюрализм), *межкультурное взаимовлияние* или *полемика* (диалог), *межкультурное противостояние* (конфликт) и др. Все эти процессы характерны как раз для гетерогенной культурной среды.

Важно не смешивать этнокультурное разнообразие кавказского сообщества с той ситуацией, которая сложилась на Кавказе в последнее время. Этнокультурное разнообразие, как уже отмечалось, – это исторически сложившаяся реальность, которая функционировала в рамках *единой матрицы* (системы). В условиях горных и предгорных территорий Кавказа разнообразие было *формой проявления* и *способом существования* данной культурной системы. Но, по существу, система была гомогенной, так как имела единое смысловое начало (архетип). Этнические общности на Кавказе несли в себе одну и ту же смысловую нагрузку:

мировоззрение, систему ценностей и др. Поэтому, несмотря на языковое и другие различия, они легко понимали друг друга.

В конце XIX – начале XX в. здесь резко изменилась не только геополитическая, но и культурная ситуация. Духовная жизнь лишилась своей внутренней цельности, гомогенности и стабильности; она стала неустойчивой, амбивалентной, гетерогенной. Кавказ перестал быть территорией монокультурной реальности и стал поликультурным регионом.

В условиях поликультурности, взаимного недоверия различных социальных слоев и групп, особенно этнических, и нарастающей динамики межкультурной конкуренции возникает острая потребность в самоидентификации. Удовлетворение этой потребности у одной части населения отрицательно резонирует у другой, что нередко вызывает рост социальной напряженности в обществе; оживают прежние обиды и подпитывают эту напряженность.

Однако было бы неверным объяснять эти социокультурные процессы лишь унаследованным историческим прошлым. Культурная гетерогенизация региона – продукт также напряженного взаимодействия, соперничества типологически различных культурно-цивилизационных образований. Именно на Кавказе сегодня, как уже отмечалось выше, проходит линия противоборства между западной техногенной и восточной цивилизациями, между европейско-христианской, русской (православной), тюркской (исламской) культурными системами. Каждая из них, естественно, преследует свои интересы и пытается установить свою гегемонию, стать доминирующей в регионе. При этом интересы собственно кавказской культуры, интересы народов сообщества учитываются меньше всего. Но как раз через эти народы каждая из соперничающих культур стремится достичь своей цели – внедрить свою модель социального жизнеустройства и технологию жизнеобеспечения, и расширить тем самым свое жизненное пространство.

Активизировавшийся сегодня интерес различных мировых игроков к Кавказу можно рассматривать как сложный и малопредсказуемый процесс втягивания региона в водоворот мировых событий. Среди них – глобализация. Постсовременный мир глобализируется, становится более целостным, а структуры, его составляющие, – более связанными. В этих условиях Кавказ утрачивает статус замкнутой культурной генерации; границы его разрушаются и он становится более *открытым, многомерным, многовекторным*. В этих условиях идет сложный и мучительный процесс формирования новой культурной генерации. Какова будет ее новая социокультурная идентичность – пока судить трудно. Вероятнее всего, происходящие сегодня на Кавказе социокультурные процессы приведут к образованию региональной формы культурно-цивилизационной матрицы более общего характера, которая все же будет самоидентифицироваться как *кавказская*.

§ 4. Абхазия в геополитическом дискурсе

Ключевые понятия: Абхазия, геополитика, ресурсы, интересы, взаимодействие

«Линия разлома»

Происходящие сегодня в мире и на Кавказе культурно-цивилизационные, в том числе и геополитические, процессы весьма остро и болезненно протекают в Абхазии. Более того, Абхазия оказалась одним из эпицентров, где непосредственно проходит «линия разлома» (С. Хантингтон), где противостояние между внешними геополитическими силами достигло наибольшего напряжения.

Из этого отнюдь не следует, будто конфликт во взаимоотношениях между Абхазией и Грузией привнесен внешними силами, как это преподносится грузинской стороной. Но об этом попозже. Здесь же следует отметить геостратегическую важность Абхазии с точки зрения интересов тех внешних сил, которые сегодня ведут конкурентную борьбу за овладение регионом.

Выше уже говорилось о значимости Кавказа на евразийской территории. В геополитической структуре самого же Кавказа Абхазия занимает одно из ключевых мест: она была и остается своеобразными морскими воротами на юго-западном секторе Большого Кавказа. Если при этом учитывать значимость рек, морей и океанов в возникновении и развитии цивилизаций, поддержании ими контактов с внешним миром, то становится понятной та важная роль, которую играла Абхазия в культурно – исторической жизни Кавказа. Именно через «абхазские ворота» осуществлялась взаимосвязь региона с цивилизациями Ближнего Востока и Средиземноморского бассейна. Через эти ворота культурно-цивилизационные потоки двигались с Юга на Север и наоборот. Благодаря таким связям и контактам с внешним миром культурно-историческая жизнь Абхазии наполнялась качественно новым содержанием.

В то же время это преимущество – выгодное географическое положение – делало территорию Абхазии зоной повышенной опасности. Сюда приплывали не только для обмена культурными ценностями. Внимание внешнего мира привлекало и геостратегическое положение Абхазии, и ее геобиоресурсный потенциал. Если Кавказ выделяется в евразийском пространстве, прежде всего, биологическим разнообразием, то это разнообразие на территории Абхазии достигает высокой степени концентрации. Абхазия является одним из трех (наряду с Аджарией и Ленкоранью) субтропических уголков Южного Кавказа. Поэтому здесь пространство чрезвычайно уплотнено богатством растительного и животного разнообразия, что способствовало превращению Абхазии в сырьевой источник. Еще в древности отсюда вывозились такие ценные породы древесины, как красное дерево, самшит, дуб, каштан и др.

Интерес к Абхазии со стороны динамично развивавшихся соседних стран и цивилизаций постоянно возрастал, что часто вызывало конкурентную борьбу за господство над нею. В Новое время такая борьба велась, в частности, между Российской и Султанской империями. Основной мотив этой борьбы – геополитические интересы и ресурсы. Противостоять таким странам Абхазии в одиночку было не под силу. Поэтому приходилось ориентироваться на внешнюю силу, которая могла бы гарантировать безопасность. В условиях отсутствия политического единства иного пути выживания, кроме как стать частью крупной метрополии, у народов регионального сообщества не было.

Именно в таком статусе, в статусе российского региона, воспринимался в последние столетия Кавказ, в том числе и Абхазия, внешним миром, но скрытая борьба за этот

регион никогда не прекращалась. Не раз эта борьба принимала открытый военный характер, особенно тогда, когда Российская империя переживала большие социально-политические потрясения и ослабевала. Так было и в начале XX в., когда борьба между ведущими странами мира за Кавказ вспыхнула вновь. Тогда России (советской власти) удалось отстоять свои интересы на Кавказе.

В конце XX столетия ситуация вновь повторилась, но и по сей день неясно: удастся ли России и на этот раз отстоять свое право на Кавказ? Хотя после трагических августовских событий 2008 г. уже можно говорить об усилении российского влияния на Кавказе.

Абхазия и Россия: взаимные интересы

Государственные интересы Абхазии и России во многом совпадают. С распадом СССР и образованием на его бывшей территории новых суверенных государств, в частности, Грузии и Украины, Россия лишилась своего бывшего положения в Черноморской акватории, сохранив за собой лишь узкую полосу от Анапы до Адлера. Усугубляют положение российско-грузинские межгосударственные взаимоотношения, которые трудно назвать дружественными.

В этих условиях России весьма выгодно поддерживать укрепление государственного суверенитета Абхазии, которая продолжает придерживаться традиционной для нее пророссийской ориентации. Разумеется, России было бы выгоднее держать ориентированную на нее Абхазию в составе Грузии с тем, чтобы удерживать Грузию (через Абхазию) в сфере своего геополитического влияния. Но сегодня это нереально.

В новых условиях поддержка Абхазии позволяет России:

во-первых, иметь важную геополитическую опору на Южном Кавказе, где присутствие России не бесспорно. Поддерживая суверенитет Абхазии, Россия могла бы усиливать свою позицию и на Северо-Западном Кавказе;

во-вторых, пользоваться большим и важным в геостратегическом плане коммуникационным потенциалом Абхазии, прежде всего абхазской морской и воздушной акваториями;

в-третьих, удовлетворять свои потребности в развитии рекреационной индустрии на Черноморском побережье;

в-четвертых, расширять свое торгово-экономическое и культурно-цивилизационное пространство, которое значительно сузилось после распада СССР.

В свою очередь Абхазия также обладает базовыми интересами, удовлетворить которые она может благодаря России. Среди них, прежде всего, следует выделить проблему обеспечения безопасности. Очевидно, что только Россия может выступать надежным гарантом безопасности Абхазии.

Кроме того, Россия для Абхазии – это:

– выход во внешний мир;

– важный фактор стабильного социально-экономического и культурного развития;

– сохранение связи с этнической диаспорой в России и народами северокавказского сообщества;

– возможность обмена товарами и услугами;

– сохранение своей культурно-цивилизационной идентичности.

Теперь, после признания Россией Абхазии и заключения между ними широкомасштабного договора, возникла реальная возможность ускорения выхода республики из послевоенной разрухи и форсирования процессов ее социально-экономического развития. В этом, а также в стабильности региона в целом интересы Абхазии и России совпадают.

Послевоенные годы показывают, что при благоприятных условиях Абхазия может выступать субъектом международных правовых отношений и поддерживать на государ-

ственном уровне взаимовыгодные партнерские связи с внешним миром. Для этого Абхазия и Россия располагают большими резервами, которые не исчерпываются вышеперечисленными (российскими и абхазскими) интересами. В какой мере эти резервы будут реализовываться, зависит от того, как будет развиваться политическая ситуация вокруг Абхазии, как будет меняться геополитическое положение России в мире и регионе. Но даже при неблагоприятных условиях, в которых нам приходится жить сегодня, следует искать и находить формы и способы сотрудничества с широким внешним миром, не дожидаясь наступления лучших времен.

Абхазия в условиях расширяющегося Запада

Как отмечалось выше, Абхазия сегодня заинтересована в сохранении и расширении взаимовыгодных отношений с Россией. Но как будут развиваться эти отношения – мало зависит от Абхазии. Более того, далеко не все зависит в этих отношениях и от России. Здесь важно, как будет меняться ситуация в мире, в первую очередь, на Западе, в самой России, на Ближнем Востоке, в других близлежащих к нам регионах, а также от того, в сфере чьих глобальных интересов окажется ресурсный и коммуникационный потенциал Кавказа.

Одна из линий соприкосновения (противостояния) между Россией и Западом переместилась и проходит сегодня по территории Абхазии. Но именно здесь, повторяю, это противостояние достигло наибольшего напряжения. Однако эта линия непостоянна и может измениться. Если она изменится в пользу России, то Грузия, скорее всего, переориентируется на Россию. Однако это не будет означать, как можно было думать еще недавно, автоматического возвращения Абхазии в состав Грузии. Вероятнее ожидать определенную рекомбинацию государств Южного Кавказа. В этом случае нельзя исключать возможность заключения договора о мире и сотрудничестве между Абхазией и Грузией.

Но если эта линия будет меняться в пользу Запада и российское влияние на Кавказе, особенно в его южном секторе, ослабнет, безопасность Абхазии вновь окажется под серьезной угрозой. Вероятность развития событий по такому сценарию осознается в нашем обществе, но это осознание не доводится до моделирования такой политической конфигурации стран Кавказа, при которой Абхазия также могла бы быть защищена и сохранена. Хотим мы того или нет, но нам придется думать и об иной геополитической ситуации на Кавказе и искать в ней свое место.

При наихудшем варианте развития событий Россия окончательно вытесняется с Южного Кавказа, в том числе из Абхазии. Западом сразу же начнут реализовываться конкретные проекты, направленные на использование геостратегического положения Абхазии и ее ресурсного потенциала. Очевидно, решить такие задачи возможно посредством определенного политического инструментария. Но именно здесь, в этом ключевом вопросе, интересы Абхазии и ведущих стран Запада (США, Великобритании, Франции, Германии и др.) диаметрально расходятся.

Свое политическое будущее Абхазия видит только в форме суверенного государства, а вышеназванные страны – пока в форме прежней автономии в составе Грузии. В этих условиях чрезвычайно важна не столько демонстрация политической воли ведущих игроков Запада на возвращение Абхазии в состав Грузии, сколько создание эффективной системы управления территорией и контроля над ее ресурсами. Это под силу только суверенному государству – самой Абхазии. *Функционирование такой системы государственно-сти может быть наиболее весомым аргументом в отстаивании своей позиции* перед внешним миром.

Для этого следует форсировать овладение инновационной технологией жизнеобеспечения. Сделать это будет непросто, особенно в таких сферах, как общение, социальные

услуги, образование, наука, здравоохранение, право и т. д. И хотя ценности и стандарты западного образа жизни не чужды абхазской культуре, им еще предстоит стать ее органичными элементами.

Предстоящие изменения приведут к трансформации социокультурной матрицы абхазов: приобретая новое, не потерять себя, не утратить своей культурной идентичности. Функционирование нашей национальной культуры в условиях доминирования западной модели социального развития – это особая тема, о которой речь пойдет ниже.

Турция на абхазском побережье

Появление Турции на Черноморском побережье бывшего Советского Союза, в том числе и Абхазии, хорошо заметно. Оно вызвано не только распадом СССР и появлением суверенной Абхазии. В последнее время Турция как динамично развивающаяся страна нуждается в расширении экономического и торгового пространства. Кавказ для амбициозных проектов Турции – весьма удобный и выгодный источник сырья и рынок сбыта продукции. Именно в эту сферу, в сферу бизнеса, Турция внедряется весьма эффективно. По существу, она заполняет тот вакуум, который образовался здесь в постсоветское время. Конечно, абхазская территория рассматривается Турцией, в первую очередь, как важная трасса перемещения товаров и услуг. Но через эту территорию Турция может не только продвигать свои товары, свой бизнес, но и укреплять свое присутствие в регионе.

В свою очередь и Абхазия весьма заинтересована в налаживании и расширении торгово-экономических отношений с Турцией. Негосударственный сектор турецкого бизнеса играл ключевую роль в выживании Абхазии в условиях войны, блокады, непризнанности нашего государства и, как следствие, правового ограничения внешних связей.

Наряду с Россией, Турция – еще один коридор, по которому Абхазия может выходить во внешний мир. Ценность добрососедских отношений с Турцией важна и потому, что в ней сосредоточено наибольшее число представителей кавказской, в том числе и абхазской, диаспоры. Без налаживания и развития связи со своей диаспорой, проживающей в Турции, нам трудно рассчитывать на успех в осуществлении национальной стратегии – не только восстановиться, но и получить новый импульс в развитии, стать самостоятельным и признанным субъектом международного права.

Абхазия и Грузия: врозь на одном пространстве

Абхазо-грузинское взаимоотношение – это тема, которая в силу своей значимости требует специального анализа. Такой анализ будет проведен ниже. Здесь же ограничимся рассмотрением геополитического аспекта этого взаимоотношения.

Нет необходимости доказывать тезис о том, что Абхазия и Грузия принадлежат одному и тому же социокультурному, в том числе и геополитическому, пространству. В самом деле, абхазы и грузины как кавказские народы по своей культурно-исторической характеристике, по своему менталитету и ментальности гораздо ближе друг к другу, чем к другим народам, кроме абазин и адыгов. Тысячелетиями они жили бок о бок, непосредственно соприкасаясь и общаясь друг с другом. За это время они немало переняли друг у друга, немало приобрели того, что роднит их друг с другом. Поэтому естественно было ожидать, что они станут поддерживать добрососедские отношения и дальше, с тем чтобы эффективнее решать проблемы безопасности и развития.

Однако этого не произошло. Еще в XIX в., во время русско-кавказской войны, Абхазия и Грузия оказались по разные стороны. Если Абхазия вместе с другими народами северокав-

казского сообщества противостояла российской военной экспансии на Кавказе, то Грузия, как известно, поддерживала эту экспансию.

Что же побудило Грузию к таким действиям? Если попытаться разобраться в сути этих действий и понять их смысл, то, видимо, это *коллективный* (этнический) страх перед внешней угрозой, который осознавала, прежде всего, элита грузинского общества. Раньше такой страх (ощущение незащищенности) Грузия испытывала перед Ираном, Турцией и другими странами, что вынудило ее искать и добиваться покровительства у России. Но и в составе России Грузия не чувствовала себя защищенной. Поэтому, как только Россия начинала утрачивать свое влияние в регионе, Грузия искала себе нового покровителя.

Чувство коллективного страха, как известно, присуще любой социальной общности, в том числе и абхазскому народу, который никогда не представлял Грузию в качестве гаранта своей безопасности. Напротив, в последние столетия абхазы рассматривали Грузию как источник угрозы своей национальной безопасности. Поэтому абхазам также приходилось искать гаранта своего безопасного существования, и находили они его в лице не Грузии, а России. Когда же влияние России на Кавказе в конце XX в. ослабло, образовавшийся вакуум стали быстро заполнять страны Запада, прежде всего США. Грузия тут же переориентировалась на США, а Абхазия по-прежнему сохраняла пророссийскую ориентацию. Тем самым пути развития Абхазии и Грузии еще больше разошлись.

Однако Грузии нужна абхазская территория. Через превращение Абхазии в свою провинцию Грузия пытается решить важную для себя двуединую задачу: защитить себя от внешней (российской) угрозы и устранить ресурсный дефицит, который она давно испытывает. Но, в отличие от других, она претендует на эту территорию как на *свою*. И это понятно – силой Грузия не способна отвоевать Абхазию.

В геополитическом плане Абхазия рассматривается Грузией как весьма важный коридор во внешний мир (в основном северо-западного направления). На этот же коридор претендует и Россия. Поэтому Грузия считает важным для себя контролировать этот коридор и владеть ресурсным потенциалом Абхазии.

Однако Абхазия в таком геополитическом контексте не имеет аналогичных интересов. Решаемые сегодня Абхазией задачи не предполагают использования территории Грузии. Они могут быть решены в поле взаимовыгодных отношений, в первую очередь с Россией, Турцией и странами Запада.

Это не значит, что у Абхазии и Грузии вообще нет интересов, которые бы не пересекались. Такие интересы у них, несомненно, имеются. Как раз на их базе и можно искать пути и формы разрешения межгосударственного конфликта. О них речь пойдет ниже.

Примечания

1. *Хабермас Ю.* Спор о прошлом и будущем международного права. Переход от национального к постнациональному контексту // *Вопросы философии.* 2004. № 3. С. 12–18.
2. Заключительный акт Сопещения по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 августа 1975 г. Статья IV: Территориальная целостность государств // *Международное право в документах.* М., 2000. С. 27.
3. В связи с этим профессор Гарвардского университета (США) С. Хантингтон отмечает: «Модернизация, напротив, усиливает эти культуры и сокращает относительное влияние Запада. На фундаментальном уровне мир становится более современным и менее западным» (*Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2005. С. 112).
4. Там же.
5. *Пригожий И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 1986; *Моисеев Н.Н.* Судьба цивилизации. Путь разума. М., 2000.
6. *Дилигенский Г.Г.* «Конец истории» или смена цивилизации? // *Вопросы философии.* 1991. № 3. С. 29.
7. Там же. С. 30.
8. *Кулиев Г.* Геополитические коллизии Кавказа // *Центральная Азия и Кавказ.* 1999. № 4. С. 23–29.
9. *Темботов А. К.* Как сохранить биоразнообразие горного Кавказа // *Вестник РАН.* 1998. Т. 68 (№ 8). С. 741–745.
10. *Темботов А.К., Темботова Ф.А., Тхагансоев Х.Г.* Концептуальная модель интеграции фундаментальной науки и образования по горной экологии // *Биологическое разнообразие Кавказа. Труды 1-й региональной конференции.* Сухум, 2000. С. 14–25.
11. Культурное своеобразие может быть выражено через поведенческую модель человека. Рассмотрение этой модели здесь увело бы нас в сторону от предмета анализа.
12. *Тишков В.А.* Реквием по этносу. М., 2003.
13. Разумеется, были и такие низшие слои, представители которых не привлекались к важным общественным делам. Речь идет о тех, кто имел право на ношение оружия и обеспечивал безопасность общества от возможных угроз. Они пользовались определенными привилегиями и занимали в обществе примерно такое же положение, какое занимали граждане древнегреческого полиса.
14. В связи с этим уместно вспомнить слова английского разведчика Дж. Ст. Белла, побывавшего на Кавказе в первой половине XIX столетия: «Что же должно быть показателем совершенства системы общественного устройства? – безопасность граждан, степень их благополучия, не так ли? На Кавказе такие порядки, системы управления, какие не встретишь нигде в мире. Население не обременено налогами, у них нет регулярной армии, ни судей, ни прокуроров, ни заключенных. Полиция и тюрьмы тоже отсутствуют. Образ жизни этих людей в общественных местах безупречен, они сами определяют границы своей свободы» (*Белл Дж. Ст.* Письма о пребывании в Черкесии в 1837, 1838 и 1839 гг. Лондон. Письмо XXXI // *Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе.* Ирвайн (США), 1999. С. 74.
15. Подтверждением такой сращенности горного этноса со своей родной землей могут служить многочисленные факты. Так, например, во время и после русско-кавказской войны при насильственном выселении горцев последние брали с собой вместе с уносимым скарбом горсть родной земли, которую сыпали в могилу при захоронении усопшего на новом месте поселения. Или другой пример. У горцев еще сегодня соблюдается обычай захоронения умершего на земле предков, где бы он ни жил в последние годы. Вечный покой здесь мыс-

лится только на родной земле. Этот обычай сохранился и у грузин: проживавшие в Абхазии грузины везли своих покойников на захоронение, как правило, на территорию собственно Грузии. Это является косвенным показателем того, что многие грузины не считают территорию Абхазии своей родной землей.

16. Впрочем, такой социальный опыт не представляет сугубо кавказское явление, он характерен для всех горных цивилизаций.

17. *Тигансоев Х.Г.* О кавказской культурной общности // Вестник РАН. 1999. Т. 69. С. 130–134; *Шадже А.Ю.* Феномен кавказской идентичности // Научная мысль Кавказа. 2002. № 1. С. 36–45.

18. *Дамениа О.Н.* Конфликты на Кавказе: проблемы и перспективы их урегулирования // Кавказ, ЕС и Россия: проблемы стабильности. М., 2004. С. 62.

19. Кстати, осознание кавказской идентичности лучше, чем на самом Кавказе, сохранилось в самосознании кавказской диаспоры в странах Ближнего Востока.

Глава II

Абхазия в конфликтном пространстве

§ 1. Из предыстории войны

Ключевые понятия: Абхазия, Грузия, Россия, политика, идеология, безопасность, интересы, конфликт, трансформация.

Вначале было слово

Слово о том, что «*Абхазия есть часть Грузии*». Надобность в такой мифологеме, ставшей доминантной в структуре самосознания грузин, возникла в грузинском обществе, особенно среди элиты, еще во второй половине XIX столетия в связи со сложившейся тогда геополитической ситуацией в регионе. В то время, как известно, завершилась одна из самых продолжительных в истории человечества войн – русско-кавказская. Последствия этой войны оказались катастрофическими для многих народов Кавказа, в том числе абхазского. Территория Абхазии, особенно ее прибрежная часть, почти опустела [1].

После решения задачи покорения Кавказа перед Российской империей встала новая задача – освоить его территорию, в том числе и Абхазию, занимавшую важное стратегическое положение. Попытки метрополии заселить опустевшую территорию своими подданными – этническими русскими (казаками) – успеха не возымели из-за неприспособленности последних к горно-климатическим условиям Абхазии.

Грузия не преминула воспользоваться такой ситуацией. Пользуясь лояльностью к ней Российской империи за поддержку военной политики на Кавказе, она решила участвовать в демографическом освоении абхазской территории. Одним из наиболее актуальных вопросов, обсуждавшихся в то время в грузинском обществе, был вопрос о том, кем заселить Абхазию [2]. Ответ не заставил себя долго ждать: вскоре началось массовое переселение грузин, главным образом мегрелов, резко изменивших этнодемографическую ситуацию в Абхазии [3].

Этнонациональный смысл мифологемы «*Абхазия есть часть Грузии*» достаточно очевиден. Хотя Грузия активно поддерживала российскую политику на Кавказе, ее не переставало серьезно беспокоить стремительное продвижение России на Южный Кавказ.

Чтобы спасти себя от частых и разорительных нашествий со стороны Султанской Турции, Сасанидского Ирана и северокавказских (дагестанских) народов, Грузия долго и настойчиво добивалась российского покровительства. Однако институт российского патронажа, которого она, в конце концов, добилась, не избавил ее от коллективного (этнического) страха перед новой угрозой, ассоциировавшейся в грузинском обществе теперь уже с самой Россией. Российская угроза виделась грузинскому обществу не столько в военно-политической, сколько в культурной мощи метрополии, перед которой Грузия ощущала себя весьма уязвимой.

Амбивалентность характера российско-грузинских взаимоотношений явилась основой формирования оппозиции «Грузия – Россия», которая часто давала о себе знать, особенно в переломные моменты российской истории. Именно в контексте этой оппозиции и родилась мифологема: «*Абхазия – часть Грузии*», которой грузинские власти и по сей день традиционно пользуются в качестве идеологического щита.

Для Грузии эта мифологема имела и геополитический, и гео-ресурсный подтекст. Кавказ, как известно, труднопроходимая естественная крепость на важном участке евразийской территории. Здесь имеются лишь три коммуникационные артерии, соединяющие Север и Юг, Запад и Восток. Одна из них, и, пожалуй, наиболее удобная, проходит через Абхазию. Именно через нее поддерживались активные контакты между Россией, Грузией, Арменией, Турцией и другими странами. К тому же Абхазия как субтропический регион богата природным потенциалом. Поэтому каждая из заинтересованных стран стремилась закрепиться на ее территории.

Определив место Абхазии в своей национальной стратегии, Грузия не только не достигла преследовавшейся при этом цели, но и создала себе новые проблемы. Главная из них – это проблема самой Абхазии, которая из разряда дружественной страны была переведена во враждебную.

На протяжении многих веков Абхазия была лояльна к Грузии, поддерживала с ней добрососедские отношения и играла позитивную роль в ее истории. Да и Грузия не отличалась враждебностью к Абхазии и не вынашивала по отношению к ней каких-то эгоистических планов. Свидетельством таких взаимоотношений является, в частности, положительный образ друг друга, который до недавнего времени (до XX в.) присутствовал в сознании абхазов и грузин. Очевидно, что и Абхазии, и Грузии выгоднее было бы придерживаться исторически сложившейся традиции добрососедства и не враждовать.

Однако история, как известно, не терпит сослагательного наклонения и не всегда следует логике здравого смысла. Мыслящей элите грузинского общества до сих пор так и не удалось понять и убедительно объяснить остальным, почему Абхазия стала враждебной Грузии? Вместо скрупулезного анализа истории и извлечения из нее надлежащих уроков, как того требовалось, элита растрачивала свой интеллектуальный потенциал на разного рода измышления типа: «*Абхазия – часть Грузии*», «*абхазы – агенты Кремля*» и т. и., которые по существу ничего не объясняют и служат лишь идеологическим штампом, рассчитанным на потребу массового сознания. Превращаясь в доминантный элемент массового сознания, эти мифологемы стали труднопреодолимым барьером на пути постижения грузинским общественным сознанием истинного феномена Абхазии.

Продолжение начала

Можно сказать, что «Слово» («*Абхазия есть часть Грузии*») явилось поворотным пунктом в абхазо-грузинских взаимоотношениях. Оно возымело действие не только в форме массового переселения грузин в Абхазию. Само переселение, как таковое, было частью грузинской политики в Абхазии, политики, цель и задачи которой всегда хорошо просматривались, особенно в переломные моменты истории. Одним из таких моментов стал распад Российской империи в начале прошлого столетия и, вслед за этим, движение за создание своей государственности входившими в ее состав народами. У народов Кавказа этот процесс характеризовался особенной динамичностью и остротой, особенно у абхазов и грузин. Причем это движение в Абхазии началось даже раньше, чем в Грузии [4].

Формировавшиеся государства (Абхазия и Грузия) были независимыми и равноправными партнерами с «добрососедскими отношениями» [5]. Однако вскоре (июнь 1918 г.) Грузия совершает военную оккупацию Абхазии с целью ее аннексирования. Война, которая длилась почти три года, была проиграна Грузией. За это время на территории бывшей империи многое изменилось: Россия стала советской, и по всей стране шло «триумфальное шествие советской власти» (В.И. Ленин).

Учитывая новую политическую ситуацию, Абхазия, изгнав оккупационные войска со своей территории, в марте 1921 г. провозгласила себя независимой республикой (Советская

Социалистическая Республика Абхазия; далее – ССР Абхазия). Но уже в конце того же года, под давлением только что сформировавшегося советского союзного центра, Абхазии пришлось заключить с Грузией союзнический договор. По этому договору Абхазия сохраняла равносубъектность в государственно-правовых отношениях, в том числе и в отношениях с Грузией. Однако спустя 10 лет договор был административным путем денонсирован. В 1931 г. ССР Абхазия была преобразована в АССР и включена в состав Грузинской ССР. Изменение административно-территориального статуса превратило Абхазию в объект грузинской политики.

Суть этой политики состояла в «огрузинивании» Абхазии, подтверждением чему могут служить не только две войны (1918–1921 и 1992–1993 гг.), развязанные Грузией против Абхазии, но и те мероприятия, которые проводились грузинскими правящими кругами на протяжении всего советского времени. Это, прежде всего, политические репрессии 30–40-х годов, закрытие абхазских школ и введение обучения на грузинском языке, перевод абхазской письменности на грузинскую графическую основу, организованное переселение грузин в Абхазию, замена абхазских топонимов грузинскими, создание различных квазиисторических «учений» и «теорий», призванных обосновать различные идеи о том, что «*Абхазия – часть Грузии*», «*абхазы – одно из картвельских племен*», «*абхазский язык – диалект грузинского языка*» и т. д. и т. и. [6]

Политика, проводившаяся грузинскими властями в Абхазии, постоянно подпитывала рост протестных настроений в абхазском обществе. Неоднократно (1931, 1956, 1965, 1967, 1978, 1989 гг.) проводились многотысячные митинги абхазского народа с требованием выхода Абхазии из состава Грузинской ССР и присоединения к России. Если нарастающее абхазо-грузинское противостояние и не доходило до столкновений, то только благодаря союзному государству – Центру, являвшемуся для грузинских властей сдерживающим фактором. Но как только государственные устои СССР стали расшатываться, Грузия тут же прибегла к силовым действиям в отношении Абхазии, закончившимся в июле 1989 г. массовым вооруженным столкновением. Прекращение существования Союза ССР и вовсе развязало руки Грузии, которая начала действовать в Абхазии по своему политическому сценарию.

Один из уроков, который можно извлечь из опыта абхазо-грузинских взаимоотношений прошлого столетия, состоит в том, что независимая Грузия – это угроза безопасности Абхазии. Такой вывод лишней раз подтверждают развернувшиеся в начале 90-х годов и в августе 2008 г. трагические события на Южном Кавказе.

Прелюдия к новой войне

Масштабные и глубокие социально-политические потрясения, начавшиеся в конце прошлого столетия, явились своеобразным повторением событий его начала, только на более высоком уровне – на новом витке исторической спирали.

Распад Союза означал не что иное, как избавление входивших в него республик от опеки былой советской системы. Освободившиеся от нее республики оказались вне политического и правового поля, что требовало немедленного восполнения этого вакуума. Началось спешное движение бывших советских республик (союзных, автономных и др.) за создание своих национальных (этнических) государственных образований, но уже на постсоветском пространстве.

Чтобы удерживать разбушевавшуюся стихию «суверенизации» хотя бы в каких-то правовых рамках и не дать ситуации выйти из-под контроля, международное сообщество предпринимало экстренные меры. Пытаясь не отставать от стремительно развивавшихся событий, оно сразу же признало 15 бывших союзных республик, в том числе и Грузию, в качестве суверенных государств. Но на этом движение других советских (автономных) республик за

свою независимость не прекратилось. Однако ни международное сообщество, ни сами государства, в которых шло это движение, не могли предложить какой-либо новой формы самоопределения, кроме пресловутой модели советской автономии.

Ситуация усугублялась не только «двойным стандартом», которым руководствовалось международное сообщество, но и остротой и многообразием противоречий, вскрывшихся во взаимоотношениях бывших советских народов. В отсутствие правовой базы инструментом разрешения противоречий, как правило, становятся силовые действия. Именно по такому сценарию стали развиваться события на рубеже 80—90-х годов прошлого века, в том числе и в Грузии.

Образование независимой Грузии происходило на этнической основе как идеологической доминанте. Правовым выражением этой доминанты явилось движение от фактического федерализма к унитаризму, к созданию моноэтничного грузинского государства.

Еще в составе СССР высшим руководством Грузии были предприняты действия, направленные на ликвидацию автономных образований в составе Грузинской ССР. Так, в конце 80-х годов Парламент Грузии в одностороннем порядке принимает решения, которые игнорировали политико-правовые основы взаимоотношений Абхазии и Грузии и по существу вели к упразднению абхазской автономии. Ответной реакцией явились действия Абхазии и Южной Осетии по укреплению своей государственности и обеспечению безопасности. Именно такие цели преследовал Верховный Совет Абхазской АССР, принявший 25 августа 1990 г. Декларацию о государственном суверенитете Абхазии.

После прекращения существования СССР политические действия Грузии по укреплению унитаризма еще более усилились. В начале 1992 г. Военный совет Грузии, пришедший к власти путем вооруженного переворота, отменил действовавшую тогда Конституцию Грузинской ССР 1978 г. и восстановил Конституцию Демократической Республики Грузия 1921 г., в которой Абхазская АССР как субъект государственно-правовых отношений не предусматривалась. Грузинская ССР прекратила свое существование. Новое самопровозглашенное грузинское государство в одностороннем порядке прервало правовые взаимоотношения с Абхазией, лишив ее тем самым государственно-правовой определенности. Конституция Абхазской АССР 1978 г., в связи с отменой Конституций СССР и Грузинской ССР, также утратила свою юридическую силу.

Чтобы разрешить правовую неопределенность, Верховный Совет Абхазской АССР 23 июля 1992 г. восстановил действие Конституции Абхазии 1925 г. и предложил Грузии вступить в переговоры по вопросу о восстановлении государственно-правовых взаимоотношений. Другого пути мирного решения возникших в правовом поле проблем в тех условиях просто не было.

Однако власти Грузии думали иначе; они предпочли силовой вариант решения абхазской проблемы [7]. Впрочем, так думали не только власти Грузии.

§ 2. Военная стадия конфликта и ее политические последствия

Ключевые понятия: Абхазия, Грузия, конфликт, война, последствие

Прерванное слово

В тот день (14 августа 1992 г.), когда на обсуждение сессии абхазского Парламента был вынесен проект федеративного договора с Грузией, грузинские войска вероломно вторглись в Абхазию и оккупировали значительную и стратегически важную часть ее территории. Правда, вторгшиеся в Абхазию вооруженные силы трудно было назвать войсками в обычном смысле слова. Тогда Грузия еще не располагала сколько-нибудь обученной и подготовленной регулярной армией – ее функции выполняли вооруженные формирования, самочинно созданные в то время различными партиями, политическими движениями. Состояли они, главным образом, из криминальных группировок и маргинальных элементов. Но к началу войны такие формирования были хорошо вооружены: по Ташкентскому соглашению 1992 г. Грузии было передано большое количество военной техники, вооружения, включая и авиацию [8]. Тем не менее уровень военной подготовки в формированиях был слабый, и говорить о ведении «боевых действий» и «решении» серьезных военно-политических задач не приходилось – боевики могли лишь грабить, насиловать и убивать мирное население, разрушать и сжигать объекты хозяйственного и культурного назначения.

Отдавая себе отчет в низкой боеспособности своей армии, грузинские власти приложили немало усилий, чтобы расколоть абхазское общество по этническому признаку и превратить этнополитическую войну в войну гражданскую – и во многом им удалось это сделать. Разделились не только абхазы и грузины, но и остальная часть населения Абхазии. Следствием этих усилий стало то, что воевали между собой не регулярные войска, а гражданское население Абхазии, мирные люди, которые хорошо знали друг друга, были соседями, близкими родственниками, сослуживцами по работе, приятелями по жизни. Это придало войне особо жестокий характер.

И вновь война

Война не была выбором народа Абхазии – она была навязана. Из своих зловещих планов – уничтожение и истребление всего негрузинского в Абхазии – агрессор не делал никаких секретов и действовал решительно. Опираясь на свое многократное превосходство в живой силе и боевой технике, заручившись поддержкой стран Запада и российского руководства, будучи уверенными в успехе, правящие силы Грузии устроили на виду у международного сообщества настоящий геноцид абхазского народа. В связи с этим достаточно вспомнить телеобращение главнокомандующего грузинскими вооруженными силами в Абхазии Г. Каркарашвили, в котором говорилось: «У нас хватит сил, чтобы наказать весь Северный Кавказ. Отдан приказ, пленных не брать... Если из общей численности погибнет сто тысяч грузин, то из ваших погибнут все девяносто семь тысяч, если будут поддерживать решение Ардзинба. Хочу дать совет Ардзинба – пусть он сделает так, чтобы абхазская нация не осталась без потомков...» [9]. Позже президент Грузии Э.А. Шеварднадзе назвал Каркарашвили «сдержанным молодым человеком с рыцарским мышлением» (!) и назначил его министром обороны Грузии [10].

Или другой пример. Бывший государственный министр Грузии по Абхазии Г. Хайндрава в интервью, данном в оккупированном Сухуме и опубликованном в апреле 1993 г.,

говорил корреспонденту французской газеты “Le Monde Diplomatique” следующее: «... абхазов всего 80 тысяч, что означает, что мы можем легко и полностью уничтожить генетический фонд их нации путем убийства 15 тысяч их молодежи. И мы вполне способны на это» [и].

Такие высказывания были отнюдь не случайными: они звучали в унисон с общей политической установкой грузинских властей. Оккупировав Абхазию, Шеварднадзе заявил: «Теперь мы можем сказать, что грузинская власть установлена на всей территории республики» [12]. Еще более цинично выглядело обращение Госсовета Грузии к абхазскому народу, в котором, в частности, говорилось: «Дорогие абхазские братья и сестры!.. Лучшего времени для переговоров, достижения согласия, чем нынешнее, давно не было» [13]. Смысл такого «призыва», точнее, грубого вызова, брошенного грузинскими властями абхазскому народу, был предельно прост и ясен – продолжение геноцида абхазского народа.

В этих условиях не оставалось ничего другого, кроме как оказать сопротивление агрессору, ибо отступить было некуда; у народа не было другого ни физического, ни духовного пространства, ни пространства маневра. Аффект отчаяния и безысходности, охвативший народ, предельно мобилизовал его жизненную энергию, накалил и ожесточил внутреннее состояние, привел в движение дремавшие в нем физические и духовные силы, многократно увеличивая силу его боевого духа.

Сопротивление, оказанное абхазским народом агрессору, было его ответом на этот вызов. Несмотря на все перипетии судьбы, деформации общественной жизни, которым подвергался в последние столетия народ, он не только выдержал выпавшее на его долю историческое испытание, но и сохранил свою жизнестойкость. Оказавшись лицом к лицу со смертью – вечным небытием, которое несла ему война, – разве не мог народ не дрогнуть, не встать на колени и не согласиться жить на условиях врага? Но, оказывается, былая нравственная максима еще жива в подсознании народа, потому он не мог согласиться жить *любым* способом, лишь бы жить!

Оценив ситуацию, он предпочел смерть, но «смерть со славой», ибо для него честь превыше всего, даже самой жизни! В каких-то глубинных пластах своего бытия абхазский народ сохранил себя, свою духовность, что, в конечном итоге, предопределило успех его действий накануне и во время войны. Именно духовная сила народа, а не физиологический инстинкт самосохранения, сыграла решающую роль в смертельной схватке с врагом, который нес ему смерть и разрушение. Именно высота духа народа помогла ему осознать нависшую над ним угрозу этнической смерти, свою историческую ответственность. Не сомневаясь, вступать ему или нет в бой с агрессором, не имея ни вооружения, ни военной структуры, ни оформленной и эффективно действующей системы своей государственности, он принял бой.

Разумеется, призывы руководства Абхазии к сопротивлению были, и они, несомненно, сыграли свою роль, в частности вечером 14 августа 1992 г. Но они были лишь призывами – не более, так как народ уже вступил в бой, уже лилась кровь и велась хроника боевых действий. Мобилизующее начало у народа было, но не оно определяло и решало его действия в условиях войны. Сопrotивляться агрессии, по сути, явилось решением самого народа, действовавшего не столько в силу непреложности приказов и правовых установок «сверху», сколько по своей внутренней нравственной воле. Ведь абхазской государственности как таковой, повторяю, еще не было. Народу приходилось воевать с агрессором и одновременно создавать государственность, и, кстати, еще долго предстоит строить и совершенствовать ее.

Реалии и иллюзии победы

И вновь Грузия проиграла войну. Ценой неисчислимых жертв и разрушений Абхазия одержала победу. Но эта победа явилась для Абхазии началом другого испытания: оказывается, выиграть войну еще не значит удержать победу. Для этого необходимо завоевать и

послевоенный мир! Причем его завоевание требует не меньших, чем победа в войне, усилий, направленных теперь уже не на разрушение, а на созидание, на восстановление разрушенной войною формы социального жизнеустройства.

Но так быстро перестраиваться, как того требовала послевоенная жизнь, оказалось невероятно трудно. Ведь война разрушила не только и не столько объекты жизнеобеспечения, инфраструктуру общества, материальные условия жизни людей, сколько собственно человеческое в человеке. Она разрушила веками создававшиеся в Абхазии культурно-исторические ценности, духовный мир народа, особый склад его души, его социальные нормы поведения, менталитет и ментальность.

Война активно формировала в людях низменные инстинкты, агрессивные чувства, разрушительные навыки, обесценивала жизнеутверждающие ценности, даже саму жизнь, внедряла в нее асоциальное поведение. За короткое время война заставила и научила людей выживать в экстремальных условиях. Люди быстро вошли в состояние войны, но выйти из него оказалось намного труднее. Чтобы обуздать пробужденные обстоятельствами войны стихийные разрушительные силы, нужна была другая сила – конструктивная, волевая, организующая, государственная, дефицит которой в обществе стал серьезной угрозой его безопасности.

Сложность ситуации состоит еще и в том, что полномасштабного урегулирования абхазо-грузинских взаимоотношений пока не найдено. И вряд ли в ближайшее время Грузия откажется от притязаний на Абхазию. Это значит, что вероятность новой военной агрессии против Абхазии сохраняется, а потому стране приходится поддерживать состояние общества, близкое к военному.

Угроза новой войны не позволяет народу Абхазии избавиться от «образа врага», чувства ненависти к нему, необходимости поддерживать военные (разрушительные) навыки с тем, чтобы направить весь свой потенциал на восстановление социокультурных устоев и приобретение новых созидательных навыков.

Важно и другое. Победа в войне создала в абхазском обществе определенную иллюзию, будто оно достигло своей конечной цели – независимости от Грузии. Цель эта вынашивалась давно, но пути и способы ее решения не были осмыслены должным образом, не было концептуального проекта национально-освободительного движения и конечного целеполагания – а для чего нужна сама независимость? Поэтому к адекватной оценке и рационализации обретенной национальной независимости абхазский народ внутренне был не готов. Добившись независимости, он немного растерялся, стал похож на того, кто добивался свободы любой ценой, но, став свободным, не знал, что делать с этой свободой дальше. В сознании народа произошло некоторое смещение фундаментальных ценностей, отождествление победы со смыслообразующими константами национального бытия.

Ложное представление о достижении конечной цели вызвало внутреннее опустошение массового сознания и лишило его разумной устремленности в мирную жизнь. Эйфория победы незаметно стала «мстить», формируя в народе превратное представление о себе как о народе, имеющем якобы какие-то исключительные заслуги. Освободившись от чужого ига, народ попал в ситуацию, в которой может оказаться под гнетом собственного величия [14].

Политические последствия войны

Победа в войне поставила Абхазию в совершенно новое политико-правовое положение, открыв перед ней другие горизонты и исторические перспективы. Уже сам факт развязывания руководством Грузии войны против Абхазии вывел последнюю из-под юрисдикции грузинской государственности и создал реальные условия образования независимой абхазской государственности. Народ Абхазии не упустил своего исторического шанса. Оказав

вооруженное сопротивление агрессору, ценой потерь и не исчислимых разрушений народ изгнал оккупационные силы со своей территории, восстановил деятельность легитимных органов власти. По существу, война явилась для народа Абхазии Отечественной, национально-освободительной, а для народа Грузии – оккупационной, захватнической и колониальной. Это навсегда освободило абхазский народ от необходимости считать себя подданными (гражданами) Грузии и рассматривать ее как гарант своей национальной безопасности. Война лишней раз подтвердила, что грузинское государство было и остается постоянным источником угрозы национальной безопасности Абхазии. С началом вооруженной агрессии Абхазия *de facto* стала суверенной страной: законы, правовые акты и другие распоряжения органов государственной власти Грузии лишились в ней легитимной силы.

Тем не менее отношения между Абхазией и Грузией остаются *«определенно неопределенными»*. При этом война не только не упростила ситуацию во взаимоотношениях сторон, как ожидалось, но, напротив, еще более усугубила и обострила ее. Ни Абхазии, ни Грузии до сих пор так и не удалось достичь той стратегической цели, которую каждая из них преследовала не одно десятилетие. С начала прошлого века Абхазия, как известно, добивалась политической независимости от Грузии, а Грузия, в свою очередь, – минимизации правового статуса, а в перспективе и упразднения абхазской автономии. Стремление Абхазии и Грузии к политической *взаимнезависимости* уже приводило их к войне в 1918–1921 гг. Именно это стремление привело их к новой войне в 1992–1993 гг., но после нее (до признания Абхазии) они оказались в еще большей *взаимозависимости*.

Парадокс ситуации объясняется просто. Абхазия, добившись победы в войне с Грузией, провозгласила себя суверенным государством и стала создавать *de facto* соответствующие структуры легитимной власти, но признание ее *de jure* оставалось в зависимости от политической воли официальной Грузии. Но и Грузия, потерпев поражение в ею же развязанной войне, оказалась в еще большей зависимости от Абхазии: хотя Грузия и признана международным сообществом в границах бывшей Грузинской ССР, но распространить свою юрисдикцию на всю эту территорию она не смогла из-за нежелания Абхазии (а также Южной Осетии) оставаться в ее составе.

Существование Грузии в этих границах означало для Абхазии не что иное, как утрату той исторической перспективы, за которую абхазский народ заплатил столь высокую цену. Но и признание международным сообществом суверенности абхазского государства означало для Грузии потерю важного для нее региона.

§ 3. Поствоенная трансформация конфликта

Ключевые понятия: конфликт, трансформация, безопасность, переговоры, тупик, урегулирование, познание

От культа силы к диалогу

Поскольку ни Абхазии, ни Грузии силой не удалось достичь цели, которую каждая из них преследовала, то им пришлось согласиться с предложением посреднических сторон и сесть за стол переговоров. Но это было сменой тактики противоборства, но не стратегии.

В контексте развития абхазо-грузинских взаимоотношений переговорный процесс, начавшийся сразу же после прекращения боевых действий, – явление этапное. В условиях разрастания боевых действий нейтрализация войны и переход от насильственных методов в решении конфликтных проблем к ненасильственным представляли несомненный успех в политической жизни Абхазии и Грузии, значимость которого трудно переоценить. Именно благодаря этому успеху удалось остановить кровопролитие и дальнейшее истребление противоборствующими сторонами друг друга.

Такой резкий поворот в технологии политических действий обеих сторон весьма существенно изменил характер их взаимоотношений. Никогда раньше сторонам не приходилось вести между собой политического диалога по проблемам, затрагивающим национальные интересы, на высшем уровне. В советское время Абхазия, как известно, по существу была объектом политики.

Грузинский истеблишмент, будучи в плену табели о рангах, унаследованной от советской системы, не мог допустить мысли о том, что Абхазия может выступать равноправным партнером и самостоятельным субъектом государственно-правовых отношений на переговорах по вопросу политического устройства Грузии. Для него (истеблишмента) Абхазия – это часть Грузии, стало быть, отношения между ними должны строиться только по модели части и целого, когда часть подчинена целому и функционирует по законам и нормам этого целого.

Однако поражение в войне, повторяю, заставило грузинскую сторону пойти на такой шаг, что фактически означало допустимость признания равноправности Абхазии. Ведь политический диалог (переговорный процесс) – это не только инструментарий; как таковой он может состояться лишь при условиях соблюдения определенных правовых процедур, в первую очередь признания формального равенства прав его непосредственных участников.

Подспудное признание Абхазии просматривается и в отношении к ней международного сообщества, в частности ООН, под эгидой которой проводился переговорный процесс. Сам факт участия в переговорном процессе Абхазии, не признанной еще *de jure* международным сообществом, есть не что иное, как своеобразное (скрытое) признание ее в качестве субъекта государственно-правовых отношений. Подтверждением могут служить политико-правовые документы, в частности «Декларация о мерах по политическому урегулированию грузино-абхазского конфликта», принятая сторонами 4 апреля 1994 г. в Москве в присутствии Генерального секретаря ООН, министра иностранных дел РФ и других официальных лиц.

В Декларации отмечается *право Абхазии на государство-образование*. Тем самым международное сообщество, пожалуй, впервые признало правосубъектность Абхазии, право ее на самоопределение. Создаст ли Абхазия свое суверенное государство или предпочтет войти в состав другого государства – *это ее право*, право самостоятельного решения вопросов своего государственного устройства.

На основе реальной оценки правового положения Абхазии можно было продолжить поиск возможных путей урегулирования конфликта и обозначить какие-то контуры новой модели абхазо-грузинских взаимоотношений. Однако этого не произошло. Более того, переговоры, как и следовало ожидать, зашли в тупик.

И вновь тупик?!

Переговорный процесс мыслился его участниками как выход из кризиса, в котором пребывали конфликтующие стороны. По сути, война была продолжением кризиса. Но и война на поверку оказалась далеко не лучшим способом разрешения противоречий. По мере разрастания войны становились все более очевидными ее бесперспективность, понимание того, что ненасильственный подход к урегулированию абхазо-грузинских взаимоотношений альтернативы не имеет. Эта простая истина находила все большее понимание у обеих сторон, правда, ценой больших потерь и жертв. Поэтому так много надежд возлагалось на институционализацию абхазо-грузинского диалога, открывавшего реальную возможность ненасильственного урегулирования конфликта и построения взаимоотношений сторон на правовой основе.

Единственный путь, который мог вести к реализации этой возможности, – *диалог*. Но он оказался нелегким испытанием: его участники столкнулись с рядом трудноразрешимых задач. Главная из них – отсутствие *взаимодоверия* и *взаимопонимания* участников диалога, а также конъюнктурный подход международного сообщества к урегулированию конфликта. Участники переговорного процесса продолжали мыслить стереотипами и не хотели адекватного *понимания* природы самого конфликта. Отсюда и проистекало ложное представление об урегулировании конфликта как разовом принятии политического решения «верхами», а потом и «низами». Нетрудно понять бесперспективность такого представления, тем более при взаимоисключающих позициях сторон: Абхазия, как известно, настаивала на создании своего суверенного государства, Грузия же добивалась возвращения Абхазии в лоно своей государственности.

Участники переговорного процесса столкнулись и с другой трудностью – отсутствием правовых механизмов, учитывающих новые реалии. Каждая из противоборствующих сторон обосновывала свою позицию, ссылаясь на нормы международного права: Абхазия – на право народа на самоопределение, Грузия – на принцип территориальной целостности страны. Применение этих правовых норм в практике урегулирования конфликтов приводило к ситуации, когда соблюдение одной из них становилось нарушением другой. Естественно, легитимность в такой ситуации обретает лишь та договоренность, которая принимается всеми конфликтующими сторонами на базе политико-правового *признания равносубъектности сторон*.

Однако за 15 лет (1993–2008 гг.) участникам переговорного процесса так и не удалось выработать, хотя бы в самой общей форме, взаимоприемлемой политической модели урегулирования. Предлагавшиеся международными организациями (план Бодена и др.), а также грузинской стороной проекты были нацелены на реанимацию старой схемы – советской модели, узаконивающей зависимость одного народа от другого и игнорирующей принцип равноправия между ними.

Серьезным препятствием на пути достижения прогресса на переговорах стал также и сам политико-правовой формат, в рамках которого велся абхазо-грузинский диалог. Чрезмерная привязанность этого формата к интересам международной конъюнктуры, а также его узость не позволяли расширить пространство маневрирования, где можно было бы искать и конструировать какие-то другие модели урегулирования. Отсутствие ожидавшегося прогресса на переговорах – прогресса, который мог бы служить хоть каким-то гарантом мира

и безопасности в регионе, – вызывало сомнения в эффективности самого диалога как политического инструментария в урегулировании конфликта.

В поисках выхода из тупика

Образовавшийся на переговорах тупик еще не означал, что миротворческий потенциал политического диалога исчерпан. Более того, тупик как таковой способен сыграть и положительную роль, если правильно понимать его природу и, исходя из этого, строить свои действия. В нашем случае он мог быть выражением сложившейся на переговорах определенной ситуации. Это во-первых. Во-вторых, тупик мог побудить мысль к поиску новых путей решения задачи. Важно было только избежать как переоценок, так и недооценок значимости тупиковой ситуации.

Следует учитывать и другое. Тот или иной миротворческий опыт, как и абхазо-грузинский, не может рассматриваться в качестве универсального критерия оценки потенциала политического диалога. Такой опыт сам по себе относителен и потому должен быть критически осмыслен. В связи с этим нетрудно понять, что тупик, образовавшийся на переговорах, есть не что иное, как отражение (выражение) принципиальной несовместимости стратегических целей и базовых интересов противоборствующих сторон.

В условиях продолжавшегося вооруженного противостояния стороны на переговорах не могли позволить себе ни малейшего отступления от своей исторической стратегии, ни определенного компромисса, дабы не лишиться своей легитимности и не быть обвиненными в предательстве национальных интересов. Для компромиссов же на переговорах необходимы определенные изменения как со стороны самих конфликтующих сторон, так и ситуации вокруг них. Такие изменения еще не произошли. Стало быть, мы не вправе были ожидать каких-то заметных прорывов на переговорах, как того хотелось широкой общественности, уставшей от послевоенной разрухи и социально-политической неопределенности.

Истоки тупика следует искать в самом *подходе* к пониманию феномена конфликта, в котором нужны не столько политические, сколько *академические* (научные) оценки, позволяющие разработать концептуальное понимание природы конфликта, характера и направления его трансформации в реальных исторических обстоятельствах и с учетом конкретных участников миротворческого процесса. Имеется в виду такая политическая формула урегулирования, которая опирается на соответствующую научную базу.

Познание конфликта как путь к его урегулированию

Коль скоро ведущий к ненасильственному урегулированию путь проходит через познание природы конфликта, то оно должно быть осуществлено на всех трех уровнях: *описательном, объяснительном и понимающем*.

Такое разграничение уровней познания особенно важно, поскольку на каждом из них решаются различные задачи, и решаются они по-разному. Чтобы стать исходной базой урегулирования, познание должно быть доведено до завершающего (понимающего) уровня, на котором создается целостная концепция конфликта. Такая концепция содержит не только описание, объяснение различных фактов, явлений, связанных в той или иной мере с конфликтом, но и понимание того, что есть конфликт в контексте того или иного сообщества.

На уровне концептуального понимания должна быть раскрыта суть конфликта – его истоки, причины, условия формирования, характер и направление развития, менталитет и ментальность его участников, их стратегические цели и базовые интересы, геополитический и культурно– исторический контекст. Только на таком уровне познания возможно выра-

ботать оптимальную и исторически перспективную формулу урегулирования конфликта и принять политическое решение.

Это важно учитывать, ибо методологическая путаница, при которой описание конфликта часто выдается за его объяснение, служит благоприятным условием для различных спекуляций и фальсификаций. Следствием такой путаницы стало то, что развивавшаяся в прошлом веке научная мысль об абхазо-грузинских взаимоотношениях не только не способствовала взаимопониманию сторон, но и, напротив, усложняла его, став в конечном итоге одним из факторов открытого противостояния. Создалась ситуация, когда каждая из сторон конфликта была «по-своему права», ситуация, которая стала основой научного нигилизма в миротворческом процессе.

Несмотря на сложившиеся у враждующих сторон стереотипы мышления, некоторые позитивные изменения в самих подходах к осмыслению конфликта все же наблюдались. Особый интерес в этом плане представляли проекты, выполненные совместно абхазскими, грузинскими, русскими и западными специалистами [15]. Эти проекты выгодно отличались тем, что были выполнены на более высоком методологическом уровне, позволявшем раскрыть многие важные аспекты конфликта. Однако задача системного анализа конфликта и воссоздания его целостного образа так и осталась невыполненной.

§ 4. Как мыслить Абхазию?

Ключевые понятия: абхазы, Абхазия, культура, история, историография, аборигенность, этногенез, идентичность, сознание, познание

Постановка проблемы

Нет необходимости доказывать, что суть феномена Абхазии заключается в понимании ее как определенной культурно – исторической реальности. Это достаточно очевидно. Более важным представляется воспроизведение духовного образа Абхазии, так как именно реалии культурно-исторической жизни и определяют в конечном итоге ее политико-правовой статус, помогают разобраться в сути абхазо-грузинского конфликта и рационализировать процесс его урегулирования.

Проведение такой предварительной работы тем более важно, поскольку в понимании феномена Абхазии существуют непомерный разброс мнений и полярные точки зрения, что служило и служит мощным детонатором в нарастании конфликта и сохранении противостояния. Такие искаженные представления об Абхазии сложились в течение последних столетий, когда она подверглась серьезным социокультурным деформациям, став территорией, которую приходилось заново осваивать и обустраивать. Иначе говоря, одна из задач, возникающая в связи с урегулированием конфликта, – это расчистка тех завалов, которые мешают адекватному пониманию феномена Абхазии. Вряд ли возможно добиться урегулирования конфликта на основе искаженного представления об его участниках?

При ближайшем рассмотрении нетрудно заметить, что все многообразие сложившихся противоречивых представлений об Абхазии сводится, в конечном итоге, к двум взаимоисключающим концепциям, согласно которым:

1. *«Абхазия есть Абхазия, а не часть Грузии».*
2. *«Абхазия есть часть Грузии».*

В подтверждение каждой из концепций сторонами приводится достаточно много фактов, зачастую одних и тех же, что создает видимость, будто каждая из них, в отдельности, истинна. Но ведь культурно-историческая реальность (Абхазия), которая осмысливается в рамках этих концепций, одна! Нет ведь двух Абхазий, а есть лишь одна!

В целях устранения двойственности в восприятии Абхазии обратимся к истокам – к этимологии тех понятий, посредством которых осмысливается данная культурно-историческая реальность.

О ключевых понятиях «абхазы» и «Абхазия»

Топоним «Абхазия» произведен от этнонима «абхазы». Как правило, название местности (территории) дает та социальная общность (этнос, народ), которая ее освоила: русские – Россия, французы – Франция, грузины – Грузия и т. д. И столь же очевидна причинно-следственная связь: абхазы – Абхазия. Даже в грузинской историографии эта связь не подвергается какому-либо сомнению. В приводимом ниже историческом экскурсе эти понятия также рассматриваются в их генетической связи.

Абхазы – это самоназвание (этноним) народа, являющегося, как известно, одним из древнейших (автохтонных) народов Юго-Западного Кавказа (Восточного Причерноморья). Территория, которую он всегда занимал и занимает ныне, носит его имя – Абхазия (страна абхазов). Каких-либо других названий (топонимов) этой территории в исторических анналах не встречается. Исторической наукой не зафиксирована и какая-либо смена этнического

состава населения и, соответственно, культуры (по крайней мере, на протяжении последних трех тысячелетий).

Культура, представленная на этой территории, непрерывна во времени, локализуется в пространстве, гомогенна, достаточно самобытна и самодостаточна. Ни один другой народ, кроме абхазов, не отождествляет себя с этой культурой и не выражает себя через нее. Именно абхазы выделяют себя из окружающего мира, осознают себя отдельным народом и самоидентифицируются через эту культуру.

Ни с каким другим народом абхазы себя не смешивают, даже с близкородственными адыгами, с которыми они еще недавно составляли единый западнокавказский социокультурный мир. Единственно, с кем они могут себя отождествить, – это, пожалуй, абазины и, конечно же, зарубежная абхазская диаспора.

Здесь важно и другое: не только сами абхазы осознают себя как отдельный народ и отличают себя от других соседних народов, но и последние отличают абхазов от себя и считают их отдельным народом. Не только абхазы не мыслят себя частью какого-либо другого народа, но и ни один другой народ, в том числе и грузинский, не считает абхазов частью своей этнической общности.

Таким образом, абхазы – это отдельный народ, что находит достаточно четкое выражение как среди самих абхазов, так и соседних с ними народов. Очевидно также и то, что с точки зрения формальной логики понятия «абхазы» и «народ» находятся в отношении тождества, в котором понятие «абхазы» определяется через понятие «народ». Из этого следует, что абхазы как определенная социальная общность обладают теми существенными (необходимыми) признаками, какими характеризуется и народ.

Народ как таковой – это одна из форм социальной общности людей, представляющая собой продукт длительной естественно-исторической эволюции. Эта форма отличается от других (род, племя, соплеменность и т. д.) сложностью структуры, степенью устойчивости связей между ее элементами и более высоким уровнем организации жизни.

Народ – не просто сумма определенного количества людей на определенной единице пространства, а органическое целое, чья дееспособность поддерживать, воспроизводить и защищать свою систему социальной организации (относительную самодостаточность) создает единое смысловое (культурное, информационное и т. д.) пространство. В пределах этого пространства люди ведут совместную деятельность по единым правилам и нормам жизни.

Это означает, что каждый отдельный народ в пределах определенной (ограниченной) территории (пространства) создает свой отдельный социальный мир. Наличие территории является необходимым условием формирования такого мира. Ни одна социальная общность, тем более народ, не может сложиться без наличия у нее *своей территории*. Причем территория – это не просто единица пространства на поверхности планеты, отведенная тому или иному народу, а *освоенная* и обустроенная народом *своя* территория. Именно в процессе совместного освоения территории и происходит образование конкретной социальной общности, а освоенная территория становится территорией данной общности.

Завершая анализ понятий «абхазы» и «Абхазия», важно еще раз отметить: ничего другого, кроме того, что абхазы – это самоидентифицирующийся (как отдельный) народ, а Абхазия – это их (абхазов) страна (территория), эти понятия не означают. И если придерживаться научной методологии, то вряд ли возможно их толковать по-другому.

«Абхазы» и «Абхазия» – это ключевые и формообразующие понятия абхазской культуры. Именно через эту культуру они могут быть рационально осмыслены и адекватно интерпретированы. Попытки истолковать их через другой культурный контекст приводят к неустранимым противоречиям, что и произошло в грузинской историографии.

Оппозиция «Мы» – «Они»

Выше проведенный анализ показал, что абхазы достаточно четко осознают себя отдельным народом и выделяют себя из окружающего мира. Да и соседние народы, в том числе и грузины, считают абхазов отдельным народом.

Самоидентификация возможна лишь в сопоставлении себя с другим, в антитезе «Я» – «Он» («Мы» – «Они»). Но антитеза возникает тогда, когда есть взаимоотношения. Именно во взаимоотношении с другими происходит осознание каждым себя. Другого пути самопознания, равно как и познания другого, не существует. Такова закономерность формирования как индивидуального, так и коллективного самосознания.

Происходит этот процесс посредством формирования оппозиционной схемы взаимодействия «Я» – «Он» (на индивидуальном уровне) и «Мы» – «Они» (на коллективном уровне). Каждый из взаимодействующих в этой схеме субъектов осмысливает себя через различие, т. е. «Я» («Мы») – это не «Он» (не «Они»). Иначе говоря, «Я» («Мы») есть то, чем «Он» («Они») не является. Вспомним в связи с этим древних греков, для которых «варвары» – это те, кто говорит не на древнегреческом языке; или же русских, для которых немцы – это «немые», т. е. говорящие на непонятном для русских языке.

В качестве отличительного признака могут быть использованы самые разнообразные черты, присущие тому субъекту, по отношению к которому другой субъект самоидентифицируется. При этом взаимодействующие субъекты в этой схеме постоянно меняются местами: «Я» («Мы») превращается в «Он» («Они»), а «Он» («Они») – в «Я» («Мы»). Все зависит от того, кто из взаимодействующих субъектов совершает акт самоидентификации.

Такая схема вполне применима и к абхазо-грузинскому взаимоотношению. Для абхазов «Мы» – это все те, кто относит себя по этническому признаку к абхамам и считается внутри данной этнической общности «своими». Все остальные, с точки зрения самосознания абхазов, – это не абхазы, а «Они», куда входят, в частности, и грузины.

По такой же схеме строят свое отношение к абхамам и грузины, для которых абхазы – это «Они», т. е. не грузины. При этом важно подчеркнуть: в самосознании грузин в «Мы» входят карталинцы, кахетинцы, имеретинцы, мегрелы, сваны и другие картвельские субэтнические группы, но *абхазов среди них нет!* Стало быть, *грузины не считают абхазов частью своей этнической общности!* В то же время *они считают Абхазию частью Грузии?!* Это значит, что в самосознании грузин *Абхазия – это часть Грузии, но абхазы – не грузины?!*

На эту противоречивость самосознания грузин мы обратили внимание еще в 1990 г. [16]. Обратил на нее внимание и грузинский автор Г. Нодия [17], но не стал ее раскрывать, поскольку это привело бы к разрушению им же конструировавшейся концепции. Поэтому важно объяснить, как такое противоречие в понимании феномена Абхазии сложилось в сознании грузинского общества?

В лабиринтах познания

Ситуацию, когда в отношении одного и того же предмета познания возникают различные, порой полярные, подходы, можно было бы рассматривать как обычное явление в научной практике, и отнюдь не сетовать на нее, если бы не вполне определенный земной смысл такой научной абстракции, какой является понятие «Абхазия». В самом деле, историческая судьба абхазского народа во многом зависит от того, как будет трактоваться это понятие и в науке, и в общественно-политической практике современного мира. Коль скоро это так, а это на самом деле так, то необходимо вернуться к двум рассмотренным выше конкурирующим концепциям относительно феномена «Абхазия».

Естественно, вызывает интерес сам факт возникновения столь полярных друг другу концепций в понимании одной и той же культурно-исторической реальности (Абхазия), которая при ее аутентичной интерпретации, казалось бы, должна исключить возможность их образования. Поэтому одними лишь традиционными методами (дескриптивным, компаративистским и др.) трудно разобраться в той путанице, которая образовалась в грузинской историографической мысли.

Однако ведущий к истине путь тернист. Важна не только, быть может, и не столько истина сама по себе, сколько ведущий к ней путь, который тоже должен быть истинным (К. Маркс).

Истина, как известно, является прерогативой науки. Предназначение науки – постижение истины, которая должна отвечать предъявляемым ей требованиям. Главными из них являются *адекватность* мыслимым в науке вещам и *объективность*. Потому *содержание* истины не зависит ни от воли и желания человека, ни от его субъективных пристрастий и интересов.

Однако это не значит, что истина (стало быть, и наука) полностью свободна от субъективного фактора. Науку создают определенные люди, которые живут и творят не в «башне из слоновой кости», а в конкретных условиях и обстоятельствах времени (в том числе и политических). Часто эти обстоятельства оказывают влияние на ученых мужей, особенно на тех, кто занимается социальным познанием.

Политическая власть, тем более авторитарная, всегда тяготеет к преобразованиям управляемого ею общества и общественного сознания «по образу и подобию своему». Одно из средств достижения такой цели – это наука и использование ее в угоду официальной конъюнктуре. Потому наука отвечает предъявляемым ей требованиям в той мере, в какой соблюдается статус ее независимости. Но даже соблюдение этого статуса, само по себе, не гарантирует истинности знания. Степень истинности знания во многом зависит от технологии его получения. В этой технологии имеют значение не только различные логические схемы и умпостроения, но и ценностная ориентация, культура мышления, стиль рефлексирования *познающего субъекта*, цель, которую он преследует, конкретные исследовательские задачи, которые он при этом решает.

Все это делает вероятным различное (субъективное) толкование одного и того же *познаваемого объекта*, создает для исследователей прецедент права на «свою» истину. Получается, сколько исследователей, столько и истин. Но на самом деле истина одна. И пока в исторической науке продолжается острая полемика между сторонами в борьбе за «свою» истину, пока существует псевдонаучная грузинская литература и публицистика и спрос на нее «своих», рассчитывать на успех в урегулировании грузино-абхазского конфликта трудно.

Еще раз о двух концепциях

Образование двух взаимоисключающих концепций в понимании Абхазии – это своеобразное идеологическое выражение нараставшего тогда противостояния между сторонами. Именно в контексте этого противостояния можно разобраться в сути ситуации, когда для абхазской стороны, как уже отмечалось, «*Абхазия – это Абхазия*», а для грузинской – «*Абхазия – это часть Грузии*».

Теоретически можно было бы допустить такое положение, но для его обоснования необходимо, в первую очередь, развести друг от друга такие ключевые понятия, как «*абхазы*» и «*Абхазия*» и доказать, что они принадлежат различным этнокультурным мирам, не соотносимым друг с другом. Но тогда надо признать другую концепцию – «*Абхазия есть часть Грузии*» и доказать, что *топоним* «Абхазия» относится к картвельскому этнокультурному миру и через него интерпретируется.

Такое утверждение может считаться доказанным лишь в том случае, если найдется другая территория, где абхазы когда-то сформировались как этнос (народ), территория, которая является их страной и носит их имя. Коль скоро такая территория не найдена, то только та территория может считаться страной абхазов, на которой они образовались как отдельная этносоциальная общность и которая носит их имя – Абхазия.

Такой логический прием – доказательство от противного – закономерно возвращает нас к первой в списке, и единственной, как и должно быть, истине – *«Абхазия есть Абхазия, и она не является частью Грузии»*.

Преследуемая грузинской историографией задача не разрешима еще и потому, что этноним «абхазы» и топоним «Абхазия», как выше отмечалось, неразрывны: последний вытекает из первого и может быть исходя из него же истолкован. Это значит, что топоним «Абхазия» может быть адекватно объяснен лишь в собственном (абхазском) культурном контексте.

В поисках версии

Выше уже отмечалось, что во второй половине XIX в., в связи с изменившейся геополитической ситуацией в регионе, в грузинском обществе возникла потребность в очередной актуализации тезиса *«Абхазия – часть Грузии»*. С тех пор такое понимание статуса Абхазии стало доминантной идеологемой самосознания грузин и широко культивируется в грузинском обществе. В обосновании этой идеологемы особая миссия была возложена на грузинскую историографию. Благо, такая практика у нее была еще в былые, особенно советские, времена, когда задачи наук, особенно социальных, определялись правящими политическими верхами.

Однако не все обстояло так однозначно. В кругу грузинских историков не было единомыслия. Подробно освещая тесную связь культурно-исторической жизни Абхазии и Грузии, многие классики грузинской исторической мысли (И. Джавахишвили, Г. Меликишвили, О. Джапаридзе и др.) избегали крайних выводов. Но их точка зрения постепенно затерялась в массе идеологически выдержанной литературы, в которой общественности предлагалось рассматривать Абхазию не иначе как часть Грузии. Более того, обоснование этой политизированной мифологемы стало своеобразной парадигмой в трансформации грузинской историографической мысли вообще.

Версия первая

В унисон с такой трансформацией была выдвинута в середине прошлого столетия известная версия П. Ингорквва о том, что *абхазы – это одно из средневековых картвельских племен (субэтносов)*, которое в условиях якобы происходивших в XVII–XVIII вв. миграционных процессов смешалось с северокавказскими (адыгскими) племенами и утратило свою первоначальную (картвельскую) этнокультурную идентичность.

Замысел построения такой версии вполне соответствовал задаче, которая при этом решалась. Однако обосновать эту версию ученому так и не удалось из-за отсутствия фактических данных. Необходимо было раскрыть причину, характер и последствия миграционных процессов в регионе и объяснить, каким образом северокавказским (адыгским) племенам удалось ассимилировать часть грузинского народа.

Неопровержимым доказательством несостоятельности выдвинутой версии является, прежде всего, язык – наиболее надежный источник исторической информации. Могут лгать и заблуждаться люди, в том числе и историки, но язык – не может. Как известно, любой язык адекватно отражает своеобразие той природной среды, в которой он формировался и

развивался. Абхазский язык в этом плане не является исключением. Он достаточно четко фиксирует своеобразие флоры и фауны Абхазии. Если бы было иначе и абхазский язык формировался бы в условиях другой среды, то в нем должны были сохраниться ее «следы».

Кроме того, нелепо думать, что абхазский язык формировался в XVII–XVIII вв. Среди специалистов-лингвистов давно сложилось единодушное отношение к тому, что абхазский язык возник намного раньше и является одним из древнейших языков Кавказа.

Более того, абхазский язык дает достаточно точное указание на многие явления природы, связанные с территорией обитания абхазов. Например, «восход солнца» на абхазском языке – «**амра гылеит**» (букв. «солнце встало»). Но при этом само явление в языке часто является калькой выражения «восход солнца из-за гор» («**амра ашьха иаав#ы#ит**»). Точно так же описывается и появление света: «**ашьхарахь иаацэ#лашеит**» (букв.: «из-за гор посветлело, рассветло»). Других выражений, дающих описание этого явления, в языке нет.

В то же время для описания захода солнца в абхазском языке имеется всего два выражения: «**амра #ашэит**» и «**амра #аалеит**». Причем «**амра #ашэит**» означает букв. «солнце упало в какую-то глубокую яму», а «**амра #аалеит**» – «солнце погрузилось (опустилось) в воду». Чтобы зафиксировать в абхазском языке восход и заход солнца именно таким образом, человек, наблюдавший за этими явлениями, должен был занимать соответствующую среду обитания, определенную «систему отсчета» (А. Эйнштейн), т. е. находиться на территории Абхазии. Только на этой территории человек мог именно так воспринимать и выражать словами эти явления. Кстати, не менее лаконично характеризуется в языке и рельеф занимаемой территории: «**геи шьхеи**» (букв. «берег и горы»). Близость морского берега и гор отмечается и в мифе об Абырскиле: когда великан ложился отдыхать на лоне природы, то горы служили ему подушкой, а волны морского прибоя омывали его ноги.

Абхазский язык изобилует такими фактами, но их анализ не входит в нашу задачу. Между тем даже приведенные факты дают достаточное основание утверждать, что абхазский язык формировался именно на абхазской территории.

В силу очевидной несостоятельности версия П. Ингорюва не получила поддержки в академических кругах даже в самой Грузии. Но потребность в такой версии сохранилась, особенно в ангажированных слоях грузинского общества. Потому она продолжает широко муссироваться в общественном сознании и в наше время. С точки зрения решаемой Грузией в Абхазии политической задачи, версия П. Ингорюва весьма привлекательна и заманчива. Если ученому удалось бы доказать, что абхазы на самом деле являются одним из племен (субэтносов) картвельской этнической общности, то это было бы решающим аргументом в обосновании мифологемы «*Абхазия есть часть Грузии*».

В связи с этим вспоминается случай, очевидцем которого автору этих строк довелось быть. В начале 90-х годов прошлого столетия в Абхазии, в поселке Гулрипш, проходила очередная массовая грузинская манифестация. Выступая на ней, профессор из Тбилиси Акакий Бакрадзе обратился к собравшимся (в основном этническим мегрелам и сванам) с неожиданным для них откровением: «...это вы (мегрелы и сваны. – *Авт.*) и есть абхазы!»

После манифестации ее участники расходились, недоумевая: это каким же образом они – мегрелы и сваны, всегда выражавшие самосознание (свою этническую идентичность) через самоназвания (этнонимы) – «мегрелы», «сваны» и «грузины» – вдруг оказались абхазами?! Впрочем, таких публичных откровений профессор больше себе не позволял. Видимо, «домашний» анализ показал, что подобные откровения могут обернуться для Грузии еще большей бедой. Ведь осознание мегрелами и сванами себя через этноним «абхазы» могло стать серьезной помехой на пути этнической консолидации (культурной гомогенизации) самого грузинского общества!

Несостоятельность тезиса «*Абхазия – часть Грузии*» хорошо иллюстрируется также в контексте военных событий, разыгравшихся на Кавказе в XIX в. Грузия, как известно, поддерживала тогда военную экспансию царизма, а Абхазия выступила против этой экспансии. По существу, Абхазия и Грузия в кавказской войне оказались противниками. Но как это могло произойти, если Абхазия якобы была частью Грузии? В грузино-абхазской полемике нет ответа на этот вопрос. Более того, он (вопрос) так вообще не ставится.

Или же другой исторический факт: если Абхазия была частью Грузии, то почему после присоединения Грузии к России в 1801 г. российскому императору Александру I понадобилось принятие Манифеста от 1810 г. о присоединении Абхазии к России? Грузинские авторы старательно избегают ставить такие вопросы.

Версия вторая

Поскольку выдвинутая П. Ингорквa версия не достигла той цели, которая преследовалась, грузинской исторической науке пришлось заняться разработкой новой версии. Вскоре такая версия была создана. Суть ее сводилась к *идее о двуаборигенности абхазов и грузин в Абхазии*.

Сама по себе такая идея не может считаться научной и не обсуждается в академических кругах в силу ее недоказуемости ни логикой, ни фактами. Однако это не помешало грузинским историкам на протяжении не одного десятилетия развивать эту мысль. Судя по всему, для грузинской историографии сегодня нет более важной задачи, чем обоснование этой версии. Хотя, если вспомнить, и в советское время любая иная точка зрения, не соответствующая идее двуаборигенности, встречалась в штыки и оценивалась как «*антинаучная*», «*антигрузинская*», «*антисоветская*», «*националистическая*», мешающая «*абхазо-грузинской дружбе*» и т. д. и т. и., а авторов таких точек зрения подвергали научному и политическому ostracismu.

Если попытаться мысленно охватить всю огромную грузинскую историографию по данному вопросу и подвергнуть ее логико-методологическому анализу, то нетрудно заметить, что она построена на базе одного аргумента – *на территории Абхазии встречаются отдельные памятники грузинской культуры*. Имеются в виду, в частности, отдельные надписи на грузинском языке, которые на самом деле обнаружены в Абхазии. Но может ли это служить аргументом для отстаивания тезиса: «*Абхазия – часть Грузии*»?

Для обоснования идеи двуаборигенности грузинскими авторами используются также памятники археологии, архитектуры и др., хотя их этническое истолкование в полиэтничном пространстве Кавказа, как известно, весьма рискованно. К тому же в Абхазии имеются надписи не только на грузинском, но и на других языках, скажем, на древнегреческом, латинском, причем сделаны они гораздо раньше, чем грузинские. Но дает ли это основание утверждать, что Абхазия является частью Греции, Италии и т. д.?

Вместе с тем отдельные памятники грузинской письменности встречаются, кроме Абхазии, далеко за пределами собственно Грузии, в той же Греции, на Северном Кавказе и в других местах. Если следовать логике современных грузинских авторов, то не только Абхазию, но и Грецию, Северный Кавказ также следует считать частями Грузии! Разве в самой Грузии не встречаются памятники иных культур, скажем, той же абхазской культуры, о чем свидетельствует, в частности, топонимика Западной Грузии (Колхидская низменность)?

Приводимые грузинской стороной факты свидетельствуют лишь в пользу имевших здесь место межкультурных контактов, в том числе Абхазии и Грузии, но не в пользу отстаиваемой грузинскими историками версии о двуаборигенности. Других же фактов в их распоряжении нет. И вообще следует заметить, что грузинская историография по Абхазии испытывает острый дефицит репрезентативных источников. Именно этот пробел призвана была

восполнить политика искусственного «огрузинивания» абхазской культуры (языка, письменности, образования, топонимики, науки и др.), политика, которая столь настойчиво проводилась в Абхазии в прошлом веке.

Единственное, что осталось в арсенале грузинских авторов, – это *субъективистское толкование* фактов культурно-исторической реальности. Но таким путем научные проблемы не решаются. В лучшем случае можно создать лишь видимость решения проблем, что и продемонстрировал и грузинские авторы в аргументации отстаиваемой ими версии.

Идея дваборигенности и логика этнообразования

При всем кажущемся обосновании идеи дваборигенности абхазов и грузин в Абхазии на поверку оказывается, что фактами эту идею доказать невозможно, так как фактов в пользу нее просто нет. Как нет ни в одной науке, в том числе этнологии, такого научного понятия, как «*дваборигенность*». Между тем эта идея стала парадигмой в развитии современной грузинской историографии. Поэтому необходимо разобраться в самой логике этнообразования, чтобы в ее контексте рассмотреть степень адекватности идеи дваборигенности тем реалиям, которые при этом осмысливаются.

Образование этноса, как известно, – сложный, длительный, но *объективный и закономерный процесс*. Коль скоро этот процесс объективный и закономерный, то он не может протекать *произвольно* и одновременно по *различным сценариям*. Объективность и закономерность развития этногенетических процессов означают, что эти процессы имеют определенную логику, являющуюся *всеобщей*. Согласно этой логике происходило образование абхазов, грузин как самостоятельных этносоциальных общностей – не иначе. Никто ведь из грузинских авторов не осмелился утверждать, что формирование абхазов и грузин происходило в порядке какого-то исключения или отклонения от этой всеобщей закономерности. Бесперспективность таких утверждений очевидна.

При этом следует заметить, что дваборигенность преподносится грузинской обществу и воспринимается ею как процесс *формирования* абхазской и картвельской этнических общностей на одной и той же территории, т. е. на территории современной Абхазии. Если и допустить возможность образования на небольшой территории Абхазии двух различных (абхазской и картвельской) этносоциальных общностей, то оно *могло происходить только путем взаимного обособления*. Это значит, что формировавшиеся этносоциальные общности, каждая со своим этнонимом, должны были не просто делить, а разделить территорию между собой, обозначить границу между «Своим» и «Чужим» миром и строить взаимоотношения по схеме «Мы» – «Они».

Образование этноса – это процесс объединения некоторого множества людей на некоторой единице пространства в социокультурную общность. Причем объединяются люди в общность, поскольку у них нет другого способа выживания, кроме как быть вместе. Такое объединение происходит в процессе совместного освоения определенной территории. Потому любая этносоциальная общность – это величина, отнесенная к некоторой единице пространства. Без этой единицы пространства образование и развитие этносоциальной общности просто немислимы.

Происхождение этноса и освоение им определенной территории – это единый и нерасчленимый процесс *приспособления к ней и преобразования ее*. Это значит, что этнос не только приспособляется к условиям природной среды своего обитания, как это делают животные, но, в отличие от последних, изменяет эти условия и приспособляет их к своим социальным потребностям. Следствием такого преобразования (приспособления) является превращение среды обитания в этническую территорию, которая становится *собственностью* данного этноса.

Такое освоение природной территории (освоение как приспособление) имеет место даже на уровне биологической формы жизни. Вся территория планеты распределена между различными видами и подвидами живых организмов. Каждый из этих видов «произошел» из своей природной среды, имеет свою территорию и, только владея такой территорией, он может поддерживать свое существование.

Территория играет ключевую роль в жизнеобеспечении вида (видов), поскольку содержит в себе те необходимые жизненные ресурсы, без которых его (их) существование просто невозможно. Борьба за существование, выражающая общую закономерность эволюции живых существ, есть не что иное, как борьба за *ресурсы*. Потому *охрана* своей территории (среды своего обитания) – важнейший инстинкт любого вида животных, важнейшая функция любой биологической формы жизни.

Эта закономерность действует и в эволюции социальной формы жизни, но, разумеется, на еще более высоком уровне. Климат, атмосфера, литосфера, гидросфера, словом, вся биота и абиота той или иной территории в совокупности составляют *те жизненные ресурсы*, благодаря которым осуществляется жизнеобеспечение этноса, владеющего этой территорией. Охрана этой территории и ее ресурсов от внешних посягательств – важная составляющая социального гомеостаза.

Не потому ли человек вырабатывает в себе и постоянно совершенствует специализированные навыки и умения защищаться и нападать. Не только волчица обучает своих волчат охоте, но и люди учат своих детей такому сложному делу, каким является военное ремесло. В этом отношении очень показателен пример Древнего Египта, когда именно «слабо выраженная агрессивность», «неразвитость военной функции» древнеегипетского общества явилась, по мнению современных египтологов, одной из причин распада этой уникальной цивилизации [18]. Это дает основание считать, что многие противоречия, конфликты, войны, столкновения, которыми так изобилует мир человека, возникают главным образом из-за перераспределения ресурсов жизни. Основные противоречия современного мира, в том числе локальные этнополитические войны, не составляют исключения.

Однако вернемся к предмету нашего непосредственного анализа. Взаимообособление как механизм этнообразования отнюдь не означает, что каждая из обособляющихся этнических общностей ограждает себя китайской стеной. Границы, которые разделяют одну общность от другой, – это одновременно зона контактов, активного взаимодействия и противодействия (встреч, общений, столкновений и т. д.). Этноты могут враждовать, воевать друг с другом (вплоть до взаимного истребления), но в то же время взаимодополнять и взаимообогащать друг друга, смешиваясь (ассимилируясь) и образуя другую, более крупную, общность. Но пока этноты существуют, они никому не отдадут своей территории, не будут делить ее с кем-либо, как не будут раздваиваться в этнокультурной самоидентификации «Мы». И не важно, – какая это территория: маленькая или большая (хотя, как правило, она соразмерна численности этноса). Важно другое – территория должна быть как таковая и как «своя». Другого пути этнообразования просто нет.

Разумеется, этническая территория не остается неизменной и, в зависимости от различных обстоятельств и причин, может расширяться или же уменьшаться. Но, повторяю, она должна *быть* и должна быть как территория этноса. Результатом этого процесса становится политоним – название «земли» или государства коренного этноса.

Территория, будучи природной, не является, как уже отмечалось, только внешней стороной жизни этноса. Осваивая эту территорию, т. е. приспособливаясь к ней и изменяя ее, этнос превращает эту территорию во внутренний элемент своего социального организма. Иначе говоря, природная среда обитания (территория) – не коммунальная квартира, в которой этноты выступают в качестве простых квартиросъемщиков, а пространство сотворчества языка, культуры, норм, правил жизни людей на этой территории и с этой территорией.

Важно здесь также и то, что взаимообособление и противопоставление различных этносоциальных общностей – это не какая-то аномалия на фоне объединения как общей закономерности процессов социального развития и не ущербная сторона эволюции вида *Homo sapiens*, от которой надо избавляться. Этнокультурное разнообразие есть форма и способ формирования *единства* человеческого рода – отнюдь не аморфного образования. Само единство как таковое возможно при наличии в нем различающихся друг от друга элементов, взаимодействие (и противодействие) которых является источником его генезиса и последующего развития. Этнокультурное разнообразие человечества – результат не только адаптации к природному разнообразию, но и итог *социального творчества* – условия самоосуществления как надбиологической формы жизни.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что обоснование идеи двуаборигенности невозможно ни по сути, ни по форме. Тем более, эта идея невозможна как научная проблема, а само понятие – как научное. Попытка использования такой идеи в объяснении непростых этногенетических процессов ведет к путанице и неустрашимым противоречиям. Очевидно, что идея двуаборигенности не поддается рационализации. Поэтому идею эту следует считать мифологизированной формой субъективного отношения некоторых грузинских исследователей к феноменам «Абхазия» и «абхазы».

О роли этнического фактора в формировании социальной общности

В процессе естественно-исторической эволюции человечества выработалось много различных форм объединения (общности) людей. Этнос является одной из этих форм. Различаются эти формы по степени сложности своей структурной организации. В этой иерархии этнос выступает сравнительно более сложной формой социальной организации и, в свою очередь, состоит из различных структур (индивид, семья, род, племя, касты, классы и т. д.).

Выше уже отмечалось, что необходимым условием образования этноса является наличие у него «своей» территории. Но этого тоже недостаточно, поскольку люди, проживающие на одной территории, составляют не просто произвольно собранную массу, а *определенную организацию (систему)*. Иными словами, люди, составляющие этносоциальную общность, определенным образом *организованы*, а их жизнь в границах этнической территории (природной среды обитания) *упорядочена*. Именно этот порядок и есть *структурная организация социальной системы – этноса*.

Что собой представляет порядок внутри этносоциальной общности?

В своих границах этническая территория играет роль единого смыслового, информационного, правового, культурного, языкового и др. *пространства*. Без его наличия люди не могут объединиться и вести совместную жизнедеятельность. Сама совместная жизнедеятельность как таковая возможна только при соблюдении ее участниками общих правил и норм в осуществляемых ими действиях. Подобное универсальное социокультурное пространство в готовом виде люди не могут застать так, как застают, например, природную территорию (среду). Оно создается в каждом случае конкретной этносоциальной общностью и в соответствии с природными условиями той территории, на которой формируется данная общность. При этом степень жизнеспособности последней во многом определяется уровнем ее адаптации к природной среде обитания.

Создаваемое на отдельной этнической территории социокультурное пространство должно отвечать требованию *непрерывности этнокультурной матрицы во времени и про-*

странстве. Иначе говоря, культура этноса наследуется и транслируется во времени в рамках территории этноса, обеспечивая, таким образом, сохранность и преемственность всех элементов матрицы. Создать свою культуру, непрерывно ее воспроизводить, обеспечивая тем самым этническое «лицо» территории, можно только при условии как численного, так и пассивного (Л. Гумилев) *доминирования*. Если же население территории состоит из небольших этнических или этнографических групп, то речь может идти лишь о синтезе культур территориальной общности, в котором культура ни одной из групп, ее составляющих, не доминирует.

Об этом приходится говорить специально, поскольку часто наблюдается некритическая экстраполяция на ранние периоды этногенеза абхазского народа той этнодемографической картины, которая сложилась на его территории после русско-кавказской войны. Речь идет о той этнической пестроте населения, которая наблюдается в последние два столетия и при которой вряд ли вообще мог образоваться абхазский этнос, тем более страна абхазов – Абхазия.

Если население Абхазии исторически всегда было этнически смешанным и абхазы всегда составляли в нем меньшинство, как в этом нас уверяют многие грузинские авторы, то как вообще мог образоваться абхазский этнос? Как абхазы, не будучи доминирующим этносом на этой территории, могли дать ей свое имя? И каким образом абхамам и грузинам (согласно тем же авторам) – на протяжении тысячелетий двум аборигенам Абхазии – так и не удалось избежать исторически закономерной интеграции в единый этнос с общей идентификацией «Мы», общим самоназванием (этнонимом), зафиксированным в названии их общей территории?

О чем глаголет культура?

В понимании феномена Абхазии грузинская историография оказалась в затяжном кризисе, и нет сегодня оснований думать, что в ближайшее время она выберется из этого состояния. Несостоятельность версии П. Ингорквва (неавтохтонность происхождения абхазов и появление их на территории современного проживания лишь в XVII–XVIII вв.) слишком очевидна, чтобы опровергать ее специально. Самое главное, она не поддается научному обоснованию. Сегодня мало кто всерьез может думать, не рискуя стать интеллектуальным маргиналом, что абхазы – это те же грузины, которые, смешавшись со спустившимися с гор апсуйцами, утратили свою картвельскую идентичность. Поэтому, повторяю, эта версия не получила поддержки в академических кругах грузинского общества. Тем не менее в мифологизированном виде она муссируется в массовом сознании и используется определенными политическими кругами в своих конъюнктурных интересах.

Мифологизирована и вторая версия – о двуаборигенности абхазов и грузин в Абхазии, поскольку и она, как уже отмечалось, не выдерживает научной критики. Несмотря на это, грузинские историки пытаются придать этой версии наукообразный характер и создать видимость ее обоснованности.

О несостоятельности концепции двуаборигенности абхазов и грузин в Абхазии свидетельствует и культура, как абхазская, так и грузинская. Если абхазы и грузины – аборигены в Абхазии, то почему же так мало информации друг о друге в созданных ими культурных артефактах? Например, грузины мало что знают об абхазском нартском эпосе, как, впрочем, и абхазы – о грузинском эпосе «Амираниани». Более того, почему у абхазов свой язык, свой фольклор, свои морально-правовые нормы и т. д., а у грузин – свои?

Зачем абхамам понадобилось создавать особый, отличный от грузинского, социокультурный мир, если они (абхазы), как утверждают грузинские авторы, исторически всегда жили в грузинской культурной среде, которая, кстати, так же могла бы удовлетворять их

социальные потребности, как собственно абхазская культура? И если абхазы на самом деле всегда жили в грузинской культурной среде, то почему они не стали носителями этой культуры, тем более что грузинская культура давно обладала преимуществами письменности? И, кстати, почему абхазы не восприняли грузинскую письменность, а стали создавать свою собственную?

Если грузины на самом деле являются аборигенами в Абхазии и жили здесь на протяжении всей обозримой истории, то почему же не осталось подтверждающих это следов? Если же такие следы здесь имеются, то почему понадобилось Грузии целенаправленно проводить специальную политику насильственного «огрузинивания» Абхазии?

Сколько-нибудь удовлетворительного ответа на эти вопросы концепция двуаборигенности дать не может. Не может она, в рамках хоть какой-нибудь концепции, обосновать и тезис о том, что Абхазия является частью Грузии. Тем не менее из накопленного грузинскими историками опыта можно извлечь определенные полезные уроки.

1. Если исходить из посылки «абхазы и грузины – двааборигенные этносы», то заключение, полученное из нее, – «Абхазия есть часть Грузии» – не может быть истинным, так как исходная посылка (двуаборигенность) не исключает другого заключения – «Грузия есть часть Абхазии». Поскольку научно доказано, что этот тезис ложный, то ложным будет и первый – «Абхазия есть часть Грузии».

2. Если невозможно объяснить феномен «Абхазия», исходя из ложной посылки грузинских историков («Абхазия есть часть Грузии»), то, может быть, стоит *изменить сам подход* к решаемой задаче? А именно – рассмотреть Абхазию не в привычном для грузинской историографии этнокультурном контексте грузин и Грузии, а в ее собственном?

Факт существования двух разных народов (абхазов и грузин), двух разных культур (абхазской и грузинской) однозначно свидетельствует об их *взаимообособленности*, в том числе и *территориальной*. Территориально неопределенного (территориально неограниченного) народа, повторяю, не бывает. Именно внутри своей территории каждый отдельный народ (этнос) создает единое смысловое пространство, единые правила, нормы и законы совместной жизнедеятельности. Только таким образом каждый народ может поддерживать свое существование и саморазвиваться. Другого опыта воспроизводства история человечества не выработала. Закономерность процессов исторического развития как раз и является той самой логикой, согласно которой можно раскрыть и понять суть этнических процессов.

Закономерно, что народы как таковые территориально *разделены, взаимообособлены*. Только в этом случае у каждого из них в отдельности возникает *надобность (потребность) в обустройстве своей территории, т. е. создании культуры*. Каждый из них отдельно для себя и на своей территории создает свой особый социокультурный мир, соответствующий его потребностям, возможностям, способностям, идеалам, а также условиям природной среды (территории). Но создается этот мир, разумеется, с учетом опыта других, так как ни один народ не существует изолированно, напротив, он находится в различных связях и отношениях с другими, образуя со временем макросообщество. В этом сообществе народ сохраняет определенную самостоятельность, выступая в качестве одного из его субъектов. И это тоже закономерно. Разделенность (взаимообособленность) народов, таким образом, условна. В процессе взаимодействия народы обмениваются ценностями, смешиваются через межэтнические браки и др.

Основные тенденции этногенетических процессов – это образование, распад и новое образование родов, племен, этносов, наций и др. Причем образование и распад являются единым диалектическим процессом, ведущим к новой форме этнической общности. Старая форма распадается, но распад является одновременно частью процесса образования новой общности, но на более высоком уровне ее развития.

Так же и народы, страны, цивилизации, составляющие человечество, образуют в ходе исторического развития самые разнообразные конфигурации. Формы конфигурации меняются, но сами общности как таковые остаются. Границы, разделяющие народы и страны, во времени и пространстве меняются, но граница как таковая остается.

В свете накопленного человечеством опыта социального обустройства, в том числе абхазами и грузинами, нетрудно понять суть исторической реальности, ставшей для современной грузинской историографии своеобразной зеноновской апорией: *абхазы и грузины – это два самостоятельных (самобытных) соседних народа, которые территориально разделены и культурно взаимообособлены*. Разделявшая их граница исторически менялась, но она всегда была и оберегалась каждым из них.

Подчеркну еще раз. Абхазы никогда не осознавали и не осознают себя через грузинскую культуру, они осознавали себя через собственную культуру, которая является действительно частью, но не грузинской, а кавказской культуры. Это не мешало абхазам и грузинам поддерживать друг с другом различные взаимоотношения, в том числе и политические. С 1931 по 1992 г. Абхазия входила в состав Грузинской ССР. Но этого недостаточно для утверждения «Абхазия является частью Грузии». Впрочем, в свое время территория Западной Грузии входила в состав Абхазского царства, и было бы нелепо на этом основании добиваться присоединения ее к современной Абхазии.

Территориальная и социокультурная разделенность абхазского и грузинского народов – не помеха на пути урегулирования конфликта между ними. Эта разделенность как раз и показывает, что политическая формула ненасильственного урегулирования может быть построена на базе понимания и правового признания равносубъектности абхазов и грузин.

Кризис сознания

Абхазо-грузинскому диалогу мешал и мешает, в первую очередь, дефицит *взаимопонимания*. Все попытки сторон убедить друг друга каждый раз оказывались тщетными. Иначе и не могло быть. Преследовавшиеся сторонами стратегические цели, как уже отмечалось, не могли быть совмещены в рамках единой государственной системы.

Правда, Абхазия была в составе Грузинской ССР в рамках единой советской государственной системы. Но эта система была федеративной, устроенной по национально-территориальному признаку, что позволяло входившим в нее республикам, особенно союзным, в какой-то степени защищать и развивать свои национальные интересы. Однако этому развитию было задано определенное направление. Стратегическая цель, преследовавшаяся советской системой, состояла в формировании надэтнической, так называемой «новой исторической общности людей – советский народ». Такая система не могла быть гарантом безопасности национальной идентичности Абхазии и Грузии.

Но и в этих условиях Грузия была в более привилегированном положении. Дело не в том, что Грузия была наделена статусом союзной республики и что этнические грузины (Сталин, Берия и др.) долгое время правили страной, а в ее геополитическом положении. Советская страна, как и царская Россия, занимавшая огромную территорию в евразийском пространстве, остро нуждалась в форпостах, особенно на Кавказе – одновременно самом значимом и самом сложном для нее направлении.

Выполнение этой миссии было возложено на Грузию, которая должна была олицетворять собой все разнообразие региона. Потому термин «Грузия» в советские времена часто употреблялся как синоним всего Кавказа.

Система формировала Грузию политически, формировала ее особое место и роль в регионе. Это было воспринято грузинским обществом в неадекватной форме – в форме национальной исключительности. Более того, эта миссия, возложенная на Грузию, очень скоро

трансформировалась в самосознании грузинского общества в некую мессианскую идеологию, заложником которой оно часто, особенно на крутых поворотах истории, оказывалось. Как видим, освободиться от данной идеологии, адекватно оценить окружающий мир и самих себя грузинскому обществу пока не удалось.

Абхазия занимала сравнительно скромное место и в Российской империи, и в советской системе. Хотя советизация Абхазии началась в форме союзной республики (ССР Абхазия), но вскоре (в 1931 г.) административным путем она была преобразована в автономную республику (Абхазская АССР) и включена в состав Грузинской ССР. Такое преобразование предельно ограничило поле деятельности абхазской автономии, которая уже не могла выразить, тем более защитить, национальные интересы абхазского народа. По существу, автономия была превращена в административный инструмент, использовавшийся Тбилиси не в национальных интересах Абхазии, а против них. Потому абхазскому народу приходилось выражать и защищать свои национальные интересы лишь в протестной форме, что, разумеется, было далеко не лучшим способом решения стоявших перед ним проблем.

§ 5. Об истоках конфликта и национальных интересах Абхазии

Ключевые понятия: конфликт, истоки, интересы, противоречие, единство, ресурсы, идентичность

Социальная база конфликта

Конфликт, как известно, есть столкновение интересов участвующих в нем социальных акторов. Сталкиваются интересы в силу своего различия, а также в силу различия их носителей – отдельных индивидов и общностей (объединений). Объединение людей в разнообразные формы кооперации не есть свободный выбор, а *необходимость*, которая *вынуждает* объединяться. Не объединяться друг с другом люди не могут, ибо никто изолированно существовать не может. Но, объединяясь в конкретное сообщество, каждый вынужден ограничивать свою свободу, чтобы его свобода не стала *«произволом»* (Кант) для свободы другого. Получается, что люди вынуждены объединяться вопреки своей воле и в ущерб своей свободе. Это не может не делать складывающиеся между ними взаимоотношения *противоречивыми*. На это, пожалуй, первым обратил внимание еще Кант в тезисе об изначальном *«антагонизме»* любого сообщества людей [19].

Что касается отдельного индивида, то и он выживает только в коллективе и через него – другого пути нет. Но жить в коллективе – значит признавать его правила и нормы, сбалансировать свою свободу со свободой других, соотносить свои потребности с потребностями других членов коллектива. Это значит, что неизбежные для жизни социальные отношения складываются как *противоречивые* и могут стать источником конфликта. Поэтому социальная форма жизни *изначально конфликтногенна*; неконфликтногенных социальных общностей не бывает.

По такой же схеме строится взаимоотношение между этническими общностями, каждая из которых стремится к абсолютной свободе и максимальному удовлетворению своих потребностей. Ни одна из них (общность), какой бы многочисленной она ни была и каким бы потенциалом ни обладала, не является абсолютно самодостаточной, а потому вынуждена вступать в отношения с другой общностью. Эти отношения могут быть разными: непосредственные, опосредованные, взаимовыгодные, ущербные для одной из сторон и т. д. Но какими бы ни были сами отношения как таковые, они всегда остаются потенциально конфликтногенными. Именно в *сфере отношений* следует искать истоки конфликте генности.

Абхазы и грузины как участники конфликта

В конфликтологии участники конфликта делятся на непосредственных и опосредованных. Абхазы и грузины являются непосредственными участниками конфликта, о котором здесь идет речь. Уже сам факт сосуществования на одном геополитическом пространстве (Южный Кавказ) двух различных народов (абхазов и грузин) обрекает их многовековые взаимоотношения на конфликтность (противоречивость). Однако это не означает, что конфликтность неизбежно приводит к вооруженному столкновению. Ведь жили же абхазы и грузины бок о бок на протяжении не одного столетия мирно? Хотя и тогда, в мирных условиях, взаимоотношения между ними не были бесконфликтными.

В процессе своей трансформации конфликт, как известно, проходит различные стадии, главные из них – это латентное (скрытое) и открытое состояния конфликта. В латентном

состоянии конфликт существует в любой социальной общности, любой структурной организации.

Абхазы и грузины – это не только исторически сложившиеся народы, обреченные жить в непосредственном соседстве и поддерживать друг с другом определенные отношения, но и самостоятельные *субъекты* культурно-исторической жизни. В иерархии этносоциальных общностей они качественно однопорядковые. Каждый из них в отдельности (и абхазы, и грузины) осознают себя не только на этнокультурном, но и на политическом уровнях.

Оба народа являются носителями идеи своей государственности, унаследованной ими от предков. Поэтому истоки абхазо-грузинского конфликта следует видеть в самом факте сосуществования на небольшом жизненном пространстве двух разных, самостоятельных социально-культурных и социально-политических образований, каждое из которых вынуждено взаимодействовать с другим и при этом оберегать свои национальные интересы. А поскольку потребность защиты возникает из другой потребности – общаться и взаимодействовать с другими, постольку взаимодействие несет в себе *вероятность* перерастания скрытого конфликта в открытую его фазу. Преследуемые при этом цели и ценности разных сторон (которые не всегда совпадают, а порой, как в нашем случае, исключают друг друга) лишь усиливают эту вероятность.

О базовых интересах участников конфликта

Коль скоро конфликт есть столкновение интересов его участников, то необходимо, в первую очередь, выяснить, что собой представляют интересы вообще и интересы абхазов и грузин в особенности. Однако при выяснении смысловой нагрузки понятия «интерес» возникают серьезные трудности. Они связаны, прежде всего, со слабой разработанностью этого понятия в научной литературе. Еще менее разработано понятие «национальный интерес», что позволяет политической конъюнктуре использовать его в качестве инструмента, а лидерам ведущих стран мира, например США, по своему усмотрению объявлять ту или иную территорию земли «зоной своих национальных интересов».

В понимании национальных интересов Абхазии и Грузии ситуация обстояла ничуть не лучше. Как оказалось, конфликтующие стороны не обладали сколько-нибудь осмысленными представлениями о своих национальных интересах, подтверждением чего стал сам переговорный процесс. Между тем рассчитывать на успех в миротворческом процессе, без учета интересов враждующих сторон, вряд ли было возможно.

Рациональное осмысление национальных интересов Абхазии и Грузии возможно, на наш взгляд, в контексте той *стратегической цели*, которую каждая сторона преследует, и *теми потребностями*, которыми она (сторона) обладает. Если попытаться понять смысл преследуемой сторонами стратегической цели, то, видимо, это создание реальных условий для *свободного саморазвития и обеспечения безопасности своей формы организации социальной общности*. В свою очередь это есть не что иное, как поддержание каждой стороной своего *социального гомеостаза*:

- а) *производства* (поддержание наличной формы) жизни;
- б) *воспроизводства* (повторение и транслирование наличной формы) жизни;
- в) *обеспечения безопасности* как необходимого условия производства и воспроизводства жизни.

Такая структура национальных интересов (потребностей) социальной общности воспроизводит на более высоком уровне гомеостаз других живых существ, приверженных вести коллективный образ жизни. Только на уровне социальной формы жизни каждый из этих интересов (потребностей) представляет собой более сложное образование. Так, например, производство жизни осуществляется через и посредством удовлетворения таких базовых

потребностей человека, как потребность в пище, одежде и жилище. Но объекты, посредством которых можно удовлетворить такие потребности, человек (в отличие от других живых существ) в природе в готовом виде не находит. Поэтому ему самому приходится производить то, что он потребляет.

Провести такую сложную операцию – из вещества природы сделать предмет потребления – в одиночку человек не может. Чтобы наладить производство, люди, используя приобретенные навыки и способности адаптивно-преобразующей социальной деятельности, должны *скооперироваться, скоординировать свои совместные действия, создать и соблюдать определенный внутрисоциальный порядок*.

Это дает основание думать, что достижение преследуемой индивидом (или сообществом индивидов) стратегической цели может осуществляться им через удовлетворение, в первую очередь, своих базовых потребностей. Поэтому здесь важно выяснить природу самих человеческих потребностей, тем более что они достаточно хорошо изучены в науке.

В современной науке потребность как таковая понимается как *то, что мотивирует, побуждает* человека к определенным действиям. Обычно действия человека направлены на внешние объекты, причем на те из них, которых ему недостает. Потребность, таким образом, есть «стремление к тому, чего недостает» [20]. Здесь важно не отождествлять потребность с объектом, посредством которого она удовлетворяется. Потребность, как бы в чистом виде, есть характеристика психофизиологического состояния человека, при котором он либо *нуждается* в том или ином объекте, либо же не нуждается в нем, ибо «удовлетворенная потребность – уже не потребность» [21].

По своему содержанию потребности человека самые разнообразные, не сопоставимые с потребностями высокоорганизованных животных, даже приматов. Потребности бывают *врожденными* и *приобретенными* в ходе социализации индивида. Разнообразны они и по степени значимости. Чтобы охватить все это разнообразие потребностей, в науке формируются различные модели их классификации и систематизации. Но в качестве главных выделяются следующие:

- а) *физиологические потребности,*
- б) *потребность в безопасности,*
- в) *социальные потребности.*

Каждая из этих потребностей структурируется и образует целую систему других потребностей. Например, социальные потребности включают в себя необходимость не только в принадлежности к определенной социокультурной общности, но и в эстетических, этических, политических и других благах.

При этом важно подчеркнуть, что иерархическая структура, образуемая потребностями, не является абсолютно жесткой и исторически меняется в зависимости от уровня организации и развития общества, а также условий удовлетворения этих потребностей. Чем более примитивна организация жизни социальной общности, тем более значимы потребности физиологические и потребность в безопасности.

Иерархическая структура потребностей меняется также в зависимости от особенностей той или иной цивилизации, культуры, страны и т. д. Например, в общине йогов физиологические потребности не играют той роли, какую они играют в жизни, скажем, западных обществ. Зато потребность в медитации, не столь значимая в жизни западных обществ, значима в жизни тех же йогов.

Без учета этих особенностей потребностей трудно разобраться в природе национального интереса. Более того, осмысление стратегической цели в удовлетворении базовых потребностей как раз и есть тот самый путь, который ведет к адекватному пониманию природы интереса вообще и национального интереса в том числе.

В самом деле, потребность и интерес органически взаимосвязаны. Потребность и интерес – это однопорядковые, но не тождественные понятия. Потребность кратковременна, прерывна во времени, интерес же как таковой сохраняется в течение длительного времени. Сытый человек не испытывает потребности в еде, но при этом пристрастие к созданию пищевых запасов, так же как и интерес к разрекламированному или просто незнакомому продукту, сохраняются.

Интерес формируется через потребность, точнее говоря, потребность, если она базовая, перерастает в интерес. Перерастание потребности в интерес происходит в том случае, если она постоянно *повторяется*.

Формирование интереса происходит также путем суммирования однопорядковых потребностей. «На основе суммации длительных устойчивых потребностей, – пишет в связи с этим профессор Б.Ф. Поршнев, – формируются интересы, как личные, так и общие» [22]. Именно совокупность таких наиболее устойчиво повторяющихся потребностей и составляет национальные интересы народа или страны. Потому важно выяснить, а каковы те интересы Абхазии и Грузии, которые привели к их столкновению?

Территориальные интересы

Типологически абхазо-грузинский конфликт, как и другие постсоветские конфликты на Кавказе, является этнополитическим, в котором территория играет роль одного из конфликтообразующих факторов. Значимость территории здесь столь велика, что некоторое время иностранные аналитики рассматривали абхазо-грузинский конфликт как территориальный.

Выше уже отмечалось геополитическое значение абхазской территории для Грузии. Но геополитическая составляющая далеко не исчерпывает всей значимости этой территории, которая могла бы служить расширению жизненного пространства Грузии и укреплению ее безопасности от внешней угрозы. Жизненно важное значение абхазской территории – это, прежде всего, те *природные ресурсы*, которыми она располагает и в которых Грузия остро нуждается.

Территория Абхазии, как известно, чрезвычайно разнообразна и богата природными ресурсами, что весьма благоприятствует развитию социальной, особенно хозяйственной, жизнедеятельности человека. Именно природно-климатический комплекс Абхазии всегда привлекал и привлекает внимание внешнего мира. Этот комплекс может служить сегодня мощной базой для формирования национального капитала, ставшего самодовлеющей ценностью и формой экономической безопасности.

Ресурсный потенциал Абхазии (геостратегическое положение территории и ее сырьевые запасы) представляет собой как раз то, чего Грузии больше всего недостает. Мотивирование грузинской стороной своих действий в Абхазии стремлением к сохранению государственной (территориальной) целостности есть не что иное, как попытка подвести политико-правовую базу под свою конечную цель – присвоение необходимых ей ресурсов Абхазии. На достижение этой цели, всеми дозволенными и недозволенными приемами, Грузия тратила (и продолжает тратить) значительную часть своего государственного, в том числе идеологического, потенциала.

В условиях посягательств Грузии на абхазскую территорию Абхазии не остается ничего другого кроме как защищать свою исторически унаследованную территорию. Без этой территории, без своих собственных природных ресурсов реальное существование Абхазии просто невыносимо. Иначе говоря, рассчитывать на историческую перспективу Абхазия может только через сохранение своего ресурсного потенциала; другого пути самосохранения (выживания) ей просто не дано.

Именно этот рациональный смысл территории мифологизируется в самосознании народа в форме различных сакральных представлений об Отечестве, Родине, земле предков и т. д. с целью закрепления в сознании и поведении людей. Тем более в условиях горных и предгорных территорий, где дефицит земли всегда ощущался весьма остро. Во многом этим – потребностью в сохранении ресурсного потенциала – вызвано стремление Абхазии к созданию своей суверенной государственности, которая мыслится ее народом как определенный гарант своего существования.

Ресурсный потенциал территории – важная составляющая *национальных интересов* Абхазии, о которых грузинская сторона намеренно умалчивает. Более того, грузинская сторона вообще не признает наличия у Абхазии каких-либо своих национальных интересов, кроме культурных. Именно поэтому предлагаемая ею форма абхазской государственности сводится, по существу, к «культурной автономии». Что касается национальных интересов Абхазии, то это, по мнению грузинской стороны, придумано «третьей силой», т. е. Россией, в качестве рычага давления на Грузию.

Если согласиться с грузинской стороной в том, что у Абхазии, на самом деле, нет иных интересов, кроме культурных, то как она удовлетворяла и будет удовлетворять свои естественные потребности в природных ресурсах? Грузинская сторона избегает такой постановки вопроса, дабы не затронуть при этом проблемы собственности на ресурсный потенциал абхазской территории. А ведь это ключевой вопрос в жизни любого народа, страны: разве не тот, кто владеет природными ресурсами территории, является и ее собственником? Что касается развития абхазской культуры, то грузинская сторона готова даже помочь (!) в решении этой проблемы, лишь бы стать собственником абхазской территории.

Но и абхазская сторона не обладала адекватным пониманием своих национальных интересов, которые зачастую сводились лишь к созданию независимой от Грузии абхазской государственности. Идея создания своей государственности в самосознании абхазского общества из политического средства превращалась в некую самодовлеющую цель. Не потому ли среди вопросов, обсуждавшихся на официальных переговорах, вопроса о национальных интересах Абхазии не было вообще? А между тем без оптимального балансирования национальных интересов Абхазии и Грузии вряд ли было возможно добиться заметного прогресса в ненасильственном урегулировании конфликта.

Такой подход к осмыслению грузино– абхазского конфликта (сквозь призму территориальных интересов его непосредстве иных участников) важен еще и потому, что он позволяет раскрыть смысловое различие стратегических целей, преследуемых Абхазией и Грузией в конфликте. Если цель грузинской стороны состояла и состоит в *расширении жизненного пространства, увеличении ресурсного потенциала и укреплении безопасности от внешней угрозы*, то целью абхазской стороны одновременно выступало и выступает решение вопроса: *быть ей или не быть* вообще! Иначе говоря, Грузия может обойтись без абхазской территории, но без этой территории сохранить себя Абхазия не может!

Социокультурная идентичность

Одним только территориальным подходом (при всей его важности) вряд ли возможно исчерпать суть абхазо-грузинского конфликта. Речь в этом конфликте идет не только о *перераспределении* ресурсного потенциала абхазской территории, сколько об *укреплении и сохранении* социокультурной идентичности обеими сторонами. Иными словами, в конфликте Грузия стремится *расширить* и *укрепить* свою социокультурную идентичность и на абхазской территории, а Абхазия – *сохранить* свою идентичность на своей территории.

Сама территория или, говоря шире, природная среда обитания (экологическая ниша) есть лишь средство, целью которого являются создание и функционирование определенной

модели социального жизнеустройства. Иначе говоря, стратегическая цель и Абхазии, и Грузии – создание условий для свободного и безопасного саморазвития, для сохранения и воспроизводства исторически сложившейся на территории каждой из них структурной организации своей социальной системы.

Выше уже отмечалось, что Абхазия и Грузия – это не какие-то абстрактные участники конфликта, а исторически сложившиеся, самобытные социокультурные общности, функционирующие на высоком уровне социальной организации. Это значит, что каждая из них создала и поддерживала на своей территории ту модель социального жизнеустройства (структурную организацию внутрисоциальной жизни, систему запретов и разрешений, отношения и ценностные ориентации людей, порядки, обычаи, верования и т. д.) или тот социальный мир, в котором она мыслит возможность *своего* существования и *своего* жизнеобеспечения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.